

ЖУРНАЛ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН
НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
МЕХАНИЗМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы
V–VI Октябрьской международной
научной конференции
по проблемам теоретической экономики

Москва
2025

УДК 330.8
ББК 65.02+65в6
П 50

Рецензенты:
к.э.н. Е.Н. Калмычкова,
к.э.н. А.В. Галеев

П50 **Политические и экономические механизмы общественного выбора: теоретические подходы и эмпирические исследования. Материалы V–VI Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики /** Под ред. А.А. Мальцева и О.А. Славинской. – М.: ИЭ РАН, 2025. – 190 с.
ISBN 978-5-9940-0802-7

Представленный сборник включает статьи по материалам V–VI Октябрьской международной научной конференции (2023–2024 гг.), посвященной темам: «Экономическая теория и эмпирические исследования: эволюция взаимоотношений» и «Политические и экономические механизмы общественного выбора».

В публикациях исследуются вопросы взаимодействия теоретических и эмпирических подходов в экономике, моделирования деловых циклов, а также роль государственных и общественных институтов в принятии решений. Особое внимание уделено применению эконометрических методов при анализе агентских проблем и влияния трудоустройства на самооценку здоровья. К ключевым темам сборника также относятся макрофинансы, микроэкономический анализ и адаптация региональных стратегий развития в условиях санкций.

Ключевые слова: экономическая теория, эмпирические исследования, общественный выбор, макрофинансы, микроэкономический анализ, устойчивое развитие.

Классификация JEL: B1, B4, B5, C2, G3, F4, O4.

Political and economic mechanisms of public choice: theoretical approaches and empirical research. Proceedings of the V–VI October International Scientific Conference on Problems of Theoretical Economics / Edited by A.A. Maltsev and O.A. Slavinskaya. – M.: Institute of Economics of the RAS, 2025. – 190 c.

ISBN 978-5-9940-????-?

The presented publication includes articles based on the materials of the V–VI October International Scientific Conference (2023–2024), devoted to the topics: «Economic theory and empirical research: the evolution of relationships» and «Political and economic mechanisms of public choice».

The publications explore the interaction of theoretical and empirical approaches in economics, business cycle modeling, and the role of government and public institutions in decision-making. Special attention is paid to the use of econometric methods in the analysis of agency problems and the impact of employment on self-assessment of health. The key topics of the collection also include macrofinancial, microeconomic analysis and adaptation of regional development strategies in the context of sanctions.

Keywords: economic theory, empirical research, public choice, macrofinance, microeconomic analysis, sustainable development.

JEL Classification: B1, B4, B5, C2, G3, F4, O4.

ББК ???

© Институт экономики РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	6
---------------------	---

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Белых А.А., Дмитриев А.Л.	
От эмпирики к теории: страницы истории советской экономической науки 1920-х гг.	12
Нифаева О.В.	
Немецкая историческая школа: между теорией и эмпирией.....	32
Мудрик Д.Г., Ковнир В.Н.	
Развитие естественно-научной концепции в экономической науке...	44
Ореховский П.А.	
Ранние анархо-социалисты и поздние либертарики: близнецы-братья?	65
Шапиро Н.А., Александрова А.И.	
Теория общественного выбора К. Эрроу de facto & ad rem – теория совершенной конкуренции, примененная к политическому процессу	78
Мудрик Д.Г., Ковнир В.Н.	
Природа экономических сил в динамической модели движения благ Карла Менгера	94

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ РАБОТЫ

Плущевская Ю.А.	
Измерение «долгого века» накопления капитала: опыт сопряжения теории и эмпирики.....	120
Канева М.А., Зафаржонова М.Р.	
Влияние трудоустройства на самооценку здоровья в России (2015–2022 гг.)	137
Перепечко А.Н., Суслов Н.И., Ягольницер М.А.	
Турбулентность инновационного рынка России: участники, региональные особенности.....	152
Дерзаева Г.Г.	
Сукук как инструмент партнерского финансирования: проблемы внедрения в России.....	175

ОТ РЕДАКТОРОВ

Данный сборник статей основан на материалах V–VI Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, проведенной Журналом Новой экономической ассоциации, Институтом экономики РАН, НИУ «Высшая школа экономики» и Московской школой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова в 2023–2024 гг. при поддержке Новой экономической ассоциации.

Темами V–VI Октябрьской международной научной конференции стали «Экономическая теория и эмпирические исследования: эволюция взаимоотношений» и «Политические и экономические механизмы общественного выбора». Настоящий сборник объединяет исследования, посвященные важным и актуальным проблемам современной экономической науки. В представленных работах анализируется эволюция взаимодействия теоретических и эмпирических подходов в рамках различных экономических школ и исторической перспективе, рассматриваются сравнительные аспекты теории и механизмов общественного выбора, а также исследуются современные модели экономических циклов и проблемы взаимоотношения государства и общества.

Данный сборник объединяет исследования, демонстрирующие эффективность комплексного применения эконометрических методов и эмпирических подходов для решения актуальных проблем современной экономики. Особое внимание уделено анализу агентских проблем и деловой активности

с использованием современных количественных методик, исследованию влияния трудоустройства на самооценку здоровья, а также изучению трансформации роли государства и механизмов общественного выбора в новых экономических реалиях.

Важное значение придается методологическим вопросам гармонизации теоретических конструкторов и эмпирических данных в сфере макрофинансов и микроэкономического анализа. Существенный научный интерес представляют работы, посвященные разработке адаптивных региональных стратегий устойчивого развития в условиях санкционных ограничений, а также комплексному применению эконометрических методов для решения актуальных экономических проблем.

Историко-экономический блок сборника охватывает широкий спектр тем, посвященных взаимодействию экономической теории и эмпирических исследований, раскрывающих эволюцию методологических подходов и их применение в анализе современных экономических процессов. Отдельное внимание уделяется исторической ретроспективе развития экономической мысли. Так, в статье А.А. Белых и А.А. Дмитриева приводится анализ ранних советских попыток моделирования денежного обращения 1920-х гг.

Также в сборнике приведено исследование вклада немецкой исторической школы в формирование эмпирического подхода к экономическому анализу. Работа О.В. Нифаевой демонстрирует, как происходил переход от абстрактных теоретических построений к комплексному изучению хозяйственных явлений. Таким образом, представленные в сборнике исследования не только освещают ключевые моменты истории экономической мысли, но и показывают, как теоретические дискуссии и эмпирические поиски прошлого продолжают влиять на современные экономические исследования.

Первая часть сборника включает также работы, посвященные фундаментальным теоретико-методологическим проблемам современной экономической науки. В частности, Д.Г. Мудрик и В.Н. Ковнир исследуют естественно-научную парадигму экономического анализа через призму динами-

ческих моделей и концепций равновесия, что позволяет по-новому осмыслить традиционные подходы к экономическому моделированию.

Особый вклад в методологическую дискуссию вносит сравнительное исследование П.А. Ореховского, в котором проводится системный анализ сходств и различий между анархо-социалистическими и либертарианскими концепциями, раскрывающий глубинные идеологические основания современных экономических теорий.

Важное методологическое значение имеет работа Н.А. Шапиро и А.И. Александровой, в которой предлагается оригинальная интерпретация теоремы невозможности Эрроу в контексте неоклассической теории. Подход аторов позволяет не только переосмыслить традиционные трактовки проблем коллективного выбора, но и открывает новые перспективы для анализа механизмов принятия экономических решений.

Эмпирические исследования, представленные в сборнике, демонстрируют применение передовых количественных методов для проверки экономических теорий. В статье Ю.Л. Плущевской системные циклы накопления капитала исследуются с помощью логистического моделирования, что позволяет выявить закономерности долгосрочных экономических колебаний.

Особого внимания заслуживает работа М.А. Каневой и М.Р. Зафаржоновой, где метод разности разностей применяется для изучения взаимосвязи между занятостью и показателями здоровья населения. Это исследование не только демонстрирует возможности современных эконометрических подходов, но и вносит существенный вклад в понимание социально-экономических детерминант общественного здоровья.

Представленные работы наглядно показывают, как применение математического моделирования и современных количественных методов позволяет исследовать широкий спектр экономических явлений — от макроэкономической динамики до микроуровневых взаимосвязей в социально-экономических системах.

Значительное внимание уделено инновационным процессам и развитию финансовых инструментов. В работе Л.Н. Перепечко, Н.И. Суслова и М.А. Ягольнищера разрабатывается концепция турбулентности инновационных рынков, в которой рассматриваются как теоретические аспекты динамики инновационных процессов, так и методологические подходы к их анализу.

Практическое измерение данной проблематики представлено в исследовании Г.Г. Дерзасовой, посвященном адаптации инструментов партнерского финансирования (сукрук) к российским экономическим условиям. Автор выявляет институциональные и регуляторные особенности внедрения этих финансовых механизмов, предлагая пути их эффективного использования в национальной экономике. Эти исследования в совокупности представляют собой комплексный анализ современных экономических проблем на стыке теории и практики, демонстрируя как преемственность научной мысли, так и новаторские подходы к решению актуальных задач.

Объединенные в сборнике работы не только отражают современные тенденции развития экономической мысли, но и демонстрируют междисциплинарный характер экономических исследований и вносят большой вклад в развитие научной дискуссии по означенной тематике. Данная книга продолжает серию сборников материалов ежегодной Октябрьской международной научной конференции, посвященной различным проблемам теоретической экономики. Надеемся, что содержащиеся в данном издании материалы будут полезными и интересными для широкого круга исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами экономической теории.

д.э.н А.А. Мальцев
к.э.н. О.А. Слабинская

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Белых
РАНХиГС,
Москва

А.А. Дмитриев
СПбГЭУ; СПбГУ; РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Москва

ОТ ЭМПИРИКИ К ТЕОРИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ 1920-х гг.

В работе прослеживаются первые шаги в советской экономической литературе начала 1920-х гг. по моделированию денежного обращения на основе наблюдаемых данных. Показаны модели, предложенные О.Ю. Шмидтом (1891–1956), В.А. Базаровым (1874–1939), Е.Е. Слуцким (1880–1948), и дискуссии вокруг их работ. Методология научного подхода была в духе идей «статистификации» политической экономии П.Б. Струве (1870–1944), предложенной еще в 1910-х гг. Обсуждаются вопросы адекватности построенных моделей экономической реальности и возможности осуществления прогноза.

Введение

Вопрос о взаимосвязи эмпирических исследований с теоретическими моделями в России имеет любопытную историю. Как было установлено ранее (Дмитриев, 2020), «статистификация» экономической теории, провозглашенная еще в 1913 г. П.Б. Струве (1870–1944) в работе «Хозяйство и цена», не имела серьезных результатов в дореволюционной России. Напомним, что Струве развивал идею статистического подхода к политической экономии, к которой он плотнее обратится уже в эмиграции (1920-е гг.):

понятие «типическая ценность» трактовалось им как «субъективная» средняя, т. е. средняя, полученная из ряда наблюдений над одной и той же единицей (Дмитриев, 2013). В случае, если производится ряд измерений одного и того же объекта, то обычно речь идет о том, чтобы с большей точностью установить истинную величину объекта. Эти ряды подчиняются нормальному закону Гаусса, и для них можно рассчитать три типа средних: арифметическую, медиану и моду, при этом они совпадают, и, таким образом, можно найти истинную величину. Если же в рядах члены различаются, то истинную величину найти невозможно (Дмитриев, 2013. С. 87, 88). «Выражаясь в терминах теории статистики, — замечал Струве, — мы можем сказать, что субстанциальное понятие ценности основано на ошибочном представлении о ней, как об “объективной” средней, допускающей отыскивание и установление “истинной” величины, между тем как она есть настоящая “субъективная” средняя» (Струве, 2022[1913]. С. 124).

Между тем попытку взаимосвязи эмпирических исследований с теоретическими построениями можно наблюдать в некоторых исследованиях послереволюционного периода. Работы эти имеют, по нашему мнению, несомненный интерес в плане изучения эволюции методологии экономических исследований. К этим сюжетам уже обращались историки экономической мысли, но по под другим углом зрения (Маневич, 1986; Белых, 1990; 2007). Задача — проанализировать некоторые оригинальные построения отечественных ученых.

После 1917 г.

Поначалу (в начале 1920-х гг.) математика применялась в экономических исследованиях без какого-то специального обоснования. Пожалуй, впервые в рассматриваемый период проблема применения математики в экономической науке обсуждалась на дискуссии по теме доклада советского математика, географа и геофизика О.Ю. Шмидта (1891—

1956) «Математические законы денежной эмиссии»¹, прошедшей в ноябре 1922 г. в Социалистической (позднее — Коммунистической) академии². В дискуссии участвовали Е.А. Преображенский (1886–1937), В.А. Базаров (1874–1939), Л.Н. Крицман (1890–1938), Ш.М. Дволайцкий (1893–1937) и Ю. Ларин (1882–1932).

О.Ю. Шмидт и моделирование денежных эмиссии

В докладе Шмидта утверждалось, что «экономисты слишком мало и недостаточно строго пользуются математическим методом», а «большинство экономистов избегают и неприязненно встречают всякую попытку точных формулировок и точных выводов» (Шмидт, 1923. С. 99). То, что экономические явления носят массовый характер, О.Ю. Шмидт не считал препятствием для их анализа с помощью математики, поскольку математическая физика успешно изучает массовые явления³. Его позицию подверг весьма резкой критике Е.А. Преображенский, который хотя и полагал, что «экономическим законам можно иногда дать “математическое выражение”», но считал, что «это выражение не есть доказательство, не есть объяснение» (Прения по докладу О.Ю. Шмидта, 1923. С. 265). Таким образом, математике отводилась лишь роль иллюстрации тех закономерностей, которые открывает и обосновывает качественный экономический анализ. Такая точка зрения на роль математического метода в ходе дискуссии была подвергнута аргументированной критике. Так, Л.Н. Крицман справедливо заметил, что «отличие мате-

-
1. По всей вероятности, эта работа, изданная также отдельной брошюрой в 1923 г., была его единственной в области экономики. Вновь в научный оборот она была возвращена А.А. Белых (Белых, 1989).
 2. Коммунистическая академия (Комакадемия) — советское высшее учебное заведение и научно-исследовательское учреждение, работавшее в Москве с 1918 по 1936 г. В 1936 г. она была закрыта, а все ее активы и институты были переданы Академии наук СССР.
 3. Скорее всего, это был один из первых подходов в советской экономической науке в попытке провести некоторые аналогии с неживой природой и экономикой, ставшие весьма популярными в 1920-х гг.

математического метода от нематематического прежде всего в точной формулировке предпосылок. Математический метод более точный, лучший, ясный, логический метод и там, где возможно, его необходимо применять» (там же. С. 271). Подавляющее большинство остальных участников дискуссии поддерживали использование математики для анализа экономических процессов.

Рассмотрим подробнее построения Шмидта. Напомним, что переход к нэпу обострил проблемы денежной эмиссии и сделал актуальным их изучение. Первым для анализа эмиссии применил математический метод О.Ю. Шмидт, посвятивший этому свой доклад в Социалистической академии.

Он вводил следующие обозначения: u — стоимость в деньгах совокупности товаров на рынке, q — наличные деньги в обращении. Тогда $u = kq$, где k — множитель пропорциональности. Предполагалось, что в единицу времени государство приобретало путем эмиссии фиксированную долю имеющихся на рынке товаров, обозначаемую s . Тогда в течение бесконечно малого промежутка времени dt приобреталась часть sdt всех товаров, а стоимость этой части равнялась $usdt$. На приобретение этих товаров уходили деньги, выпущенные за это время, т. е. приращение денежной массы dq за промежуток времени dt . Следовательно, выполнялось соотношение $usdt = dq$ или $ksqdt = dq$. Обозначая ks через n , О.Ю. Шмидт получил дифференциальное уравнение $nqdt = dq$. Очевидно, что решением этого уравнения является $q = q_0 e^{nt}$, где q_0 — наличие денег в момент $t = 0$, e — известное число, основание натуральных логарифмов (Шмидт, 1923. С. 88–92). Полученная функция, как указывал Шмидт, есть известная показательная функция, изображаемая на диаграмме характерной кривой с ускоряющимся темпом роста, а ее логарифм есть функция первой степени $\ln q = n + \ln q_0$.

Величина эмиссии E за какой-либо постоянный промежуток времени Δt будет выражаться формулой:

$$E = \Delta q - q(t + \Delta t - q(t)). \quad (1)$$

Отметим, что подход О.Ю. Шмидта представлял классический пример моделирования: сформулированы предположения, построена модель, на основе которой сделаны выводы. Конечно, ценность выводов определялась адекватностью модели. Модель была достаточно простой — в ней не было ничего, кроме рынка и покупателя, которым являлось государство, осуществлявшее эмиссию. Оно не ведет экономической деятельности, а покупает на рынке — за счет выпуска новых денег — фиксированную долю товаров. Поскольку выраженная в деньгах величина стоимости товаров постоянна, увеличение денег в обращении приводило к их обесцениванию.

После вывода основной формулы О.Ю. Шмидт попытался сопоставить ее с фактами. На основе статистики были построены графики действительного и теоретического количества денег в обращении. Оказалось, что можно четко выделить три периода эмиссии: переходный (апрель 1918 — март 1919 г.), военного коммунизма (апрель 1919 — июнь 1921 г.) и нэпа (с июля 1921 г.), причем внутри каждого из них эмиссия росла только в зависимости от времени. Для трех выделенных периодов величины темпов эмиссии соответственно равны 0,81, 1,55 и 5,31 (Шмидт, 1923. С. 98).

В конце доклада указывалось, что если в единицу времени возвращается в виде доходов государства часть r от наличности, то формула количества выпускаемых денег примет вид $q = q_0 e^{(n-r)t}$, и с ростом r эмиссия должна прекратиться.

О.Ю. Шмидт считал, что факты прекрасно подтвердили его теорию: «Теоретическая кривая очень точно следует изгибанию фактической. И это несмотря на то, что на диаграмме 25 точек, мы же при построении теоретической кривой имеем в своем распоряжении только 2 произвольных постоянных, которыми могли воспользоваться для совпадения в двух точках... Мало явлений физики показывают такое поразительное совпадение с теорией» (там же. С. 91). Однако это мнение было подвергнуто критике в ходе обсуждения доклада. Наиболее резкой была критика Е.А. Преображенского, считавшего, что О.Ю. Шмидт подошел к вопросу неправильно, искусственно

упростив постановку «для своих дальнейших математических вычислений» (Прения по докладу О.Ю. Шмидта, 1923. С. 256). Е.А. Преображенским было предложено свое понимание хода эмиссии и подвергнуты критике основные предпосылки доклада — постоянство условий народного хозяйства и доли стоимостей, приобретаемых государством на рынке. Другие участники дискуссии также критически отнеслись к предпосылкам О.Ю. Шмидта.

Заметим, что темпы роста эмиссии вовсе не были столь правильными, как считал О.Ю. Шмидт. Месячный прирост денежной массы колебался в 1918 г. от 4,9 до 12,6%, в 1919 г. — от 5,8 до 17,4%, в 1920 г. — от 12,2 до 17,4%. Однако такой значительный прирост денежной массы не удовлетворял потребностей советских организаций в деньгах. Несмотря на то, что выпуск денег осуществлялся пятью печатными фабриками, заявки на денежные знаки удовлетворялись всего на 40–75% (Козлов, 1939. С. 46–47).

Причину того, что у О.Ю. Шмидта формула дала значения, совпадающие с эмпирическими данными, выяснил В.А. Базаров, считавший, что выведенный первым закон — результат применявшихся масштабов и приемов измерения (Базаров, 1923. С. 69). Действительно, Шмидт отмечал, что эмпирические данные на его графиках вычерчены по сглаженным за три месяца данным. В результате его подход не привел к открытию закона эмиссии, а только лишь выявил то, что в целом темп эмиссии рос от периода к периоду. Причина этого роста — в нарастании расходов государства, покрывавшихся эмиссией, и в том, что обесценение денег само было стимулом к еще большей эмиссии.

Отметим, что Шмидт специально подчеркивал, что его модель эмиссии есть разновидность количественной теории денег, а в простейшей форме она была использована и К. Марксом. Однако что относить к деньгам на разных исторических этапах для Шмидта было вопросом (в различные исторические периоды это разные агрегаты — например, денежные суррогаты). Теоретически он полагал необходимым включать в q все деньги, в том числе и накопленные.

Было бы неправильно, однако, давать лишь негативную оценку работе О.Ю. Шмидта. Во-первых, в ходе дискуссии по докладу в целом было одобрено применение математического метода в экономической науке. Во-вторых, он впервые в советской экономической литературе вывел формулу, в которой экономический показатель имел постоянный темп роста. В дальнейшем такие зависимости широко использовались. В-третьих, ему принадлежит заслуга в том, что он первым из советских экономистов попытался с помощью математики открыть новую закономерность в экономике. В связи с этим представляется, что теория О.Ю. Шмидта заслуживает внимания.

Моделирование эмиссионных процессов В.А. Базаровым

Из современников наиболее адекватную оценку теории О.Ю. Шмидта дал В.А. Базаров. Он полагал ее теоретически интересной и, вообще говоря, правильной. В то же время он подчеркивал, что эта теория не может содействовать решению практических задач, связанных с определением размеров дохода от эмиссии (Шмидт, 1923. С. 265–266). В своем выступлении на обсуждении доклада О.Ю. Шмидта В.А. Базаров предложил собственный подход к вычислению эмиссионного дохода, который был подробно изложен в статье (Базаров, 1923).

В отличие от О.Ю. Шмидта, считавшего, что с ростом доходов государства эмиссия должна прекратиться, В.А. Базаров доказывал, что «эмиссионная система — не катастрофа и не лавинообразный процесс, приводящий к катастрофе, а своеобразный тип “подвижного равновесия”, имеющий свои устойчивые закономерности» (Базаров, 1923. С. 29)⁴. По-видимому, положение о том, что эмиссионное хозяйство

4. На построение экономико-математических моделей большое влияние оказала распространенная в 1920-е гг. теория равновесия, которую обычно связывали с именем Н.И. Бухарина (1888–1938). Хотя Бухарин был знаком с работами западных экономистов математической школы и, в частности, с трудами Л. Вальраса (1834–1910), развивавшего теорию общего экономического равновесия, сомнительно, что он по-настоящему в них разобрался. Более вероятно, что его концепция равновесия сформировалась в основном под влиянием А.А. Богданова (1873–1928).

является устойчивой системой, было принято В.А. Базаровым (как и О.Ю. Шмидтом) под влиянием работ С.А. Фалькнера (1890–1938) (см. (Фалькнер, 1924)).

Основная цель работы В.А. Базарова заключалась в вычислении размеров дохода от эмиссии. Он вводил следующие обозначения: x — номинальная стоимость бумажно-денежной массы, находящейся в обращении; α — индекс товарных цен; R — товарная стоимость бумажно-денежной массы, т. е. $R = x/\alpha$; ω — реальный, выраженный в «товарных» рублях доход от эмиссии за некоторый промежуток времени.

Формальный анализ Базарова начинается с предположения, что $R = \text{const}$. Для вычисления дохода от эмиссии используется диаграмма, показанная на рис. 1.

При изменении количества денег в обращении от x_1 до x_2 величина дохода от эмиссии ω составляет, по мнению В.А. Базарова, площадь $EABF$, равную $R \ln x_1/x_2$ (Базаров, 1923. С. 40). Он считал, что эта формула при постоянной емкости рынка дает не зависящий от темпа эмиссии метод учета эмиссионного дохода. На самом деле, конечно, величины x_1 и x_2 задаются для определенных промежутков времени и фактически определяют как общий размер, так и темп эмиссии.

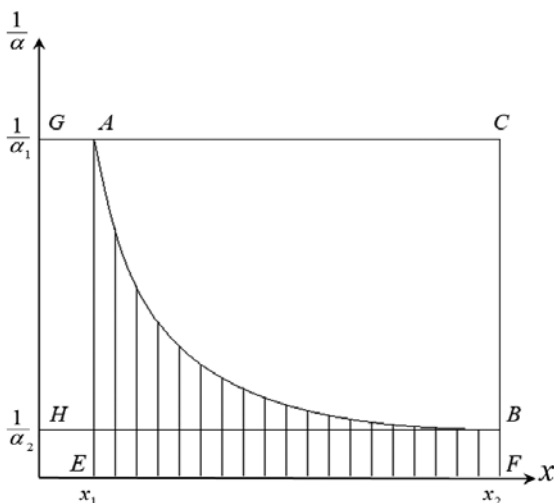

Рис. 1. Доход от эмиссии

Рассматривалось три различных случая: когда доход прямо пропорционален эмиссии, т. е. ценность денег постоянна; когда покупательная сила денег падает обратно пропорционально величине эмиссии, т. е. постоянна емкость рынка; когда для получения постоянного дохода требуется непрерывный рост темпа эмиссии, т. е. емкость рынка сокращается. В.А. Базаров попытался установить связь законов эмиссии с законами идеальных газов. По его мнению, «бумажно-денежная масса, выброшенная в обращение, соответствует давлению газа. Курс рубля (обратная величина индекса) — объему газа. Емкость рынка, характеризующая уровень энергии системы, — произведение клапейроновой постоянной⁵ на абсолютную температуру» (там же. С. 57). Доход же от эмиссии соответствует работе газа, что является примером «тождества организационной структуры в явлениях, по материальному составу совершенно различных» (там же. С. 58). Однако такая аналогия носила поверхностный характер.

В этот же период моделированием процессов денежной эмиссии занимался Е.Е. Слуцкий (1888–1948). Свои результаты он изложил в статьях (Слуцкий, 1923а, б). Он считал вполне справедливым вывод О.Ю. Шмидта о постоянстве темпа эмиссии, и полученные Слуцким формулы были близки к тем, которые использовал В.А. Базаров. Отметим, что лаконичное изложение обладавшего высокой математической культурой Е.Е. Слуцкого выгодно отличается от тяжеловесных выкладок В.А. Базарова. В отличие от Базарова Слуцкий доказывал, что к 1922 г. эффективность эмиссии уже начала снижаться (Слуцкий, 1923б. С. 55–56).

Тот факт, что эффективность эмиссии с введением нэпа стала снижаться, был достаточно убедительно продемонстрирован С.Г. Струмилиным (1877–1974). Обозначая денежную массу в обращении к началу месяца через x , а к концу — через $x + dx$, он получил, что прирост цен за месяц составляет

5. Речь идет о том, что для газа данной массы при постоянной температуре произведение давления газа на его объем постоянно.

dx/x , а вызванные ростом цен потери государства в величине доходов и налогов выражаются величиной Adx/x . Отметим, что С.Г. Струмилин использовал дифференциал там, где были вполне достаточны конечные приращения. Показав, что в 1922 г. доля эмиссии в сумме государственных доходов упала с 83 до 16%, С.Г. Струмилин сделал вывод, что она перестает быть регулярным источником доходов бюджета (Струмилин, 1963[1923]. С. 70).

Иную позицию продолжал занимать В.А. Базаров, развивавший идею В.Г. Громана (1874–1940), что эмиссия представляет собой процесс восстановления довоенного соотношения денежной и товарной масс (Громан, 1925. № 2. С. 141). В статье «О “восстановительных процессах” вообще и об “эмиссионных возможностях” в частности» (Базаров, 2014[1925]. С. 364) он применил к эмиссии формулу, выведенную им для абстрактного восстановительного процесса, т. е.:

$$x(t) = x_0 e^{-kt}. \quad (2)$$

Тем самым в 1925 г. он пришел к той же экспоненциальной зависимости, применение которой О.Ю. Шмидтом в 1923 г. сам считал ошибочным.

В.А. Базаров пытался проверить эту формулу данными статистики, однако соответствия с «плавностью процесса» не получилось. Для сохранения своей концепции плавно затухающей кривой он ввел понятие двух отдельных восстановительных процессов — в городе и деревне. Такая конкретизация модели на самом деле требовала дополнительных предположений о взаимодействии этих двух процессов. Дальнейшего развития подход В.А. Базарова не получил. Эмиссия все же была вызвана потребностями государства в покрытии своих расходов, а не восстановлением нарушенного довоенного равновесия.

Осуществление денежной реформы 1922–1924 гг. завершило и первый этап исследований проблем денежной эмиссии. Хотя открыть математические законы эмиссии не удалось, их исследования подготовили почву для дальнейших работ по

моделированию экономической динамики. К сожалению, в дальнейшем вопросам количественных закономерностей денежного обращения уделялось все меньше внимания.

Отметим, что понятие оптимальности использовалось экономистами 1920-х гг. достаточно часто, но обычно неправильно. Это относится и к так называемому оптимальному варианту первого пятилетнего плана. Характерна фраза председателя ВСНХ СССР В.В. Куйбышева (1888–1935), показывающая, что он мало понимал суть дела: «Если нельзя сказать, что пятилетний план должен быть максимальным планом, то можно сказать, что пятилетний план должен быть оптимальным, т. е. должен исходить из того, что методы работы будут улучшаться, существующие недостатки будут изживаться и что все это даст свои значительные результаты» (Куйбышев, 1927. С. 1).

Однако дальнейшие разработки оптимизационного подхода затруднялись из-за того, что к тому времени не было создано формализованного описания экономики и критерия оптимальности. Интенсивная разработка моделей экономики началась с моделирования экономического роста. Основная проблема заключалась в определении источников накопления для обеспечения экономического роста и в разработке стратегии роста.

Один из вариантов решения был предложен Е.А. Преображенским, сформулировавшим известный закон «первоначального социалистического накопления». Согласно этому закону основным источником накопления должна была стать перекачка ресурсов из сельского хозяйства в государственный сектор. Наиболее полно Е.А. Преображенский изложил свою концепцию в книге «Новая экономика» (1926). К этому времени его взгляды подвергались резкой критике, в том числе Н.И. Бухариным. Чтобы ответить на нее, Е.А. Преображенский решил написать второй том своей работы, в котором, в частности, предполагал обосновать свой закон, используя схемы воспроизводства К. Маркса. Выполнить это ему не удалось, но ряд глав из второго тома был опубликован в журнале

«Вестник Коммунистической академии» (Преображенский, 1926а, б, 1927).

На основании анализа примеров схем воспроизводства Е.А. Преображенский пришел к выводу, что при росте органического строения капитала нормальное расширенное воспроизводство невозможно, если в первом подразделении органическое строение капитала выше, чем во втором (Преображенский, 1926а. С. 50). В результате им были сделаны выводы о постоянном дефиците продукции подразделения I и о том, что для поддержания воспроизводства необходимо перенесение части капитала из второго подразделения в первое. Он считал это верным как для капиталистической экономики, так и для условий СССР. Поскольку промышленность в основном относилась к подразделению I, а сельское хозяйство — к подразделению II, перекачка ресурсов из последнего в первую была для Е.А. Преображенского необходимым условием расширенного воспроизводства.

В.А. Базаров и моделирование восстановительного процесса

Концепция сбалансированного роста давала возможность моделирования. Первые такие модели были предложены В.А. Базаровым в работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР». В предисловии к этой работе он отмечал, что ее новизна заключалась в попытке применить «к изучению динамических закономерностей общественного хозяйства *конструктивные модели* по образцу точного естествознания» (Базаров, 2014[1927]. С. 9).

Изучение закономерностей развития промышленности СССР Базаров начал с выяснения специфики советского хозяйства. По его мнению, восстановление нарушенного равновесия в экономике затруднялось отставанием производства от спроса. Поскольку политический строй СССР исключал или резко ограничивал возможность применения капиталистических методов ограничения спроса, «тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же

характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма» (там же. С. 133).

Для исследования восстановительного процесса В.А. Базаров использовал две различные модели. Первую он взял из работы российского физикохимика А.Н. Шукарева (1864–1936) (Шукарев, 1925). Эта модель описывала процесс насыщения рынка однородным товаром, который задавался следующей формулой:

$$\frac{dx}{dt} = p(\alpha - x), \quad (3)$$

где $x(t)$ — число покупателей, успевших купить товар, α — общее число желающих совершить покупку, p — вероятность покупки товара в единицу времени. Именно эта формула фактически уже использовалась В.А. Базаровым для описания процесса денежной эмиссии в работе (Базаров, 2014[1925]. С. 364).

Возможность использования такой формулы для моделирования роста производства выводилась им из ориентации выпуска на рыночный спрос. В этом случае рост экономики описывался бы плавно затухающей кривой. Однако в реальности темпы восстановления советской промышленности в 1923–1925 гг. не затухали. Объяснялось это, по мнению В.А. Базарова, тем, что мировая и гражданская войны настолько дезорганизовали производство, что первые шаги по восстановлению промышленности оказались самыми трудными. «Процесс, тяжкий и медленный в самом начале, должен будет *ускоряться* пропорционально достигнутым успехам, пока не оказало замедляющего действия приближение к уровню предельного использования наличного оборудования» (Базаров, 2014[1927]. С. 137).

Для описания этого процесса В.А. Базаров предложил модель автокаталитической реакции, в которой каждая молекула продукта реакции стимулирует образование новых молекул. Скорость процесса пропорциональна числу как вновь образовавшихся молекул, так и молекул, еще не принявших участие в реакции. Тем самым, если число молекул первона-

начально равно A , а число прореагировавших — $x(t)$, то верна следующая формула (там же. С. 101–102):

$$\frac{dx(t)}{dt} = kx(t)(A - x(t)) \quad \text{или} \quad \ln C \frac{x(t)}{x(t) - A} = Akt. \quad (4)$$

Интерпретация В.А. Базарова этой формулы для экономики такова: $x(t)$ — размеры выпуска продукции, A — новый уровень, достижение которого обеспечивается повысившейся производительностью труда. Поэтому общий закон восстановительного процесса графически изображается плавной S-образной кривой, которая в простейшем случае выглядит так, как показано на рис. 2.

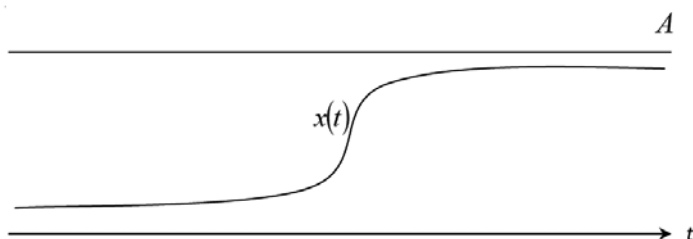

Рис. 2. Схема восстановительного процесса

Приведенная выше формула заимствована В.А. Базаровым у австрийского физиолога и биохимика Т.Б. Робертсона (1884–1930), доказывавшего, что она выражает основной закон биологического роста (*Robertson*, 1915. Р. 213).

Для эмпирической проверки предлагаемой формулы В.А. Базаров попытался проанализировать ее соответствие временным рядам объемов промышленной продукции, производительностей труда и заработных плат в различных отраслях. При этом им достаточно квалифицированно использовались методы математической статистики. Однозначных выводов, однако, ему получить не удалось. Достоинства и недостатки применения В.А. Базаровым статистических методов были проанализированы в работе (*Гольдштейн*, 1928).

Концепция В.А. Базарова представляла собой интересную научную гипотезу, однако в 1920-е гг. она получила упро-

ценную трактовку. Он считался сторонником неизбежного затухания темпов роста советской экономики. Отметим, что В.А. Базаров вообще допускал неточное употребление понятий темпа и скорости. Скорость задается первой производной функции, а темп — отношением скорости к значению функции. Поэтому утверждение В.А. Базарова, что в восстановительном процессе, описываемом S-образной кривой, темпы роста сначала растут, а затем падают — неверно. В приведенной формуле роста темп описывается формулой $k(A-x)$ и, следовательно, с ростом величины x темп все время затухает.

Между тем приписывать В.А. Базарову фаталистическую идею неизбежного затухания темпов ошибочно. Тот предельный уровень A , к которому стремится объем выпуска продукции, соответствует определенной производительности труда. Ее изменение трансформирует и величину предельного уровня, к которому стремятся кривые, описывающие динамику экономических показателей. Особенно важно, что динамику темпов роста В.А. Базаров связывал с внедрением новых технологий.

Выступая в ходе дискуссии в клубе плановых работников им. Г.М. Кржижановского, состоявшейся по теме доклада члена президиума Госплана СССР Н.А. Ковалевского (1892–1958) «Методология генерального плана», он объяснял высокие темпы роста в 1926–1928 гг. временным фактором — чрезмерной загрузкой имеющегося оборудования. В.А. Базаров сделал вывод о темпах роста: «В ближайшее время предстоит некоторое затухание, которое потом, если мы сможем овладеть реконструкцией, к концу процесса его облегчит. К моменту завершения радикального преобразования старой техники будет опять некоторое затухание» (Методология генерального..., 1928. С. 153).

Итак, при заданной технике рост описывается S-образной кривой. Реконструкция, внедрение новой техники дает возможность достичь нового уровня производства. При приближении к нему происходит затухание темпов. Таким образом, развитие есть последовательное ускорение и затухание тем-

пов роста, описываемое S-образными кривыми, а предельные размеры выпуска продукции определяются уровнем техники. Конечно, было бы неправильным зачислять В.А. Базарова в авторы модели распространения нововведений, однако эти существенные моменты закономерностей динамики народного хозяйства были впервые отмечены в его работах.

Необходимо также отметить, что стандартной интерпретацией концепции В.А. Базарова является то, что его прогнозы о темпах строились на экстраполяции тенденций прошлого. Это совсем не так. Он подчеркивал, что «нельзя продолжать кривую по какой-нибудь формуле, просто исходя из прошлого», и необходимо исходить из теоретических соображений (там же. С. 151). При этом давалась взвешенная оценка возможностей телеологического подхода к планированию.

В.А. Базаров занимался и проблемами равновесия в экономике⁶. Он исходил из того, что если равновесие в системе нарушено, то возникает стремление к его восстановлению, и сформулировал абстрактную модель восстановительного процесса. По его мнению, стремление системы вернуться в состояние равновесия тем больше, чем больше отклонение от этого состояния. Пусть система выведена из состояния равновесия и находится в точке x_0 (рис. 3).

Исходя из гипотезы о плавности восстановительного процесса, В.А. Базаров сделал вывод, что функция $x(t)$, задающая расстояние до состояния равновесия в зависимости от времени t , вогнутая, а темп скорости восстановительного процесса, задаваемый функцией $x'(t)$, замедляется по мере приближения к состоянию равновесия (Базаров, 2014[1925]. С. 361–363).

Базаров утверждал также, что $x'(t)$ отличается от $x(t)$ только расположением относительно оси t . Этого было доста-

6. В.А. Базаров отмечал, что в общественных процессах применять понятие «равновесие» (между спросом и предложением, например) можно только в случае подвижного или статического равновесия: «В терминах физики рыночное равновесие может быть охарактеризовано как равенство “источников” и “стоков” рыночного “поля”, вследствие чего поток товаров протекает через рынок без заторов, нигде не образуя скопления товарных масс» (Базаров, 2014[1927]. С. 89).

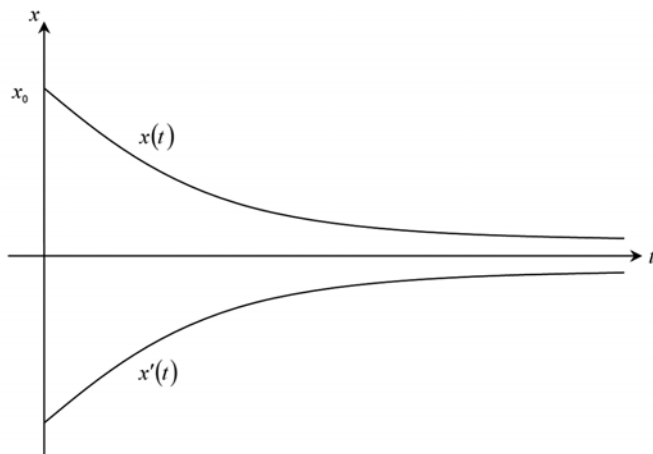

Рис. 3. Установление равновесия по В.А. Базарову

точно для того, чтобы записать уравнение $x' = kt$, откуда легко вывести следующую формулу:

$$x(t) = x_0 e^{-kt}. \quad (5)$$

Однако для получения этой формулы В.А. Базаров делал более сложные выкладки, содержащие, впрочем, некоторые математические неточности. Неверно было и называть производную функцию скорости темпом. Темп движения к состоянию равновесия задается функцией $x'(t)/x(t)$.

Подчеркнем, что В.А. Базаров был активным сторонником применения математического метода и, следуя А.А. Богданову, обосновывал возможность использования математических моделей тождественностью организационных структур разнокачественных явлений. Он писал, что «отыскание формально тождественных количественных соотношений при глубочайших качественных различиях и построение на этой основе простых схематических "моделей" сложных процессов есть метод, постоянно применяемый в точной науке и оправдавший себя». При этом отмечалось, что «в среду обществоведов соответствующие навыки почти не проникли» (Базаров, 2014[1927]. С. 92).

Базаров справедливо подчеркивал, что сами математические методы не могут быть причиной неправильных выводов, к которым приходят ученые, их применяющие: «Теоремы математической статистики слишком универсальны для того, чтобы сохранить на себе след классовых воззрений их авторов, в них нет ничего специфически социального: они одинаково приложимы в биологии, физике, демографии, экономике, — везде, где имеются массовые явления, которые могут быть расположены в ряды, удовлетворяющие формальным требованиям» (см.: *Ритц*, 1927. С. 6)).

Концепция планирования В.А. Базарова была завершена к 1928 г., однако она не была принята советскими экономистами. Выступление в ходе дискуссии по докладу Н.А. Ковалевского было его последней возможностью участвовать в обсуждении экономической политики.

* * *

Таким образом, мы видим, что в первой половине 1920-х гг. наблюдались попытки моделирования денежного обращения на основе эмпирических наблюдений (О.Ю. Шмидт, Е.Е. Слуцкий) и физических аналогий (В.А. Базаров). Такие работы были первыми методологическими исследованиями, устанавливающими мосты между эмпирикой и теорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров В.А. (1923). К методологии изучения денежной эмиссии // Вестник Коммунистической академии. Кн. 4. С. 28–100.
2. Базаров В.А. (2014[1925]). О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Базаров В.А. Избранные произведения. М.: ИД «Дело». Т. 1. С. 356–383.
3. Базаров В.А. (2014[1927]). Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР // Базаров В.А. Избранные произведения. М.: ИД «Дело». Т. 2. С. 9–216.
4. Бельх А.А. (1989). Из творческого наследия О.Ю. Шмидта // Экономика и математические методы. № 1. С. 86–87.

5. Белых А.А. (1990). История советских экономико-математических исследований (1917 — начало 1960-х гг.). Л.: Изд-во ЛГУ.
6. Белых А.А. (2007). История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М.: URSS.
7. Гольдштейн А. (1928). [Рец.] Базаров В.А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР // Вопросы конъюнктуры. Т. 4. Вып. 1. С. 156–158.
8. Громан В.Г. (1925). О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. № 1. С. 88–101; № 2. С. 125–141.
9. Дмитриев А.А. (2013). Учение о цене-ценности П.Б. Струве / Сборник трудов конференции «Россия в поисках новой модели взаимодействия государства и рынка». Общеэкономический факультет: сборник докладов [научные ред.: Л.А. Миэринь, А.И. Попов]. СПб.: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». С. 86–89.
10. Дмитриев А.А. (2020). Попытки «статистификации» экономической теории в России в начале XX в. / Экономические теории в пространстве и времени / под ред. В.С. Автономова, А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетея. С. 262–285.
11. Козлов Г.А. (1939). Советские деньги. М.; Л.: Госфиниздат.
12. Куйбышев В.В. (1927). Пересмотр перспективного плана развития промышленности // Торгово-промышленная газета. № 208. С. 1–2.
13. Маневич В.Е. (1986). Развитие теории денежного обращения в советской экономической литературе. М.: Наука.
14. Методология генерального плана. Дискуссия в клубе плановых работников им. Г.М. Кржижановского. Доклад Н.А. Ковалевского и обсуждение (1928) // Плановое хозяйство. № 6. С. 134–207.
15. Прения по докладу О.Ю. Шмидта (1923) // Вестник Коммунистической академии. Кн. 3. С. 256–277.
16. Преображенский Е.А. (1926а). Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской экономике // Вестник Коммунистической академии. Кн. XVII. С. 35–76.
17. Преображенский Е.А. (1926б). Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. Кн. XVIII. С. 63–84.
18. Преображенский Е.А. (1927). Хозяйственное равновесие в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. Кн. XXII. С. 19–71.

19. *Ритц* Г.А. (1927). Математические методы в статистике / Предисловие В.А. Базарова. М.: Экономическая жизнь.
20. *Слуцкий* Е.Е. (1923а). Математические заметки к теории эмиссии // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. № 2. С. 53–60.
21. *Слуцкий* Е.Е. (1923б). К вопросу о вычислении дохода государства от эмиссии // Местное хозяйство. Ежемесячный журнал Киевского губернского экономического совещания (ЭКОСО). № 2. С. 39–62.
22. *Струве* П.Б. (2022[1913]). Хозяйство и цена / изд. подготовил А.А. Дмитриев. М.: Изд-во Института Гайдара.
23. *Струмилин* С.Г. (1963[1923]). Эффективность эмиссии в качестве бюджетного ресурса / *Струмилин* С.Г. Избранные произведения. М.: Изд-во АН СССР. Т. 2. С. 67–70.
24. *Фалькнер* С.А. (1924). Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. М.: Экономическая жизнь.
25. *Шмидт* О.Ю. (1923). Математические законы денежной эмиссии // Вестник Коммунистической академии. Кн. 3. С. 85–99. Прения по докладу. С. 256–277.
26. *Щукарев* А.Н. (1925). Термодинамика и кинетика общественных процессов // Наука и техника. № 5–6. С. 12–30.
27. *Robertson J.* (1915). Tables for the Computation of Curves of Autocatalysis, with Especial Reference to Curves of Growth // University of California Publications in Physiology. Vol. 4. No. 21. Pp. 211–228.

О.В. Нифаева
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
технический университет»,
Брянск

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ЭМПИРИЕЙ

В статье показана роль немецкой исторической школы не только в развитии эмпирических исследований, но и в совершенствовании экономической методологии. Приведены основные методологические и тематические характеристики работ представителей школы, а также дано объяснение того, почему исследования немецких экономистов не считаются носящими теоретический характер. Кратко рассмотрены некоторые аспекты вклада немецкой исторической школы в решение ключевых методологических проблем экономической науки. В заключение автор указывает, насколько оправданными оказались прогнозы представителей школы относительно развития экономической науки спустя столетие.

Вопрос об эволюции взаимоотношений теоретических и эмпирических исследований является чрезвычайно актуальным с точки зрения истории экономической мысли. Эволюция экономической мысли в целом носит кумулятивно-циклический характер: на схожих этапах экономического развития происходит обращение к похожим идеям и в то же время имеет место постепенное накопление, развитие, усложнение экономического знания и наших представлений об экономической реальности, так как она сама тоже меняется. Кроме того, вопрос о соотношении теоретических и эмпирических исследований тесно связан с такой методологической проблемой, как фрагментация экономического знания, а также с тем обстоятельством, что в истории экономической мысли имеет место своего рода чередование, с одной стороны,

периодов такой фрагментации, что сопровождается накоплением большого количества эмпирических фактов — так называемым собиранием фактов, проведением большого числа эмпирических исследований иногда по очень узкой тематике, проверкой на эмпирическом материале ранее выдвинутых гипотез, а с другой — периодов синтеза накопленного знания, обобщения фактов, формирования и развития преобладающего «образа мышления» (термин Т. Веблена) (Веблен, 2007. С. 13, 30; Нифаева, 2021. С. 22). Стоит отметить, что характер эмпирических исследований и то, насколько они могут превалировать над фундаментальными теоретическими исследованиями, очень сильно зависят от репутационных, институциональных и материальных факторов, которые влияют на выбор предмета и возможности продвижения тех или иных идей.

Чередование процессов фрагментации и синтеза также связано с тем, что накопление все большего количества эмпирических фактов, расходящихся с общепринятыми методологическими предпосылками, приводит к пересмотру существующей дисциплинарной картины мира, в том числе с учетом результатов анализа накопленного эмпирического материала. В результате складывается обратная тенденция, когда в рамках существующих онтологических представлений оказывается невозможным двигаться дальше: ученые сталкиваются с ограничением выбора тем для исследования, возникает своего рода топтание на месте. Поэтому рано или поздно наступает время, когда необходимо выйти за пределы существующих онтологических представлений. Свидетелями именно такого этапа развития экономической науки, когда экономическое знание находится в поиске новых синтезирующих онтологических рамок, в том числе представлений, связанных с переосмыслением модели человека и факторов координации экономического поведения, мы сегодня являемся. Взгляд на систему под названием «экономическая наука» позволяет обратить внимание на то, что, как и сто лет назад, в последние десятилетия наличествуют методологические споры, наблюдается большое количество эмпирических исследова-

ний, понимание необходимости пересмотра методологических оснований экономической теории, стремление к синтезу и даже, возможно, движение к фундаментальным изменениям в экономической науке в целом. Предшествующее развитие экономического знания со времен формирования самостоятельной теоретической экономической науки позволяет предположить, что нынешняя фрагментация вполне может оказаться предвестником появления в скором будущем новой преобладающей дисциплинарной онтологии (по крайней мере в рамках мейнстрима).

Одним из очень ярких примеров того потенциала, который может быть заложен в эмпирических исследованиях для развития теоретической науки, являются работы представителей немецкой исторической школы. В рамках статьи невозможно охватить всю проблематику их исследований, поэтому мы кратко остановимся лишь на некоторых моментах. Ниже перечислены ключевые методологические и тематические характеристики работ представителей немецкой исторической школы, которые достаточно подробно рассмотрены в специальной литературе:

1) критика классической политической экономии и отказ от излишне абстрактных моделей в пользу анализа культурных, социальных, нравственных, исторических факторов экономического развития;

2) пересмотр модели человека экономического в сторону усиления внимания к роли этических ценностей, правовых норм, обычаев, привычек, религии и культуры в целом;

3) широкое привлечение доступных к тому времени статистических и исторических данных;

4) акцент на изучении истории становления и развития экономических феноменов, стадийности экономической истории, невозможности вывода экономических законов, которые были бы одинаково справедливы для всех стран и эпох;

5) опора на наблюдения, эмпирические и исторические факты, а не произвольные интроспективные обобщения.

Возможно, отчасти именно вследствие этих характеристик существует не лишнее оснований мнение, что работы представителей немецкой исторической школы сложно охарактеризовать как теоретические, скорее они носили критический и описательный характер (Селигмен, 1968. С. 26, 31; Веблен, 2007. С. 12, 24; Hodgson, 2009. Р. 4). Деятельность представителей немецкой исторической школы (особенно «новой» и «новейшей») пришлась на период смены стандартов, идеалов и норм научности при переходе от классической к неклассической науке. На смену работам классиков политической экономии и представителей исторической школы, не избегающих так называемых искажающих факторов и опирающихся на разнообразие и противоречия (как основные источники общественного развития и неотъемлемые характеристики бытия), пришли работы с требованиями строгости, непротиворечивости, объективности, статичности. Одной из ключевых черт неклассической науки XX в. стала математическая экстраполяция (Степин, 2000. С. 388–389). Работы немецких экономистов-историков, как и оригинальных институционалистов и неоавстрийцев, неприправленные изрядной долей изощренных математических выкладок (которые не следует путать с простым изложением доступных статистических данных), явно не укладывались в изменившиеся стандарты того, что считать теоретическим, а что нет. Не секрет, что одна и та же идея, изложенная в привычной для научного сообщества манере, соответствующей господствующему «образу мышления», будет воспринята совсем не так, как та же идея, но представленная в непривычном формате. В последнем случае какая-либо идея может вообще остаться незамеченной. И в то же время банальность, облеченная в общепринятый стандарт научности, может быть высоко оценена.

Таким образом, мнение, что произведения представителей немецкой исторической школы носили исключительно описательный характер, справедливо лишь отчасти. В связи с этим в докладе на конференции (соответственно и в данной

статье) был сделан акцент на роли, которую сыграли труды немецких экономистов-историков в развитии методологии экономической науки, на их вкладе в зарождение новых направлений научных исследований, а также на их прогнозах относительно перспектив развития теоретической экономической науки.

В весьма сжатом виде некоторые положения, отражающие вклад исторической школы в развитие экономической теории и методологии, а также философии экономической науки, можно обобщить следующим образом:

- становление и развитие современной теории человеческого капитала;
- эмпирический фундамент возникновения специальных и прикладных экономических дисциплин;
- исследование сущности, происхождения и развития институтов, типов координации экономического поведения в больших и малых группах;
- изучение субъективных (психологических) факторов потребления и ценообразования, особенностей развития «денежного хозяйства»;
- терминология экономической методологии и философии науки («ядро», «периферия», «картина мира»);
- деление на естественно-технические и психолого-нравственные причины народнохозяйственных явлений;
- альтернативные решения традиционных проблем экономической методологии (соотношение науки и искусства, принципов индивидуализма и коллективизма, индукции и дедукции).

Рассмотрим некоторые из этих положений подробнее. В частности, немецкие ученые внесли вклад в развитие теории человеческого капитала и, прежде всего, его не вещественных форм. Так, Б. Гильдебранд исследовал природу нравственного капитала (*Гильдебранд*, 1861), а Г. Шмоллер оценивал влияние факторов демографического характера на то, что мы в настоящее время назвали бы уровнем человеческого капитала и национального дохода (*Шмоллер*, 1873).

Немецкие экономисты заложили эмпирический фундамент для появления специальных и прикладных экономических дисциплин, таких как экономика промышленности, экономическая социология, экономическая география, экономическая компаративистика. По мнению Т. Веблена, именно со школы Г. Шмоллера начинается систематическое изучение институтов (*Veblen*, 1919. Рр. 254–255, 265), в том числе типов координации и хозяйственного механизма. Продолжая идеи А. Смита о роли тщеславия как глубинном (неявном) мотиве поведения экономических субъектов (*Смит*, 1997, 2007) и предвзято концепцию демонстративного потребления Т. Веблена (*Веблен*, 1984), немецкие экономисты-историки уделяли большое внимание роли субъективных факторов ценообразования и экономического поведения в условиях «денежного хозяйства» (*Шмоллер*, 1873. С. 21, 1903. С. 14, 15; *Гильдебранд*, 1861. С. 101–106).

В рамках немецкой исторической школы впервые (вероятно, Г. Шмоллером) стали использоваться такие термины философии науки, как «ядро», «периферия» и «картина» («картина мира») (*Шмоллер*, 1897. С. 12, 16, 25, 33, 104–106), которые сегодня так популярны в экономической методологии. И это не случайно, так как понятие научной картины мира возникло именно в немецкоязычной научной среде и было предложено немецким физиком Г. Герцем. В немецкой исторической школе также оформилось деление на естественно-технические и психолого-нравственные причины народнохозяйственных явлений (*Schmoller*, 1875. S. 42). Это деление под разными названиями продолжает использоваться в экономической теории, в частности, оно очень близко к предложенной Д. Нортон классификации факторов функционирования экономики и причин изменений на технологические и институциональные (*Норт*, 1997).

На основе эмпирических исследований, позволяющих обнаружить факты расхождения теории с практикой, немецкие экономисты предложили альтернативные и оригинальные варианты решения ряда методологических проблем,

которые и сегодня волнуют историков мысли и специалистов. Так, представители немецкой исторической школы не просто критиковали общепринятую модель человека, но и предлагали перестроить ее путем пересмотра этических и психологических оснований, прежде всего мотивационной структуры личности, поскольку эгоизм и альтруизм — это всего лишь две крайности, которые в чистом виде встречаются редко, а вот между ними уже лежат более реалистичные варианты поведения (Шмоллер, 1897. С. 72–73). В частности, А. Вагнер дал подробную классификацию мотивов, состоящую из пяти групп, разделив их на эгоистические и неэгоистические мотивы (Wagner, 1892–1893. S. 86–87, 116). На основе такого подхода немецкие экономисты предлагали различные классификации типов хозяйственных систем в истории человечества. Г. Шмоллер, изучая историю благотворительности, выделил три ее варианта (индивидуальная благотворительность в форме дара; благотворительность внутри семьи, общины; общественная благотворительность) (Шмоллер, 1903. С. 8–10), а также обозначил три идеи, определяющие то, как блага распределяются в обществе (идеи общности, благоволения и свободы) (Шмоллер, 1902. С. 191). К. Книс предложил триаду мотивов хозяйственного поведения: частной заинтересованности, общественный, реализуемый в принудительном порядке государством, и каритативный, или благотворительности (Гловели, 2018. С. 87). На основе этой триады А. Вагнер обозначил типы распределения благ в обществе и соответствующие им типы хозяйственных систем: каритативная, частно-хозяйственная и общественно-хозяйственная (Wagner, 1892–1893. S. 294–296, 772–779). Немецкие ученые также сделали вывод, что типы хозяйственных систем всегда сосуществуют в многоукладной экономике, одна из них может лишь превалировать в тот или иной период времени.

Что касается такой методологической проблемы, как соотношение науки и искусства, то у немецких экономистов отсутствовало жесткое их противопоставление, они предла-

гали более детализированные варианты классификации типов экономического знания. В частности, А. Вагнер разделил экономические исследования на пять групп проблем: описание явлений хозяйственной жизни, выделение их типов, объяснение их причин, определение на этой основе целей развития и поиск путей достижения этих целей (*ibid.* S. 144).

В отношении принципов индивидуализма и коллективизма необходимо отметить, что на вопрос о том, что же было раньше — индивиды или институты, немецкие ученые давали следующий ответ. Явления народного хозяйства и действия хозяйствующих субъектов, которые повторяются снова и снова и отражаются в нравах и неформальных (этических) правилах общества, постепенно формируют привычные образцы поведения и со временем закрепляются в формальных нормах, тем самым оказывая обратное влияние на хозяйственную жизнь людей (*Шмоллер*, 1902. С. 123–124). Так возникает своего рода кольцевая причинность, идея которой была позднее всесторонне раскрыта Т. Вебленом и получила дальнейшее развитие у Дж. Коммонса (*Веблен*, 1984; *Коммонс*, 2011). Из современных ученых о прямой («восходящей») и обратной («нисходящей») взаимообусловленности и взаимозависимости индивидов и институтов пишет Дж. Ходжсон (*Ходжсон*, 2008. С. 57).

Весьма интересна позиция немецкой исторической школы по поводу мировоззрения и ценностей ученого, их влияния на выбор темы исследования, интерпретацию фактов, построение «картины мира» и в целом процесс научного мышления, что подтверждает этическую ненейтральность экономического знания уже на уровне видения экономической реальности (если использовать термин Й. Шумпетера) (*Шмоллер*, 1897, 1902; *Шумпетер*, 2001), т. е. на уровне дисциплинарной онтологии.

При детальном рассмотрении эволюции экономической мысли, особенно на каком-либо выбранном временном отрезке, она предстает как калейдоскоп, переплетение или сосуществование множества ветвей, течений, направлений

и школ. В то же время на более высоком уровне анализа эволюции экономической мысли и на более продолжительных промежутках времени можно выявлять более общие и даже повторяющиеся тенденции развития науки (например, когда происходит не полный отказ от старых идей, а их пересмотр, накопление, совершенствование либо предшествующие теории переоцениваются как частные случаи более новых теорий). В этом смысле и применительно к теме данной статьи хорошим примером, подтверждающим кумулятивно-циклический характер развития экономической науки, может служить обращение ученых-экономистов к психологии в конце XIX — начале XX в. и в конце XX — начале XXI в. С одной стороны, характер этого обращения у К. Менгера, У. С. Джевонса, Г. Шмоллера, Т. Веблена, Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера и других выдающихся ученых мог существенно отличаться. С другой — нельзя игнорировать тот факт, что от обращения целой плеяды великих ученых-экономистов к психологическим основам нашей науки спустя сто лет ее развития мы пришли не только к более глубокому пониманию мотивов экономического поведения, но и к возникновению целых направлений экономической науки, представители которых работают на стыке экономики и психологии и достижения которых отмечаются самыми престижными премиями.

В заключение нельзя не упомянуть о том, каким видели немецкие экономисты-историки будущее экономической науки, в том числе с точки зрения кумулятивно-циклического характера ее развития. В частности, Г. Шмоллер писал: «Для психологического обоснования нашей науки нужно, во-первых, произвести ряд специальных психолого-экономических исследований, а затем попытаться преобразовать учение о хозяйственных мотивах на основании психологии и этики. Начинания в таком смысле уже и существуют... Если специальных исследований такого рода будет больше, то с их помощью удастся переделать заново весь психологический фундамент науки о народном хозяйстве» (Шмоллер, 1897. С. 73). Таким образом, он предсказывал экономиче-

ской теории будущее, связанное с более активным проведением историко-описательных и статистических исследований (Шмоллер, 2011. С. 34), и предлагал обратиться к психологическим и этическим основам экономической науки, отказаться от жестких противопоставлений и дихотомий, вернуться к пониманию того, что наука о народном хозяйстве отличается от естественных наук. Г. Шмоллер надеялся, что благодаря психолого-экономическим и историко-статистическим исследованиям мы сможем глубже разобраться в сущности экономических феноменов: «Теперь, когда... статистика и история хозяйства указали ей [науке о народном хозяйстве] пути методологически совершенной эмпирии, а психология поставила перед ней, в качестве необходимой цели, отыскание действительно решающих причин всех событий в жизни человечества, — она находится на верном пути» (Шмоллер, 1897. С. 106). Нельзя не отметить, что прогноз Г. Шмоллера отчасти оправдал себя, так как в настоящее время в экономической теории уделяется огромное внимание пересмотру этико-психологических ее предпосылок, этическим факторам поведения как субъектов, так и объектов познания, математическим методам анализа исторических и статистических данных, большим авторитетом пользуются направления исследования на стыке экономической теории, психологии и истории (экономическая психология, поведенческая экономика, клиометрика, экономическая компаративистика).

Таким образом, представители немецкой исторической школы не только наметили области будущих исследований, но и сделали важные предсказания относительно развития экономической науки с точки зрения психологии и этики. Полагаем, что благодаря изучению работ представителей немецкой исторической школы, особенно на языке оригинала, историкам экономической мысли и методологам предстоит выявить еще немало интересных фактов эволюции экономической области знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т.Б. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
2. Веблен Т. (2007). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др.; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 10–32.
3. Гильдебранд Б. (1861). Историческое обозрение политико-экономических систем (Политическая экономия настоящего и будущего). СПб.: тип. В. Безобразова и К°.
4. Гловели Г.Д. (2018). Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ // Вопросы политической экономики. № 2. С. 86–111.
5. Коммонс Дж.Р. (2011). Правовые основания капитализма. М.: ИД ВШЭ.
6. Нифаева О.В. (2021). Некоторые размышления о методологии научных революций в экономической теории // Экономические науки. № 7 (200). С. 19–22.
7. Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
8. Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья акад. А.М. Румянцева [и др.]. М.: Прогресс.
9. Смит А. (1997). Теория нравственных чувств. М.: Республика.
10. Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.
11. Степин В.С. (2000). Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция.
12. Ходжсон Дж. (2008). Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. № 8. С. 45–60.
13. Шмоллер Г. (1873). О новейших результатах статистики народонаселения и нравственности. М.: Тип. В. Готье.
14. Шмоллер Г. (1897). Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
15. Шмоллер Г. (1902). Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М.: Изд-во К.Т. Солдатенкова.
16. Шмоллер Г. (1903). Происхождение, сущность и значение современной благотворительности. М.: Тип. А.В. Васильева.

17. Шмоллер Г. фон. (2011). К методологии общественно-политических и социальных наук // Terra Economicus. Т. 9. № 3. С. 31–49.
 18. Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа.
 19. Hodgson G.M. (2009). Institutional Economics into the Twenty-First Century // Studi e Note di Economia. No. 1. Vol. XIV. Pp. 3–26.
 20. Schmoller G. (1875). Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft. Jena: Druck und Verlag von Friedrich Mauke.
 21. Veblen T. (1919). The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: B.W. Huebsch.
 22. Wagner A. (1892–1893). Grundlegung der politischen Oekonomie. Leipzig: C.F. Winter'sche Verlagshandlung.
-

Д.Г. Мудрик
независимый исследователь,
Москва

В.Н. Ковнир
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
МГТУ им. Н.Э. Баумана,
Москва

РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье исследуется возникновение естественно-научной концепции в экономической науке как переход от моральной парадигмы к натуралистической. Проведен анализ двух направлений развития естественно-научной концепции. С одной стороны, создания классической школы политической экономии, использующей «внешний опыт» познания хозяйственных процессов через восприятие ощущений. С другой — открытия маржиналистами «внутреннего» опыта познания свойства ценности благ через восприятие чувственных переживаний. Показано, что «внутренний» опыт имеет такую же объективную природу, как и «внешний». Изучение качественных (полезность) и количественных (редкость) характеристик свойства ценности благ и их связи с потребностями человека позволяет описать силы, обуславливающие хозяйственную деятельность. Проведено обоснование эпистемологического и онтологического единства «внутреннего» и «внешнего» опыта. Проанализированы основные философско-методологические проблемы, препятствующие развитию естественно-научных идей в экономике.

Введение

Общепризнанным положением в современной экономической науке является использование математических методов как выражение естественно-научного подхода к экономике (см., например: *Лебедев В., Лебедев К., 2016, Чернавский и др., 2016*). Но, как отмечал один из родоначальников

маржинализма У. Джевонс: «Из этого не следует, разумеется, что открыто признать математические методы означает автоматически прийти к верным выводам» (Джевонс, 2021. С. 55), важно «исследование адекватными методами» (там же. С. 60). Математика не является «панацеей» познания, это инструмент логико-математического (абстрактного) описания явлений, эффективность применения которого зависит от выбранной парадигмы исследования. В теории познания нам известны две парадигмы: *моральная* (идеалистическая), основанная на «стремлении объяснять действия природы по аналогии с действиями и поступками человека» (Бэкон, 1971. С. 324), которая ищет за каждым явлением природы *действие воли и духа*. Она доказывает субъективность и относительность реальности и зависимость ее от сознания и воли духовных субъектов; *естественно-научная* (натуралистическая), которая ищет за каждым явлением естественные силы природы, независимые от сознания и воли духовных субъектов, и доказывает объективность реальности — ее необходимость и всеобщность (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 8).

Именно открытие естественно-научной парадигмы в XVI–XVII вв. (Бэкон, Декарт, Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон) привело к торжеству математической физики, *победе разума над природой*, что нельзя сказать о применении математических методов в экономике (Полтерович, 1998; Krugman, 2009).

Цель нашего исследования — показать, что развитие естественно-научной концепции в экономической науке связано с постепенной сменой парадигм и переходом от моральных принципов познания (антропоморфизм, телеологизм и иерархизм) к естественно-научным (эмпиризм и рационализм).

Несмотря на то что в моральной и естественно-научной парадигмах *причиной* экономических явлений выступает человек, их *методы объяснения* этого принципиально различаются. Моральная парадигма объясняет хозяйственную деятельность через призму «антропоморфных» — духовных — сил,

действие которых обусловлено принятыми моральными или рациональными *правилами поведения* человека. Естественно-научная объясняет хозяйственную деятельность через призму естественных сил человека, вызванных его потребностями, действие которых связано с *чувственным восприятием* свойства ценности благ и обусловлено их внешне наблюдаемым количеством и качеством (редкостью и полезностью) (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 9).

Исторически процесс перехода экономической науки от моральной парадигмы к естественно-научной представлен в работах физиократов, классической школы и маржиналистов, основными его этапами являются создание А. Смитом основ классической школы в 1776 г. и «маржиналистская революция», осуществленная (как принято считать) У.С. Джевонсом, К. Менгером и Л. Вальрасом в 70-е гг. XIX в. Первый этап связан с наблюдением экономических процессов через наш «*внешний*» *опыт* познания хозяйственной деятельности человека и кругооборота благ (создание трудовой теории ценности благ). Второй — с познанием экономической реальности через «*внутренний*» *опыт* чувственных переживаний потребностей человека и субъективной ценности благ (создание теории предельной полезности).

Естественно-научная революция XVII в. и ее влияние на социальные науки

До XVII в. в сознании человека господствовало **моральное мировоззрение**, освящавшееся авторитетом церкви, которое состояло в том, что не только человеческие отношения, но также и *весь мир живой и мертвой природы* считался одухотворенным, и его *поведение* объяснялось через правила практической морали, установленные священными писаниями. Объяснить какое бы то ни было явление значило указать на его *антропоморфного виновника*. Принцип такого объяснения заключался в том, чтобы неизвестные и непонятные нам явления подвести под *привычное нам поведение и волю субъекта*, который вызывает эти явления (Мудрик, Ковнир,

2025. С. 9). Все физические и социальные явления оценивались с моральной точки зрения как символы добродетелей или пороков поступков духовных существ (Спекторский, 2006а. С. 42). Как обсуждалось ранее (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 9), моральное мировоззрение вводило в миропонимание древности и средневековья три основных принципа: антропоморфизм, телеологизм и иерархизм (Спекторский, 2006а. С. 44).

Однако в XVII в. произошла грандиозная революция в мировоззрении людей, вызванная новыми открытиями в мире *чувственной природы*. Эта революция была связана с именами Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Н. Коперника, И. Кеплера, Г. Галилея, И. Ньютона и привела к замене морального (идеалистического) мировоззрения естественно-научным (натуралистическим). Естественно-научная революция доказала, что наши *субъективные ощущения восприятия внешнего мира имеют объективные основания*, независимые от субъекта. *Причины явлений* объяснялись уже не «антропоморфными» (духовными) силами, определяемыми сознанием и волей, а *природными силами*, действие которых устанавливалось *эмпирически* путем измерения изменений качеств (состояний) объектов, воспринимаемых органами чувств (Мудрик, Ковнир. 2025. С. 9). Как писал Ньютон, «вся трудность физики состоит в том, чтобы по явлениям движения (по наблюдаемому изменению состояния тел. — Д.М., В.К.) распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления» (Ньютон, 2008. С. 3). *Взаимосвязь явлений* объяснялась не телеологизмом, обусловленным целесообразностью рационального (морального) поведения духовных существ, а законами природы, вызванными причинно-следственными связями. *Взаимоотношение явлений* объяснялось не иерархизмом, основанным на подчинении низшего (земного) высшему (небесному), а механизмом, в котором части относятся к целому как единый механизм (Мудрик, Ковнир. 2025. Рр. 9–10).

Таким образом, получение знаний перешло из трансцендентной области теологии и умозрительной метафизики в область *чувственной природы*. Естественно-научный метод,

позволивший увидеть объективные явления в субъективном восприятии человека, основывался на *неразрывном единстве* эмпирического (чувственного) и рационального (математического, абстрактного) познания реальности (там же). Как пишет Е.Спекторский, «один физицизм без рационализма не удовлетворял новаторов,... и рационализм без физицизма мало их интересовал» (Спекторский, 2006b. С. 187).

Успехи физического мировоззрения на примере механики вызвали стремление новаторов XVII в. построить рациональную механику личной и публичной жизни людей: рациональную психологию, социологию и экономию. Новаторы Т. Гоббс (1588–1679), Э. Вейгель (1625–1699), Д. Локк (1632–1704), Г.В. Лейбниц (1646–1716), И. Ньютон (1642–1727) и др. «подготавливали почву для физиократов и Адама Смита, учивших о естественной закономерности хозяйственной жизни» (Спекторский, 2006b. С. 46). Как пишет Спекторский, «...нельзя не отметить попыток новаторов разобрататься по-новому, т. е. не с моральной и не с юридической точек зрения, в проблеме цены и даже ценности и их общей тенденции поставить экономику в связь с проблемой социальной физики» (Спекторский, 2006a. С. 49). Однако выполнить замысел по созданию рациональной экономической теории подобно механике в то время не удалось. Спекторский отмечает: «Это была очень крупная теоретическая неудача — одна из самых крупных в истории наук» (там же. С. 8).

Развитие естественно-научной концепции в экономической науке

Революция, произошедшая в естественных науках в XVII в., дала толчок к развитию естественно-научных идей в экономической науке по двум направлениям.

Первое направление было связано с формированием классической школы политической экономии, предшественниками которой являются У. Петти (1623–1687), П. Буагильбер (1646–1714), Р. Кантильон (ок. 1680–1734), Ф. Кенэ (1694–1774) и др.

Первопроходцы исследовали экономические процессы, основываясь на фактах *«внешнего» опыта*, качественно и количественно познавая экономические явления через наблюдение. Как писал Петти: «... я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер..., употребляя только аргументы, идущие от *чувственного опыта* (курсив наш. — Д.М., В.К.), и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе» (Петти, 1940. С. 156).

Основываясь на работах предшественников, основатель классической школы Адам Смит считал, что человека и общество надо исследовать так же, как природу (Аникин, 1968). Смит отмечал, что «человеческое общество, рассматриваемое с абстрактной и философской точки зрения, можно сравнить с огромной машиной» (Смит, 1997. С. 305). Своим идеалом он считал ньютоновскую картину мироздания. Его система экономических знаний основывалась на «естественном порядке» (Смит, 1962. С. 17).

Смит объективно описал «кинематику» движения благ (их создание, распределение и обмен), исследовал взаимодействия участников их кругооборота (людей и природы), а также выявил причины роста богатства. Логическим результатом «внешнего» изучения процесса хозяйственной деятельности стала трудовая теория ценности благ, которая объясняла непрерывный процесс кругооборота благ и их рост.

Однако на основании *«внешнего» опыта*, изучающего внешние причины природных явлений, т. е. природные силы, участвующие в производстве благ — физические, химические, биологические, невозможно было объяснить *причину хозяйственной деятельности*. Смит разрешил эту проблему вводя понятие «силы» как «способность души», которая «отдает предпочтение тому или другому поведению» человека, основываясь на *общих нравственных правилах «одобрения»* или «порицания» его поведения (Смит, 1997. С. 260) внешним «беспристрастным наблюдателем» (там же. С. 264).

«Смит утверждал, что наблюдатель может формировать суждения о поступках другого человека, мысленно пред-

ставляя, как он повел себя или какие чувства испытывал бы в похожих обстоятельствах» (Скиннер, 2008. С. 9).

Способность к воображаемой симпатии или сочувствию является одной из форм антропоморфного объяснения экономического поведения человека, когда «наблюдатель», ставя себя на место наблюдаемого, пытается объяснить его непонятные (экономические) действия, подводя их под общепринятое моральное (рациональное) поведение.

Таким образом, как мы обсуждали ранее (Мудрик, Ковнир, 2022. С. 587, 2025. С. 10), Смит объяснял причины хозяйственной деятельности антропоморфными силами — стремлениями, вызванными «эгоистической»¹ психологией поведения людей и таинственной силой «невидимой руки» (Смит, 1962. С. 332), согласующей личные и общественные интересы, в основании которых лежат нравственные чувства любви к себе и ближним и общей справедливости².

По факту антропоморфизм, от которого отказались естественные науки, остался в экономической науке, в основу которой был положен «принцип “эгоизма”» (Кэрнс, 2012. С. 88), который выражает «стремление, выведенное из известных принципов человеческой природы» (там же. С. 86) или «способности души» к рациональному (моральному) поведению (Смит, 1997. С. 260).

«Политическая экономия выделилась из моральной философии как наука» (Автономов, 1993. С. 15), так как она трактовала человеческую мотивацию более узко — как «собственный интерес», но в основе ее остались моральные принципы антропоморфизма, телеологизма и иерархизма.

Таким образом, вместо антропоморфного образа Бога, который использовался в моральной философии для объяснения *всех явлений природы*, Смит использовал антропо-

-
1. «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе» (Смит, 1962. С. 28).
 2. В отличие от Смита, «наблюдатель» Ньютона объясняет «поведение» тел через действие сил, которые он «распознает» при непосредственном чувственном восприятии изменений состояния тел (их движения или деформации), изучаемых эмпирически качественно и количественно.

морфный образ человека, поведением которого он объяснял природу экономических явлений.

Все другие экономические школы также применяли антропоморфный принцип, основанный на постулатах или аксиомах рационального поведения человека, для объяснения экономического поведения агентов. Менялись только постулаты «рационального» поведения (гедонизм, альтруизм, утилитаризм, либерализм, институциональные нормы и другие основания). Причины этого будут объяснены нами ниже.

Второе направление развития естественно-научных идей в экономике было связано с маржиналистской революцией (У. Джевонс и К. Менгер — 1871 г., Л. Вальрас — 1874 г.), предшественниками которой были Н. Барбон (1640–1698), Ф. Галиани (1728–1789), Э.Б. Кондильяк (1715–1780), Ж.Б. Сэй (1767–1832), С.М. Лонгфильд (1802–1884), У. Ллойд (1794–1852), Ж. Дюпюи (1804–1866), Г.Г. Госсен (1810–1858) и др.

Маржиналисты исследовали хозяйственную деятельность, основываясь на фактах *«внутреннего» опыта*, изучая качественно и количественно чувственные переживания «удовольствия и страдания», которые *не содержатся во «внешнем» опыте* (в ощущениях), а являются реакцией субъекта на внешний опыт («эмоциональный тон»³) (Мудрик, Ковнир, 2025). Всех маржиналистов объединяло *стремление объяснять экономические явления через чувственное восприятие*, «подойти к экономике как к исчислению страданий и удовольствий» (Джевонс, 2021. С. 44).

Как отмечал русский философ и психолог Н.Я. Грот: «восприятие мира сознанием человека происходит в двоякой форме, — в форме ощущений, которые выражают свойства, качества вещей, и в форме возникающих в связи с ними чувствований удовольствия и страдания, которые... выражают

3. «В результате контакта с окружающим миром человек получает информацию не только о свойствах объектов и явлений, но и об эмоциональном значении... раздражителей...». Информация может быть положительной, отрицательной (в форме «удовольствия и неудовольствия») или отсутствовать (Вайнштейн, Поликарпов, Фурманов, 2009. С. 356–357).

качества предметов, но не внешние, а внутренние...» (Грот, 1889. С. 7). Чувство здесь рассматривается «как объективный психологический факт» (там же).

В отличие от разъяснения Смита, где требовался «внешний» наблюдатель, который «одобрял или порицал» экономическое поведение наблюдаемого человека на основании принятых рациональных (моральных) правил, маржиналисты объясняли экономическое поведение через непосредственное (эмпирическое) чувственное восприятие «удовольствия и страдания», возникающее у человека в разных условиях⁴.

Революционность маржиналистов заключается в том, что они ищут «физические основания экономики и демонстрируют ее зависимость от физиологических законов» (Джевонс, 2021. С. 122). Они задают вопрос: «как соотносятся разница в степени ощущений⁵ [удовольствия и страдания] и разница в количестве блага?» (там же. С. 123). Эта постановка вопроса отражает естественно-научный метод познания явлений через наши «ощущения». Как писал К. Менгер: «Это тот метод исследования, который, будучи применен в естественных науках, привел к столь значительному результату, что, по недоразумению, стал называться естественно-научным, тогда как он является общим для всех наук, основанных на опыте, и правильное должен быть назван эмпирическим» (Менгер, 2005. С. 62).

Нетрудно заметить, что открытия маржиналистов в области эмпирического познания свойства ценности благ продолжают открытия революционеров науки XVII в. в области эмпирического познания естественных свойств тел.

С одной стороны, революционеры XVII в. открыли, что «внешний» опыт восприятия *субъективных ощущений свойств тел* связан с визуально наблюдаемыми у тел *внешними* изменениями, независимыми от сознания субъекта. Например, температура нагреваемого тела, субъективно ощу-

4. Так же как физики познают внешний мир природы через непосредственный опыт чувственного восприятия ощущений.

5. Далеко не все экономисты различают понятия «ощущения» и «чувства».

щаемая как тепло, связана с *внешним* изменением объема тел, который можно объективно измерять (жидкостные градусники), или тяжесть тела, субъективно ощущаемая как давление (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 12), вызывает наблюдаемое *внешнее* растяжение пружины, если подвесить это тело к пружине (динамометры) и т.п.

С другой — маржиналистами было установлено, что *субъективное чувство ценности* благ, вызванное потребностями человека, связано с наблюдаемыми *внешними изменениями* количества и качества благ, которые можно измерить.

Менгер указывает на «потребность в научном основании хозяйственной деятельности» и «в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постигнуть ее эмпирические основания» (Менгер, 2005. С. 61). В отличие от классической школы, трактующей эгоистическое и альтруистическое поведение в хозяйственной деятельности через мотивы нравственного поведения человека, Менгер объяснял причины эгоистического и альтруистического («коммунистического») поведения через *наблюдаемое* «доступное распоряжению общества количество благ», величина которых соответственно может быть как меньше, так и больше «надобности в них» (там же. С. 110—111). Не «поведение» людей определяет хозяйственную деятельность, а объективные «условия, при которых люди проявляют предусмотрительную деятельность, направленную на удовлетворение своих потребностей» (там же. С. 63).

Маржиналисты хотят «показать, что явления хозяйственной жизни подлежат строгим законам, подобно явлениям природы» (там же) и «все явления подчинены закону причины и следствия» (там же. С. 65).

Менгер писал: «Становится ли, и при каких условиях, вещь для меня *полезной*,... *благом*,... *благом хозяйственным*, имеет ли, и при каких условиях, она для меня *ценность*, и как велика *мера* этой ценности, когда и при каких условиях, произойдет *экономический обмен* благ... и т.д. — все это так же не зависит от моей воли, как закон химии от воли химика-практика» (там же. С. 63).

Маржиналистская революция показала, что причины хозяйственного поведения людей можно объяснять не только духовными силами, связанными с моральными *правилами поведения* человека (Смит), но и силами, обусловленными чувственным восприятием ценности благ, «которое мы ощущаем фактически» (Джевонс, 2021. С. 106), и которые можно измерить той суммой денег, которую мы готовы отдать за благо (Маршал, 1993. С. 70).

Следовательно, открытие маржиналистами «внутреннего» опыта *чувственного (эмпирического) восприятия* экономических явлений *дало ключ* к применению естественно-научного метода в познании экономической реальности. Как было показано нами ранее (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 12), наш «внутренний» опыт чувственного восприятия свойства ценности благ может также объективно изучаться, как и «внешний» опыт ощущений физических свойств тел.

Но тогда возникают вопросы, почему маржиналисты не смогли пойти по пути революционеров XVII в. и что препятствовало применению естественно-научного метода для изучения экономических явлений.

Основные философско-методологические проблемы, препятствующие развитию естественно-научных идей в экономике

Можно указать три такие основные философско-методологические проблемы.

Первая проблема заключается в том, что экономисты не смогли отказаться от ортодоксальных моральных принципов антропофорфизма, телеологизма и иерархизма при объяснении экономических явлений.

Стремление построить «чистую» экономическую науку, свободную от «субъективного», привело к тому, что экономисты постарались «вытеснить... всякую психологию за пределы экономической науки» (Автономов, 1993. С. 42) и отказаться от чувственного познания «полезности» и «субъективной ценности» благ. Категория «причины» была заменена экономи-

стами на аксиоматически заданные «функциональные взаимосвязи», что позволило «заменить психологические свойства выбирающего человека простейшими свойствами математических функций» (там же).

Как отмечает Д. Хаусман, в результате такого разворота от внутреннего опыта чувственного познания к чистой теории «за 130 лет, прошедших после неоклассической революции, эта теория претерпела огромные изменения. Например, говоря о полезности, современные экономисты больше не говорят о каком-то ощущении, которое люди хотят максимизировать. “Полезность” теперь — это просто еще один способ говорить о предпочтениях» (Hausman, 2008. Р. 27). Таким образом, чувство ценности благ («ощущение») было «оторвано» от опыта и стало абстрактным субъективным понятием предпочтительности или интенции (Мудрик, Ковнир, 2022). Внутренние причины экономического поведения человека были признаны неизвестными и стали рассматриваться как «черный ящик».

Отказ неоклассиков от чувственного познания ценности и каузальных связей явлений ставил под вопрос саму возможность применения в экономике естественно-научного метода, основанного на чувственном восприятии реальности. Чтобы выйти из этого затруднительного положения неоклассики предложили «новый» научный подход, который представляет собой усовершенствованную модификацию «старого» антропоморфного объяснения экономических явлений путем *подведения* их под математическую модель «рационального» поведения человека, построенную на «постулатах» (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 14). Как отмечает Л. Роббинс, «эти постулаты таковы, что их соответствие реальности не вызывает особых сомнений, если их суть понята верно. Нам не нужны контролируемые эксперименты, чтобы установить их истинность: они в столь значительной степени являются частью нашего каждодневного опыта, что их достаточно сформулировать, чтобы признать очевидными» (Роббинс, 2012. С. 102).

В этом случае причина экономической деятельности объясняется не нравственными чувствами (Смит) и не чувствен-

ным восприятием субъективной ценности (маржиналисты), а «человеческим поведением с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (там же. С. 96). Однако, «объясняя, почему кто-то поступил так, как поступил, мы не пытаемся отнести этот поступок к категории какой-то общей закономерности. Вместо этого мы ссылаемся на *мотивы*, двигавшие актором» (Хаусман, 2012. С. 16).

Как отмечают сами экономисты, экономическая реальность становится «рукотворной и полностью субъективной» (Jackson, 1995. Р. 764). Она *антропоморфна*, так как считается, что «закономерности в поведении людей обусловлены не естественными законами, а правилами и институтами» (Hausman, 2008. Рр. 19–20). Она *телеологична*, так как объясняет наблюдаемые экономические процессы из *целей*, установленных людьми. Она *иерархична*, так как основана на распределении всего общества по чинам и рангам, и подчинении «низшего» (домохозяйств) «высшему» (элите) (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 15).

Вторая проблема связана с дихотомией познания материального и духовного (Мудрик, Ковнир, 2022), противопоставляющей естественные свойства объектов и свойство ценности.

Например, К. Менгер и У. Джевонс отрицали объективность свойства ценности (Менгер, 2005. С. 66–67) и полезности (Джевонс, 2021. С. 114) благ, объясняя их возникновение через отношение, в котором находятся предметы к человеку, «и с исчезновением которого они, разумеется, тотчас перестают быть благами» (Менгер, 2005. С. 67).

Однако сегодня мы можем утверждать, что противопоставление свойства ценности и естественных свойств объектов не имеет оснований.

С одной стороны, физика доказала, что любое физическое свойство объектов, которое мы чувственно воспринимаем, «не есть нечто присущее» объектам, а является *результатом отношений с другими объектами*, т. е. вызвано взаимодействием между ними.

Например, «присущее» телам свойство иметь размер и форму вызвано взаимодействием межатомных и межмолекулярных сил вещества. Если представить, что эти взаимодействия (отношения) исчезают, то «исчезает» размер и форма тел. Из физики мы знаем, что есть вещества, которые не могут иметь форму и размер — это газы. Другое «присущее» свойство — вес тел — вызвано взаимодействием гравитационных сил земли и тел, и в случае отсутствия Земли вес тел «исчезает», тела становятся *невесомыми*. «Присущее» телам свойство иметь цвет вызвано взаимодействием источника света с телами. В случае отсутствия источника света все цвета у тел «исчезают», т. е. объекты становятся невидимыми и т.д. (Мудрик, Ковнир, 2022. С. 596).

Аналогично свойство ценности/полезности благ также вызывается взаимодействием *внутренних сил* субъекта (его потребностей) с благами. В случае «исчезновения» субъекта у благ исчезает свойство ценности/полезности.

С другой стороны, открытия маржиналистов показали, что «внутренний» опыт *субъективного чувства ценности* благ можно изучать так же *объективно*, как и «внешний» опыт *субъективных ощущений естественных свойств* объектов.

Известный физик и философ Пьер Дюгем в работе «Физическая теория: ее цель и строение» указывает, что *объективность* естественных (физических) свойств тел связана с тем, что кроме их качественного (субъективного) восприятия органами чувств они должны различаться количественно. *Свойство должно быть «величиной»* (Дюгем, 2011. С. 128).

В XIX в. Джевонс ставит тот же вопрос в политической экономии, связанный с определением «величины» полезности благ: «...я приписываю сегодняшние сложности и недостатки политической экономии именно тому факту, что экономисты не потрудились ясно и точно сформулировать *понятие величины и степени полезности*... (курсив наш. — Д.М., В.К.)» (Джевонс, 2021. С. 44).

Открытая маржиналистами чувственная природа ценности позволяет исследовать ее качественно и количественно.

Качественное познание свойства ценности благ связано с чувственным *восприятием* «полезностей», обусловленных естественными свойствами (физическими, химическими, биологическими и др.) благ, жизненно необходимых для человека. Классификация «полезностей» проводится по видам потребляемых благ (еда, одежда, хозяйственные блага и т. д.) или по другим их характеристикам. Каждый вид «полезностей» включает в себя огромный спектр различных благ, так же как, например, каждый цвет включает огромный спектр оттенков цветов или звук — большой спектр тонов и обертонов.

Одним из главных открытий маржиналистов является то, что они показали, что *величина ценности благ связана не только с качеством — «полезностью», но и с их количеством*. Так же как в физике изменение количества источников света влияет на их общую *яркость* — интенсивность их восприятия человеком, так и в экономике изменение доступного субъекту количества благ влияет на их *значимость* — интенсивность восприятия полезности этих благ, т. е. их ценность. Например, полезность стакана воды, обусловленная ее физико-химическими свойствами удовлетворять жажду, остается той же самой в пустыне или вблизи водоема, но значимость («яркость») восприятия этой полезности человеком существенно изменяется (ценность). Этим открытием был объяснен парадокс полезности и ценности благ (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 13).

Выбор меры и способа измерения ценности благ позволили маржиналистам создать математическую теорию «предельной полезности», существенно изменившую экономическую теорию.

Третья проблема — отсутствие обоснования эпистемологического и онтологического единства экономических и естественных явлений, «внутреннего» и «внешнего» опыта⁶.

-
6. Одно из решений этой сложной проблемы было предложено выдающимся русским психологом и философом Н.Я. Гротом (Грот, 1889) в его научно-философской доктрине «монодуализма», основанной на единстве механизмов познания материального (внешнего) мира и духовного (внутреннего) мира.

Как показали революционные открытия в естественных науках XVII в. и последующие открытия маржиналистов в экономике, *единство эпистемологии* естественных наук и политической экономии основано на чувственном познании материальных (эмпиризм) и социально-экономических (маржинализм) явлений. Первоначальное познание субъектом *внешнего* и *внутреннего* мира происходит через наши ощущения и чувства соответственно. Психические факты являются предметом научной рефлексии и отражают объективную реальность, воспринимаемую как естественные и ценностные свойства окружающих объектов, изучаемые разумом *качественно* и *количественно*.

Единство онтологии естественных и экономической наук выражается в том, что бытие проявляется для нас как действие различных сил природы, которые познаются нами через чувственные восприятия изменений определенных свойств или состояний тел (Мудрик, Ковнир, 2022. Рр. 585–586). Если действия *внешних* сил природы, вызванные активностью (взаимодействием) материи, ощущаются нами как изменения естественных свойств и состояний тел (движение, цвет, звук, тепло и т.д.), то действие *внутренних* сил субъектов, вызванных их активностью (потребностями) при взаимодействии их с благами, чувственно воспринимается как изменение свойства ценности благ.

Из физики известно, что сила есть характеристика интенсивности взаимодействия объектов, которое сопровождается изменением их состояний (свойств)⁷. Из открытого маржиналистами определения свойства ценности благ — как свойства, возникающего при взаимоотношении (взаимодействии) человека с ними, следует естественно-научное понятие силы. То есть когда взаимодействие человека с благами приводит к изменению субъективной ценности благ, мы можем логически связать величину изменения цены блага

7. Сила (1970). Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия. Т. 5. С. 7.

с интенсивностью действующих сил, вызванных потребностью человека.

На этот факт указывал О. фон Бём-Баверк: «Прежде всего, в процессе образования цен действуют настоящие *силы* — силы, конечно, не физические, а психические. Такого рода силами являются *желания* <..> Интенсивность этой силы измеряется, естественно, <..> величиной той субъективной ценности, какую он [человек] придает этой вещи» (Бём-Баверк, 2009. С. 199).

А. Маршалл указывал, что «...силу побудительных мотивов человека ... становится возможным приблизительно измерить той суммой денег, которую он готов отдать, чтобы получить желаемое удовлетворение...» (Маршалл, 1993. С. 70).

Заключение

Проведенное исследование показывает, что развитие естественно-научного метода в экономике происходило по двум направлениям. С одной стороны, создание классической школы позволило изучить *экономические процессы* (производство, распределение и обмен), основываясь на фактах «внешнего» опыта наблюдений, «заимствованных» у естественных наук. С другой — открытие маржиналистами «внутреннего» опыта чувственного познания благ предоставило возможность изучить *силы* потребностей человека через субъективную ценность благ (потребление).

Открытие маржиналистов, по нашему мнению, заключается в том, что они обнаружили *причинную связь* между чувственным восприятием субъективной ценности благ, вызванным потребностями человека, и *внешне наблюдаемыми* качественными и количественными характеристиками благ (полезность и редкость). Математическое описание этой связи привело к открытию законов предельной полезности, которые позволили естественным образом описать *силы*, вызывающие хозяйственную деятельность (спрос и предложение), и создать *общую* теорию равновесия экономики.

Однако приняв идеи «исходного маржинализма», неоклассики в стремлении построить «чистую», объективную науку, *отказались от «внутреннего» опыта познания чувства ценности благ*, оставив в экономической науке только «внешний» опыт с опорой на статистику и эконометрику.

Подчеркнем, что во «внешнем» опыте восприятия ощущений, вызванных действием внешних сил природы, *отсутствуют* чувства, как *реакция* на внешнее воздействие, а это уже «внутренний» опыт. Поэтому дальнейшая возможность применения естественно-научного метода в экономике, основанного на рефлексии наших чувственных восприятий свойства ценности благ, ставится под сомнение.

Объясняя такое положение в экономической науке, Л. Роббинс указывал, что «научный метод, как утверждается, требует, чтобы мы сбросили со счетов все то, что не поддается непосредственному наблюдению. Мы можем принять в расчет спрос в том виде, в котором он *проявляется* (курсив наш. — Д.М., В.К.) в наблюдаемом поведении на рынке. Но дальше этого идти мы не можем. Оценка — это субъективный процесс. Мы не можем пронаблюдать оценку, поэтому в научном объяснении ей нет места. Наши теоретические построения должны основываться на наблюдаемых данных» (Роббинс, 2012. С. 107). И в результате, как отмечено В.С. Автономовым, «синтеза экономического и психологического знания не произошло» (Автономов, 1993. С. 41).

Отметим, что физики познают окружающую реальность через ощущения, которые также являются субъективным восприятием реальности. Они сталкиваются с той же проблемой, что и экономисты. Например, они не могут непосредственно дать *оценку* температуры тела через ощущение тепла (она субъективна), но они «могут принять в расчет» *наблюдаемое* внешнее изменение «столбика» (объема жидкости) термометра, которое «проявляется» при контакте с телом. Их «теоретические построения» также основываются на наблюдаемых данных, но физики в отличие от экономистов не отказываются от чувственного восприятия, так как пони-

мают, что *нельзя познавать «что-то», что не является фактом рефлексии наших субъективных ощущений или чувств.* (Мудрик, Ковнир, 2025. С. 14). И. Кант говорил: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (Кант, 1964. С. 155).

Роббинс также не отрицает значения *факта* чувственного восприятия в познании экономических явлений, замечая, что «хотя предпосылки аналитической экономической науки не основываются ни на какой конкретной психологической теории, они вне всяких сомнений включают в себя некоторые элементы психологического — точнее, даже психического — характера. Этот факт открыто признается в том названии, под которым эти предпосылки известны: субъективная или психологическая теория ценности. Как мы уже убедились, совершенно ясно, что основание этой теории — *психический факт, оценки индивида* (курсив наш. — Д.М., В.К.)» (Роббинс, 2012. С. 107).

Возможно, что возврат к первоисточникам «исходного маржинализма» и внимательное их изучение с учетом накопленного опыта наук помогут пролить новый свет на эту непростую проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. (1993). Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука.
2. Аникин А.В. (1968). Адам Смит. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия.
3. Бём-Баверк О. (2009). Избранные труды о ценности, проценте и капитале / Пер. с англ. М.: ЭКСМО.
4. Бэкон Ф. (1971). Сочинения: в 2 т. / под ред. А. Л. Субботина. М.: Мысль. Т. 1.
5. Вайнштейн Л.А., Поликарпов В.А., Фурманов И.А. (2009). Общая психология: учебник. Минск: Современная школа.
6. Грот Н.Я. (1889). Значение чувства в познании и деятельности человека. М: Тип. А. Гатцука.

7. Джевонс У.С. (2021). Теория экономической экономии; с приложением «Учебника политической экономии». М.; Челябинск: Социум.
8. Дюгем П. (2011). Физическая теория: ее цель и строение / Пер. с фр. М.: КомКнига.
9. Кант И. (1964). Критика чистого разума / Соч. в 6 т. М.: Мысль. Т. 3.
10. Кэрнс Д.Э. (2012). Логический метод политической экономии. М.: КД «ЛИБРИКОМ».
11. Лебедев В.В., Лебедев К.В. (2016). О естественнонаучных методах исследования в экономике // Вестник университета. № 10. С. 70–75.
12. Маркс К. (1950). Капитал. Ленинград: Гос. изд. политической литературы.
13. Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки / Пер. с англ. Т. 1. М.: Прогресс.
14. Менгер К. (2005). Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего».
15. Мудрик Д.Г., Ковнир В.Н. (2022). Онтологический дуализм экономической реальности // AlterEconomics. Vol. 19(4). Рр. 584–601. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.2.
16. Мудрик Д.Г., Ковнир В.Н. (2025). Естественно-научные аспекты маржиналистской революции // Russian Journal of Economics and Law. Vol. 19(1). Рр 5–20. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.5-20.
17. Ньютон И. (2008). Математические начала натуральной философии. М.: ООО «Изд-во АКИ».
18. Петти В. (1940). Экономические и статистические работы. М.: Гос. социально-экономическое издательство.
19. Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
20. Роббинс Л. (2012). Природа и значение экономической науки / Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 93–123.
21. Скиннер Э. (2008). Адам Смит / «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена/ пер. с англ. М.: ИД ГУ ВШЭ. (The New Palgrave).
22. Смит А. (1962). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во СЭЛ.
23. Смит А. (1997). Теория нравственных чувств. М.: Республика.
24. Спекторский Е.В. (2006а). Проблема социальной физики в XVII столетии: в 2 т. Т. 1. СПб.: Наука.

25. Спекторский Е.В. (2006b). Проблема социальной физики в XVII столетии: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука.
26. Туган-Барановский М.И. (1909). Основы политической экономики. СПб.: Тип. АО «Слово».
27. Хаусман Д. (2012). Предисловие / Философия экономики. Антология / под ред. Д.Хаусмана / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 7–54.
28. Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. (2016). Естественно-научная концепция в теоретической экономике / Центр социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева. М.: Грифон.
29. Hausman D.M. (Ed.). (2008). The philosophy of economics: An anthology. Cambridge: Cambridge University Press. www.cambridge.org/9780521883504
30. Jackson W.A. (1995). Naturalism in Economics // Journal of Economic Issues. Vol. 29. No. 3. Pp. 761–780. DOI: 10.1080/00213624.1995.1150570.
31. Krugman P. (2009). How did economists get it so wrong? // The New York Times. Vol. 2. No. 9. <http://www.globalresearch.ca/how-did-economists-get-it-so-wrong/15083?>

РАННИЕ АНАРХО-СОЦИАЛИСТЫ И ПОЗДНИЕ ЛИБЕРТАРИИ: БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ?

Современные анархисты и либертарианцы не читают работ друг друга. Несмотря на это, тематика их книг зачастую пересекается. Как ни странно, оказывается, что крайне левые, к которым относят анархистов, и крайне правые, к которым многие методологи относят либертарианцев, во многом используют один и тот же комплекс идей, отталкиваясь от спонтанного порядка и оптимистических взглядов на природу человека. В статье приводятся отрывки из работ наиболее известных анархистов и либертарианцев, рассматриваются их сходство и различия. Продемонстрировано родство не только идей, но и основного «слепого пятна», связанного с игнорированием механизма исполнения решений судебной власти. Однако анархисты допускали использование террора как средства освобождения народа, для либертарианцев же это исключено; анархисты отрицали религиозные взгляды, либертарианцы допускают как атеизм, так и религию. В то же время плюрализм моральных норм является общей и глубоко заложенной традицией. Симпатия людей к требованиям отмены налогов и ликвидации начальства позволяет утверждать, что анархизм в его современных формах еще долго будет сохранять свое значение.

Введение

Недавно в России перевели две научные книги про пиратов. Одна из них принадлежит перу П. Лисона (*Лисон, 2023*) и была отнесена к серии «Академический учебник». Лисон — экономист-теоретик, либертарианец. В своей работе он доказывает, что пираты использовали демократические механизмы раньше, чем они стали общепринятыми в западных странах: «...пираты избежали этой участи, обратившись

к мэдисоновскому разрешению парадокса власти почти за сто лет до того, как сам Мэдисон его предложил. Этим решением была демократия... Если граждане могут свергнуть своих лидеров и заменить их новыми, лидеры, которые хотят сохранить свои руководящие должности, должны воздерживаться от неподобающих действий в отношении своих граждан» (там же. С. 28). Используя теорию общественного выбора, Лисон представляет пиратов XVIII в. рациональными избирателями, знающими и осуществляющими на практике разделение властей, делающими сбережения и инвестиции, а заодно полностью овладевшими искусствами рекрутинга и черного пиара.

Вторая книга написана Д. Гребером, анархистом, участником движения «Захвати Уолл-Стрит», членом профсоюза «Индустриальные рабочие мира», сыном американского коммуниста, воевавшим в Испании на стороне республиканцев. Он пишет про «настоящую Либерталию», страну, связанную с поселениями пиратов на Мадагаскаре: «Подобно собственным экспериментам пиратов – поселениям вроде Амбованулы, Конфедерация бецимисирака была создана, по крайней мере отчасти, чтобы удивлять чужаков... Формирование союза в точности соответствует моменту, когда пиратские царства и пиратские утопии в действительности служили темами самых горячих дискуссий во Франции и в Англии. Впервые коалиция появилась в том самом 1712 г., когда в Лондоне состоялась премьера пьесы Чарльза Джонсона “Удачливый пират” – фантазии о команде Джона Эвери, основывающей на Мадагаскаре королевство: согласно распространенному мнению, в этом драматическом произведении на суд широкой аудитории впервые представлены протопросветительские идеи Гоббса и Локка о происхождении монархии...» (Гребер, 2024. С. 214). Гребер хотя и не пишет о разделении властей, как Лисон, но полагает, что на Мадагаскаре в это время уже формировалась концепция прав человека (включая осуществленную тогда же революцию против матриархата), а заодно начало обозначаться признание прав собственности и стали создаваться институты гражданского общества.

Естественно, что П. Лисон не ссылается на работу Д. Гребера, в то же время нет и обратных ссылок. Современные анархисты и либертарианцы воспринимают друг друга как врагов, придерживающихся противоположных политико-экономических воззрений, что предопределяет и круг их чтения, и их авторитеты.

Вообще говоря, сходство дискурсов не должно удивлять непредвзятого читателя. Либертарианство, доведенное до логического конца, представляет собой частный вариант анархизма — анархо-капитализм. От классического анархизма XIX в. современное либертарианство отличается главным образом идеализацией частной собственности. Однако родство взглядов анархистов и либертарианцев часто недооценивают из-за идеологических предубеждений.

Русский анархизм

Русский анархизм, по-видимому, был одним из самых влиятельных направлений в общем движении. М. Бакунин был членом I Интернационала, где достаточно много спорил и с самим К. Марксом, и со сторонниками последнего. Другими фигурами из первого ряда мирового анархического движения были П. Кропоткин, П. Лавров, П. Ткачев, С. Нечаев. Всех их объединяло отрицательное отношение не только к самодержавию, но и к государству в целом. Бакунин в своем «Революционном катехизисе» указывает: «7. Безусловное исключение принципа авторитета и государственной необходимости... 8... *Общественный порядок должен быть совокупным результатом развития всех местных, коллективных и индивидуальных свобод... вся политическая и экономическая организация в целом не должна, как в наши дни, исходить сверху вниз, от центра к периферии по принципу единства, а снизу вверх, от периферии к центру, по принципу свободного объединения и федерации...*

Основой политической организации страны должна быть безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей,

мужчин и женщин на равных правах. Никакая власть не имеет права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, ее действия и ее управление. Она назначает и сменяет путем голосования всех служащих, правителей и судей и распоряжается без всякого контроля своим имуществом и финансами» (Бакунин, 1866).

Принцип территориальной организации «снизу» разделяли и другие анархисты. При этом надо подчеркнуть, что никто из них не выступал *за уничтожение рынка*: предполагалось, что народные территориальные общины (кооперативы, муниципалитеты) будут *торговать друг с другом*, объединяясь для решения общих вопросов, таких как производство общественных благ. В состав последних включались не только дороги и мосты, но и железнодорожный транспорт, школы и университеты, больницы и пр. Однако Бакунин резко выступал против права наследования и частной собственности. Отрицал частную собственность и П. Кропоткин. Но, кроме этого, он шел дальше, указывая на необходимость эгалитарного распределения результатов труда, критикуя социал-демократов: «В своих планах перестройки общества коллективисты впадают ... в двоякую ошибку: они хотят уничтожения капиталистического строя и вместе с тем стремятся сохранить те два учреждения, которые составляют самую его подкладку: представительное правление и наемный труд...

Выработанное буржуазией, с одной стороны, для противодействия королевской власти, а с другой, с целью расширения и упрочнения своего господства над рабочими, представительное правление является в истории политического формою по преимуществу буржуазного строя...

Большинство коллективистов ..., остаются верными разделению, установленному буржуазными экономистами (и Марксом), между трудом сложным, требующим предварительного обучения, и трудом простым.

...установить такое различие — значит сохранить целиком неравенство... Это значит провести заранее черту между рабочими и теми, которые претендуют на управление ими. Это значит разделить общество на два ясно обособленные

класса — аристократию знания и стоящую под нею толпу с мозолистыми руками — два класса» (*Кропоткин*, 1892. С. 53). Естественно, что большинство анархистов и социал-демократов («коллективистов») XIX в. выступали и за отмену права наследования.

Анархисты плохо относились к представительной демократии и не верили в справедливость решений парламента: «Не нелепо ли, в самом деле, избрать нескольких человек и сказать им: “Пишите для нас законы относительно всех проявлений нашей жизни, даже если вы сами ничего не знаете об этих проявлениях”? Люди начинают понимать, что так называемое “правление большинства” значит на деле — отдать все дела страны в руки тех немногих, которыми составляет большинство во всякой палате, т. е. в руки «болотных жаб», как их называли во времена Французской революции, или людей, которые не имеют никаких определенных воззрений, а пристают то к “правой”, то к “левой” партии, смотря по тому, откуда дует ветер и с кого можно больше сорвать» (там же. С. 12). В этом отношении их акцент на территориальных общинах был связан с возможностями прямой демократии и непосредственным участием граждан в управлении своими делами.

В свою очередь, и Бакунин, и другие анархисты крайне негативно относились к церкви и, как сейчас бы сказали, к «традиционным устоям». Приведем характерное замечание М. Бакунина в отношении религии и христианства: «Всякая религия основана на крови, ибо все религии, как известно, опираются главным образом на идею жертвоприношения, т. е. постоянного заклания человечества ради ненасытной мстительности божества. В этом кровавом таинстве человек всегда является жертвой, а священник, тоже человек, но человек, возвышенный благодатью, — божественным палачом... Покуда христианство и христианские священники, покуда какая бы то ни было божеская религия будет иметь хотя бы малейшее влияние на народные массы, до тех пор не восторжествуют на земле разум, свобода, человечность и справедли-

вость. Ибо, покуда народные массы находятся во власти религиозных суеверий, они будут послушным орудием в руках всех деспотизмов, объединившихся против освобождения человечества» (Бакунин, 1867). В свою очередь, его «Революционный катехизис» содержит следующее требование индивидуальных прав: «3) Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и безусловной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое свое мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным — одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчета; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплуатацией благотворительности или личного доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом» (Бакунин, 1866).

Революцию и всемирное освобождение народных масс и каждого отдельного человека следовало приближать всеми средствами. Наиболее радикально эту идею выразил С. Нечаев, тем не менее, образцом для его «Катехизиса революционера» послужила именно работа Бакунина. Несмотря на то, что впоследствии большинство анархистов отrekliсь от Нечаева и «нечаевщины», многие его идеи широко использовались в практике политической борьбы и эсерами, и большевиками, и анархистами без ссылки на первоисточник. Так, Нечаев указывал: «§13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором — всё и все должны быть ему равно ненавистны...

§22. У товарищества ведь <нет> другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть черного рабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всеокру-

шающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобличению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию» (Нечаев, 1869). Теракты и грабежи для пополнения революционной кассы («экспроприации») стали широко распространены в России начала XX в.

Подводя итог этому очень краткому описанию идей русских анархистов, можно отметить, что впоследствии они приняли форму «анархо-синдикализма». Как указывал Кропоткин, все организации, создаваемые «снизу», — от общества спасения на водах и Красного Креста до политических партий — были, в сущности, анархическими, так или иначе противостоящими иерархической бюрократической организации государства. Поэтому вполне логичными выглядели три следующих ключевых анархических тезиса:

1) индивид не станет свободным до тех пор, пока существует государство;

2) вместо государства (обеспечивает социальный контроль «сверху») — объединение местных ассоциаций (синдикатов) «снизу»;

3) свобода гарантируется не частной собственностью, а равенством членов ассоциации и отсутствием государства (аппарата угнетения).

К сожалению, благородная цель освобождения личности допускала применение средств террора, провокации и клеветнической пропаганды. К таким русским анархистам, как Н. Махно, осевшему после Гражданской войны в Париже и получившему мировую известность, полностью применима оценка этики террора В. Страда: «Между... двумя фигурами, преступник и солдат, третий нарушитель заповеди “не убий” находится в двусмысленном положении: для государственной власти, против которой он ведет борьбу, это преступник, преследуемый ею как таковой, но от преступника он отличается тем, что убивает не по личным мотивам, а по политическим и/или религиозным убеждениям. Террорист по-своему

борется с государственной властью не как солдат..., а как представитель потенциальной контрвласти — власти, еще не принявшей форму легитимного государственного организма, но стремящейся к этому...

Террорист — фигура, занимающая промежуточное положение между преступником и солдатом, и если первый лишен этической идеи, толкающей его на убийство, второй подчиняется господствующей этике, то террориста можно охарактеризовать двойственно: он и преступник, и солдат, и если его дело терпит поражение, его можно отнести к первой категории, но если побеждает, то попадает в третью (иногда как герой)» (Страда, 2014. С. 7).

Либертарианство

Либертарианство — широко распространенное политико-экономическое направление. Существенную роль в его популяризации сыграли романы А. Рэнда, а также деятельность ее кружка, который посещал в молодости А. Гринспен. Но А. Рэнд не упоминается в работах М. Ротбарда, также оказавшего огромное влияние на распространение либертарианства среди экономистов. Ротбард — практически в стиле Бакунина и Кропоткина — критикует и государственную машину вообще, и представительную демократию в частности: «...все государства опираются на поддержку большинства, как демократические, так и нет: ни одно из них не в состоянии длительное время осуществлять принуждение при стойком сопротивлении большинства.

...Поэтому в известном смысле любая тирания, независимо от формы государственной власти, — это тирания большинства... Конфликт и принуждение присутствуют независимо от того, каково численное соотношение между принуждающими и принуждаемыми» (Ротбард, 2003. С. 27).

Р. Нозик в этом отношении менее радикален: «Ультраминимальное государство обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны, и, таким образом, исключает ответное применение

силы (например, ради мести или получения компенсации) со стороны частных лиц (или частных агентств); в то же время оно защищает права *только* тех, кто приобретает соответствующие услуги. Люди, которые не покупают у монополии “охранный полис”, не получают защиты» (Нозик, 2019. С. 49). В то же время Нозик согласен с тем, что демократия — устройство, «где все люди владеют всеми людьми ради блага всех людей» (там же. С. 356) — представляет собой разновидность рабства и тирании. Агентство, которое предоставляет «охранные услуги», работает на рыночных условиях, но не как производитель «общественного блага» от лица всех граждан.

Рынок в этом случае, по сути, является единственным регулятором общественных отношений, при этом достигается максимум справедливости: «Если бы мир был совершенно справедлив, то тема справедливости в имущественных отношениях совершенно исчерпывалась бы следующим индуктивным определением:

1. Лицо, которое приобретает имущество в соответствии с принципом справедливости присвоения, имеет титул собственности на это имущество.

2. Лицо, которое приобретает имущество в соответствии с принципом справедливости перехода у кого-то, кто имеет титул собственности на это имущество, также получает титул собственности на это имущество.

3. Никто не может получить титул собственности на имущество иначе как в результате (неоднократного) применения пунктов 1 и 2» (там же. С. 195).

Восхищение П. Лисона пиратами, приобретавшими имущество путем грабежа и последующего эгалитарного раздела добычи, выглядит странно на фоне жестких моральных установок Р. Нозика. Логика либертарианцев, однако, становится более понятной, если допустить, что отстаивание свободы допускает применение силы к тем, кто эти свободы нарушает. В этом отношении китайский император, запретивший поставки опиума со стороны Великобритании в 1839 г., нарушил естественное право на свободу торговли, поэтому

это право на продажу китайцам наркотиков можно и нужно было отстоять с оружием в руках. Точно так же создаваемые в соответствии с принципом справедливости юридические лица — большие корпорации, в которые объединяются имущества граждан, имеют право на преследование собственных интересов, контролируя цены. Запрет на создание таких организаций — нарушение свободы предпринимательства.

Аналогично либертарианцы отстаивают плюрализм и религиозную веротерпимость. Это причудливым образом сочетается с отрицательным отношением к социальным пособиям, которые негативно влияют на общественную мораль: «В наше время государство расшатывает семьи как явно, так и подспудно. Наиболее очевидный способ заключается в том, что система социальных пособий позволяет молодым женщинам иметь детей вне брака и жить при этом с определенной степенью комфорта. Прежде матери внушали дочерям, что незаконнорожденный ребенок будет катастрофой. Бесчестие и моральное осуждение незаконнорожденности в значительной степени основывалось на весьма практических соображениях — финансовом бремени, налагаемом на семью...

...Либертарианцы не считают, что государству следует поддерживать и поощрять традиционные семьи, как призывают моралистические консерваторы. Ему нужно просто прекратить разрушать семьи, чтобы люди могли образовывать такие семьи, какие им хочется... Зачем государству заниматься выдачей разрешений на вступление в брак?.. Следует вернуться к пониманию брака как гражданского договора для всех и религиозного обязательства для верующих...

Пока государство продолжает выдавать разрешения на брак, оно должно делать это на недискриминационной основе... сегодня неправильно отказывать в праве заключать брак однополым парам... Трудно представить, каким образом признание однополых браков может оказать негативное влияние на чей-то чужой брак, как утверждают некоторые консерваторы; в чём нельзя упрекнуть гомосексуальные браки, так это в том, что они плодят безотцовщину,

и конечно чем больше людей вступает в брак, тем лучше для института брака» (Боуз, 2022. С. 281–283). Таким образом, социальные пособия женщинам на детей, рожденных вне брака, расшатывают семьи и общественную мораль, в то время как выдача разрешений на брак однополым парам укрепляет институт брака и снижает уровень безотцовщины. Изошренная логика.

Естественно, что внутри либертарианства существует множество течений, и позиции разных авторов могут серьезно различаться. Тем не менее подводя краткий итог, можно констатировать, что либертарианцы отстаивают следующие принципы:

1) государство должно быть «ультраминимальным», выполняя функции «охранного агентства»;

2) необходимые блага «совместного пользования» производятся либо объединениями частных лиц (клубы), либо корпорациями, взимающими впоследствии плату за пользование этими благами;

3) свободы и права граждан гарантируются институтом частной собственности. В политике соблюдается принцип единогласия: большинство не может ущемлять права меньшинства.

В отношении моральных норм либертарианцы, как и анархисты, демонстрируют очень большую гибкость. Но следует подчеркнуть, что во всех вариантах либертарианства отсутствует право на политический террор. В то же время право на свободу слова подразумевает возможность диффамации оппонентов.

Заключение: анархия и спонтанный порядок

Как уже говорилось, сходство идей анархистов прошлого (анархо-социалистов) и современных либертарианцев (анархо-капиталистов) неслучайно — у них общие идейные корни. И основной идеей анархизма является оптимистическая вера в спонтанный порядок и способности людей договариваться друг с другом.

Любопытно, что критика анархистов и либертариев, направленная на государство, обходит проблему судебной власти. Суды необходимы, чтобы обеспечивать права индивидов, их существование предполагается «по умолчанию» даже старыми анархистами, а у таких либертариев, как Д. Фридман, решения судов вообще оказываются центральным пунктом анализа (Фридман, 2017). Однако выполнение судебных решений должно кем-то обеспечиваться, полагаться на добрую волю сторон с противоположными интересами было бы наивно. В этом отношении у либертариев действует «слепое пятно»: суды есть, но *как власть они отсутствуют*. Однако для того, чтобы соблюдалось политическое (не говоря уже об экономическом) равенство, требуются издержки — принуждение акторов к соблюдению законов. А чтобы покрывать эти издержки необходимы налоги, чтобы собирать налоги, требуется соответствующий фискальный аппарат. Рассуждая таким образом, мы поневоле возвращаемся от «ультраминимального» к минимальному государству.

Но и это еще не все. Об идее свободной частной жизни, лежащей в основе спонтанного порядка, лапидарно высказался А. де Токвиль: «Нация, не требующая от своего правительства ничего, кроме поддержания порядка, в глубине души уже поражена рабством» (*цит. по: (Апачевич, 2024. С. 232)*). Такие высказывания стараются не замечать не только либертариизмы, но и обычные либералы.

Многое из того, чего добивались анархисты XIX в., в XXI в. стало реальностью в большинстве государств: всеобщее избирательное право, равенство мужчин и женщин, секуляризация, свободные моральные нормы. Либертариизмы продолжили эту борьбу за освобождение граждан от государства. И пока в современном обществе сохраняются налоги и начальство, либертариизм будет оставаться одной из самых популярных утопий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апачевич М.* (2024). Альберт О. Хиршман: интеллектуальная биография. М.: ИД Дело РАНХиГС.
2. *Бакунин М.* (1866). Революционный катехизис. НАРОД.РУ. <https://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm> (дата обращения 05.04.2025).
3. *Бакунин М.* (1867). Федерализм, социализм и антитеологизм (Мотивированное предложение Центральному комитету Лиги Мира и Свободы от М. Бакунина.) <https://ru.anarchistlibraries.net/library/mihail-bakunin-federalizm-socializm-i-antiteologizm> (дата обращения 05.04.2025).
4. *Боуз Д.* (2022). Либертарианство: история, принципы, политика. М.; Челябинск: Социум.
5. *Гребер Д.* (2024). Пиратское Просвещение или Настоящая Либерталия. М.: Ад Маргинем Пресс.
6. *Кропоткин П.* (1892). Хлеб и воля. Библиотека анархизма. <https://ru.anarchistlibraries.net/library/petr-kropotkin-hleb-i-volya> (дата обращения 5.04.2025).
7. *Лисон П.* (2023). Невидимый крюк: скрытая экономика пиратов. М.: ИД Дело РАНХиГС.
8. *Нечаев С.* (1869). Катехизис революционера. МГУ: Исторический факультет. <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/nechaev.htm> (дата обращения 5.04.2025).
9. *Нозик Р.* (2019). Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН: Социум.
10. *Ротбард М.* (2003). Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум.
11. *Страда В.* (2014). Этика террора. От Фёдора Достоевского до Т. Манна. М.: Политическая энциклопедия.
12. *Фридман Д.* (2017). Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М.: Изд-во Института Гайдара.

Н.А. Шапиро
РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

А.И. Александрова
СПбПУ,
Санкт-Петербург

**ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА
К. ЭРРОУ DE FACTO & AD REM¹ —
ТЕОРИЯ СОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ,
ПРИМЕНЕННАЯ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОЦЕССУ**

Статья посвящена теореме невозможности К. Эрроу, как одному из «неприятных результатов» теории коллективного выбора, исследующей логику принятия решений. Обсуждение идет по двум направлениям. Во-первых, сопоставляются теории «Social Choice Theory» К. Эрроу и «Public Choice Theory» Дж. Бьюкенена, Г. Таллока и др. и делается вывод, что, попадая в одну группу логических теорий выбора решений, неправомерно включать их в одну группу экономических теорий общественного выбора или группу теорий экономического империализма. Каждая из них исследует выборы, имеющие разные цели, и использует разные методы исследования. Эрроу строит свои выводы на законах логики, а теория общественного выбора — на законах неоклассической теории. Во-вторых, высказывается гипотеза, согласно которой теореме невозможности можно получить на основе неоклассической теории рыночных структур. Гипотеза подтверждается с учетом уточнения понятия рынка и его заменой на понятие структур рынка. Это позволяет утверждать, что «неприятный результат» коллективного выбора является настолько же неприятным, как и невозможность осуществления совершенной конкуренции в реальной жизни.

1. de facto & ad rem (*лат.*) — по факту и по существу/по делу.

Введение

К. Эрроу (1921–2017) получил Нобелевскую премию по экономике в 1972 г. за разработку так называемой теоремы невозможности, а точнее невозможности одновременного выполнения условий осуществления демократического голосования. Теорема показывает, что при выполнении необходимых условий для демократического голосования оно становится избыточным, так как очевидным результатом является диктатура или выбор одного. «Этот результат — один из основных в теории выбора, но при этом и один из наиболее неприятных», — отмечал один из современных исследователей проблемы выбора (Аллингем, 2017. С. 136). Теорема Эрроу особенно часто воспроизводится противниками либеральных взглядов, сторонниками же предпринимаются попытки дополнить или дать такую ее трактовку, которая способна сгладить «неприятность» результата.

Поскольку на VI Октябрьской конференции была поднята тема «Политические и экономические механизмы общественного выбора»², то появился повод обратиться к теореме Эрроу (Arrow, 1951). В данном случае речь не пойдет о политических предпочтениях или корректности применения инструментов теории логики к доказательству, представленном в работе К. Эрроу. Цель работы состоит в том, чтобы показать, что теорема невозможности Эрроу идентична концепции совершенной конкуренции (Робинсон, 1986; Стиглер, 1995). Модель совершенной конкуренции недостижима на реальном рынке так же, как и невозможен демократический выбор в реальной политике. Однако вывод, относящийся к конкуренции, не приводит к отказу создания конкурентной среды на реальных рынках и не считается непринятым. Суть гипотезы в данном случае состоит в том, что если голосование, как и рынок, разделить на две идеальные модели, то можно прийти к выводу, что теорема невозможности несет в действительности ровно

2. <https://www.econorus.org/c2024>

столько же «неприятных» результатов, как и уже известные ограничения и проблемы при воплощении в реальность совершенной конкуренции и ее альтернативы — чистой монополии.

Методология и методы

В статье применен дедуктивно — сравнительный анализ дескриптивного или описательного изложения, показывающих идентичность/ или неидентичность выводов, представленных в риторике разных теоретических дискурсов, а также логический метод дихотомии. По правилам логики для проведения процедуры сравнения используются три параметра: предмет, образ и признак. Предмет сравнения — это то, что сравнивается (проблема родового сходства); образ — то, с чем сравнивается (идеальный тип); признак — на основании чего одно сравнивается с другим (признаки, как правило, представляют собой характерные черты, которые имеют смысловые значения в проводимом сравнении) (*Шаниро*, 2001. С. 14–15).

В данном случае предметом сравнения являются формулировки сходных или похожих характеристик существования двух пар функционально и комплементарно взаимодействующих субъектов спроса и предложения в рынке, граждан и власти в процессе голосования, формирующих модель управления государством/корпорацией и прочими организациями. Образ или идеальный тип — это модели, существующие в «гипотетическом режиме абсолютно свободной конкуренции» (*Walras*, 1954. Р. 40) или совершенно свободной демократии, при которой рассматривается взаимодействие комплементарных субъектов на рынке и при голосовании в политической сфере. Признаки отражают возможные результаты выбора и характерные черты последствий, закономерно возникающих на основе как моделей рынка, так и голосования.

Результаты

Согласно заявленной теме в статье речь пойдет о теории общественного выбора К. Эрроу (*Arrow*, 1951), или теореме невозможности. В связи с этим уточним еще раз ее

смысл. По теореме невозможности на основе голосования реально осуществимый выбор — это диктатура, а установление демократии на основе голосования невозможно. Этот «неприятный результат» теоремы ведет к выводу, что все разговоры о «государственных интересах» — пустое сотрясание воздуха до тех пор, пока не случится почти невероятное событие — единения всех относительно некоего вопроса, но в этом случае голосование уже избыточно (Аллингем, 2017. С. 137). Под «невероятным событием» следует понимать появление кандидата, которого желает выбрать каждый из голосующих. В таком случае у выбранного лица нет дилеммы исключать ли из сферы своей заботы интересы одних в пользу других.

Необходимо сделать еще два замечания, чтобы быть правильно понятыми в последующих рассуждениях.

Первое замечание относится к переводу терминов. В английском языке существует два разных слова, которые используются в работах экономистов, исследующих проблему выбора, но в русском языке они часто употребляются как взаимозаменяемые. Речь идет о «Social Choice Theory» и «Public Choice Theory». К. Эрроу использует термин «Social Choice», а экономисты — Дж. Бьюкенен и Г. Таллок в книге «Исчисление согласия» (Buchanan, Tullock, 1962) — «Public Choice». На русский язык и тот и другой термин часто переводят как «общественный выбор».

В отношении работы К. Эрроу и «Social Choice» в русскоязычных публикациях используется, кроме перевода «общественный выбор» (Гольшиков, Фуфаев, 2017; Макарычев, 2019), еще несколько вариантов: *социальный* (Нуреев, 2005; Харитонов, 2021), *коллективный* (Довбенко, 2011; Ахмадуллин, 2017; Олсон, 2018) или *групповой* (Аллингем, 2017; Некителов, 2024) выбор. Что же касается работ Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, то многословности перевода «Public Choice» в русском языке практически не наблюдается.

Второе замечание относится к смыслам «Social Choice Theory» К. Эрроу и «Public Choice Theory» — теории общественного выбора (ТОВ). Есть такие авторы, которые объеди-

няют «Social Choice» и «Public Choice» в один корпус ТОВ: К. Эрроу, Г. Беккер, Р. Коуз, Ч. Бьюкенен, Д. Норт и Р. Фогель (Швери, 1995; Нуреев, 2005).

Но правомерно ли такое отождествление терминов «Social Choice Theory» К. Эрроу и «Public Choice Theory» Дж. Бьюкенена и Г. Таллока и объединение теорий в одну группу? С точки зрения предмета теории принятия решений, где выбор рассматривается как одно из направлений, такое объединение вполне правомерно. С точки зрения решения вариантов выбора, которые используются в экономической теории без привязки к его контексту — кто или кого выбирает, такое обобщение так же возможно, тем более что Дж. Бьюкенен и Г. Таллок делают ссылку на работу К. Эрроу во введении к своему исследованию. Они также упоминают работы К. Викселя, Р.А. Даля и Ч.Э. Линдблома, Б. Леони, Г. Оливера, Э. Даунса, которые исследуют проблему выбора в принятии решений в экономике. Согласиться следует с тем, что это различные варианты выбора в принятии решений в экономике. Однако ТОВ появилась в рамках экономического контекста, из-за необходимости объяснить почему государство не принимает решения, максимально способствующие общественному благосостоянию, даже при условии достаточности ресурсов. Объяснение искалось за пределами теории эффективного спроса Дж.М. Кейнса (Кейнс, 1978).

В свою очередь корпус ТОВ имеет еще одно обобщающее название — «экономический империализм», в который входят теории, использующие экономические методы для изучения проблем выбора во внеэкономических сферах (Бьюкенен, 1994). Возникают вопросы, экономический вариант принятия решений на основе выбора в полной мере приемлем вне сфер экономики, все ли логически известные варианты выбора используются при принятии экономических решений. На них трудно дать однозначные ответы, поскольку развиваются и экономические практики и варианты выбора, и их осмысление. Например, известные варианты выбора справедливого решения различаются в научных областях: фило-

софии, экономике, социологии и праве. В экономической сфере апробируется несколько критериев справедливости: по Парето, по Роулзу, по Нуссбаум или положению паупера. Критерии, используемые в экономике, имеют «пересечения» с другими сферами. Получается, что нет однозначного формального ответа, его следует искать, увязав с интересами или целями экономической политики и тех, кто разрабатывает и осуществляет эту политику.

ТОВ изучает, каким образом люди, выбранные во власть, влияют на принимаемые государством решения в управлении экономикой. Она ставит целью объяснить, почему технически верные макроэкономические решения по обеспечению равновесия не приводят к эффективным для общества решениям социально-экономических проблем. Ответ на вопрос лежит за пределами правил науки логики и показывает, что политический выбор основывается на экономической логике личной выгоды, точнее, на балансе личной и общественной выгоды. Учет общественной выгоды позволяет удержаться в системе власти, где с точки зрения конкретного субъекта ему находится выгоднее, чем в любой другой сфере экономики. Величина возможного роста благосостояния делится элитой между ней самой и обществом.

Сопоставляя общественный выбор как «Social Choice» с «Public Choice Theory», следует учитывать, что в них рассматриваются разные выборы, соответственно, используются разные концепции объяснения результатов.

В ТОВ рассматривается то, на основе чего сами кандидаты принимают решение, идти или не идти им на выборы во власть, а затем, придя к власти, — делают выбор институциональной политики, балансируя между целями личного и общественного благосостояния. ТОВ объясняет это выбор, используя логику экономической ортодоксии и теорию организаций (*Buchanan, Tullock, 1962*). На основании такого подхода государство определяется как рынок особого рода. Фактически объясняется, почему цели общества не являются единственными для элиты в рамках экономической поли-

тики, а принимаемые законы — не всегда общественным благом, но и благом клубным, а то и частным (создание организаций под конкретную персону).

Проблема общественного выбора, исследуемого Эрроу, лежит в иной плоскости. Он рассматривает, как граждане выбирают будущих представителей власти, и делает это с помощью положений теории логики. Его не интересует рост благосостояния или цели экономической политики, он исследует результат процесса голосования, получаемый на выборах верховной власти.

Согласно Эрроу, существуют пять аксиом, выполнение которых необходимо для осуществления демократического выбора: универсальности, единогласия, независимости, полноты и транзитивности (Эрроу, 2004). Но поскольку их совместное выполнение невозможно, то и демократический выбор также невозможен. Он обращает внимание на то, что все пять аксиом выполнимы только при одном кандидате, избираемым в верховную власть. А поскольку один, то значит — диктатор. В данном случае не будем касаться теории логики и справедливости аксиом. Согласимся с тем, что они логичны, а вывод правомерен. Далее покажем, что к теореме невозможности можно прийти на основе не только логических аксиом, но и применения неоклассической экономической теории, представленной в моделях рынка (совершенной конкуренции и чистой монополии), применив ее к трактовке голосования в политике.

Обсуждение двух способов коллективного выбора

Далее обсудим вариант объяснения коллективного выбора и теоремы невозможности на основе неоклассической теории, который допускает и сам К. Эрроу, а также традиционный смысл термина «демократический выбор».

В своих рассуждениях К. Эрроу прибегает к объяснению коллективного выбора через две аналогии — голосование и рыночный механизм. «... Существует два основных способа

коллективного выбора: голосование, обычно используемое для принятия политических решений, и рыночный механизм, обычно используемый для принятия экономических решений» (Эрроу, 2004. С. 15). Или: «... Классификация способов коллективного выбора... соответствует различиям, введенным профессором Найтом относительно обычаев, власти и консенсуса, за исключением того, что я разделил консенсус на две категории: голосование и рыночный механизм» (там же. С. 16).

Обратим внимание на консенсус. Можно сказать, что консенсус на рынке следует понимать как установление равновесия между спросом и предложением. В голосовании консенсус или равновесие устанавливается между голосующими гражданами и избранными в результате коллективного голосования.

Эрроу также допускает противопоставление диктатуры рынку и голосованию: «... два последних способа — диктатура и обычай — несут в своей формальной структуре некоторую определенность, отсутствующую в голосовании или рыночном механизме» (там же. С. 16).

Если откорректировать термины, принимая во внимание неоклассическое структурирование рынка на две идеальные модели — совершенную конкуренцию и монополию, то можно сделать вывод, что есть два рыночных механизма — монополии и конкуренции. Соответственно, будет иметь место противопоставление — совершенной конкуренции (читай у Эрроу — просто рынок) и монополии (читай — диктатура). Монополия в этом случае отождествляется с диктатурой или диктатура — с монополией. Голосование отождествляется с совершенной конкуренцией. Это наглядно видно, если речь идет о механизме прямого голосования. Можно сказать, что диктатура или монополия «несет в себе некоторую определенность», отсутствующую при демократическом голосовании как коллективном выборе, как и на рынке совершенной конкуренции.

Голосование отождествляется с совершенной конкуренцией, диктатура — с монополией. Голосование противопоставляется диктатуре, совершенная конкуренция — монополии.

Диктатура, согласно экономической логике, должна быть противопоставлена не просто голосованию, а «совершенному демократическому голосованию», как совершенная конкуренция противопоставляется монополии. Если в качестве политической аналогии для монополии рассматривать диктатуру, то правомерно утверждать, что она несет в себе некоторую определенность, отсутствующую в результатах «совершенного демократического голосования», принятого как в рыночном механизме совершенной конкуренции. Почему это так — можно разобраться подробнее.

Совершенная конкуренция предполагается множество продавцов и множество покупателей и представляет собой двустороннюю структуру. Это следует понимать так, что каждый покупатель должен найти своего продавца или, наоборот, каждый продавец встретит своего покупателя. Кроме того, каждый индивид будет един в двух лицах, одновременно являясь и покупателем и продавцом, при условии общественного разделения труда. И тогда никто не сможет повлиять на рыночную цену и т.п., но согласно условиям совершенной конкуренции она нереалистична. Как отмечает Дж. Стиглер, «...мы должны отметить самую общую и важную претензию к концепции совершенной конкуренции — она нереалистична» (Стиглер, 1995. С. 328). Все образуется само собой, никому не нужен какой-либо внешний регулятор, так как нет основания для выявления коллективных предпочтений, что и следует понимать под отсутствием «некоторой определенности». В пределе получается, что какой-либо коллективный выбор будет тождественен выбору одного избирателя, и в этом будет определенность коллективных предпочтений, но для такой определенности нет необходимости выборов. Так же, когда все хотят одного и того же, то необходимость выбора отпадает. Когда все хотят разного, то необходимость выявления коллективных предпочтений тоже отпадает.

Если проводить аналогию с совершенной конкуренцией в политическом процессе голосования, ведя речь о совершенном демократическом голосовании, где есть много избирателей

и много избираемых, то результат коллективного выбора будет нереалистичен. Каждый избиратель должен бы найти свою единственную кандидатуру и, наоборот, каждый кандидат нашел бы своего единственного избирателя. Каждый окажется одновременно избирателем и избранным. Можно лишь повторить, что при таком состоянии взаимодействия участников выбора какой-либо коллективный результат нереалистичен.

Таким образом, в реальности «совершенное голосование», приводящее к демократическому результату, неосуществимо, так же как и достижение модели совершенной конкуренции.

Подобным образом можно рассуждать при отождествлении чистой монополии и чистой диктатуры, которые как идеализированные структуры неосуществимы в реальности. Разница в том, при монополии на рынке всем предлагается одно, а в голосовании всем нравится одно и то же. В любом случае возникает состояние, что выборы либо бессмысленны, либо не нужны.

Экономическая теория выходит из «нереальности» совершенной конкуренции минимум двумя путями. Первый — вводится понятие несовершенной конкуренции, которое предполагает появление рыночной власти, т. е. факторов (субъектов), способных влиять на рыночную цену. Второй — через эксплицитно вводимое понятие трансакционных издержек как затрат на взаимодействие рыночных субъектов, которые «искажают» их идеальное взаимодействие в совершенной конкуренции (Коуз, 1995). И тот и другой вариант исходят из того, что «разрушаются» условия существования совершенной конкуренции. В реальности границы, качественно детерминирующие несовершенную конкуренцию, определяются не логически или экономически, а политически — через институциональный баланс параметров и критериев антимонопольной и конкурентной политики, проводимой в стране. Какой рынок считать монополизированным, а какой конкурентным, устанавливается согласно принятому законодательству, которое имеет отличия по странам.

В рамках понятия несовершенной конкуренции теоретически выделяются две модели рынка — олигополия, механизм действия которой раскрывается в подмножестве ее моделей, и монополистическая конкуренция, которая также не имеет жестких оценок качественной определенности. В некоторых случаях бывает сложно идентифицировать разнovidность олигополии и монополистической конкуренции.

Крайней степенью нарушения условий совершенной конкуренции, когда есть много продавцов и много покупателей на рынке отдельного товара, будет двухсторонняя монополия, когда действует один продавец и один покупатель, где с двух сторон нет выбора. Такая ситуация тоже нереалистична, так как всегда есть конкуренция производителей других товаров за бюджет потребителя, а также таковая со стороны товаров-заменителей.

Реальность рынка на территории страны, региона или мира такова, что при разнообразии отраслей производства, удовлетворяющих различные потребности, складывается далеко неоднородная с точки зрения уровня конкурентности среда по отраслям и территориям. Чтобы все производство «взять в одни руки» потребуется уже не рыночная сила монополия, а сила институтов политической власти, национализация, установление единого центра, принимающего экономические решения за всех потребителей и производителей. Тогда все должны хотеть одного и того же, и они станут представлять собой совокупного покупателя и одного совокупного производителя, который будет выпускать продукцию и выбор которого бессмысленен. Но в такой ситуации уже не нужен рынок. Установится режим рациионирования или прямого распределения произведенных продуктов. Говоря словами Г. Гегеля, состояние, доведенное до крайности, превращается в свою противоположность (Гегель, 2023).

В политическом процессе, следуя экономической логике, речь пойдет о «подрыве» совершенной демократии на стороне избирателей, потому что их предпочтения не на 100% дифференцированы. В реальной ситуации всегда есть

большинство, которое сходится во вкусах и предпочтениях, но есть и меньшинство, которому нравится другое. Важно, каким образом выявляется это большинство, которое определяет результаты голосования.

История демократии, как практики, так и применения самого термина, свидетельствует о том, что речь идет о самом процессе голосования, т. е. из скольких кандидатов и как и кем осуществляется выбор. Результатом выбора претендента на власть или осуществление властных функций в любом варианте является один субъект или одна персона. Речь идет не о том, чтобы выбрать многих политиков в верховную власть, а чтобы был выбор одного из нескольких многими. Логика демократии в политике не предполагает тождества сторон как на рынке, где есть много продавцов и много покупателей.

Традиционно под демократичностью выборов подразумевается процедура голосования, а не конечный результат. Результат же выборов верховной власти всегда однозначен при любой процедуре, так как избирается один человек! Верховная власть в конечном счете будет всегда принадлежать одной персоне — президенту, монарху, председателю, генеральному секретарю, вождю, вне зависимости от того, каким образом конкретная персона туда попадает — в итоге выборов, по наследству или обычаю и пр.

Таким образом, соглашаясь с отождествлением рынка и голосования, согласно К. Эрроу, процесс политического голосования по выбору верховной власти можно трактовать через рыночные категории совершенной конкуренции и монополии. Результат выборов представляет собой консенсус в виде односторонней монополии: монопольное «предложение власти, с одной стороны, и множественный «спрос» на власть — с другой. Учитывая специфичность такого блага как верховная власть, можно считать, что она всегда представляет собой естественную монополию, каким бы при этом не был процесс ее выборов — безальтернативным или демократическим.

Согласно неоклассической теории, чистая монополия, существующая вне конкуренции, ведет к загниванию, отсут-

ствию развития в монополизированных секторах экономики, поскольку утрачивает стимулы к новым инвестициям и инновациям, получая монопольную прибыль за счет повышения цен. Негативные тенденции монополизма сдерживаются институционально, через проведение антимонопольной политики.

Естественная монополия власти как права на насилие и принуждения для обеспечения порядка по определению не может иметь конкурентов. Голосование по выбору верховной власти будет считаться незавершенным, пока на верхней ступени власти не окажется одна персона. Получается, что политическая власть — это всегда монополия. Особенностью обладания такого блага как власть является отсутствие естественного предела насыщения, что представляет основу для превращения в диктатуру. Монопольный негатив власти сдерживается институционально.

Политическая власть, ограниченная определенными институциональными рамками, совсем не обязательно становится диктатурой. Монополия власти в политике становится диктатурой в том случае, если нет жестких ограничительных рамок осуществления власти во времени и пространстве. Институциональные ограничения или правила регулируют способ и сроки занятия должности верховного правителя, включают в себя позиционную структуру самой власти, предполагающую разделение властей. Институциональная среда призвана обеспечивать выборность, сменяемость и гласность. Эти принципы отражаются в Конституции или Основном законе государства, их совместное соблюдение со стороны как граждан, так и самой власти защищает общество от перерождения монополии власти в диктатуру.

Возвращаясь к выводу К. Эрроу, что определенность выбора есть диктатура, можно отметить, что он формально правилен, если отождествить монополию и диктатуру. Но на практике не всякая монополия обязательно превратится в диктатуру, есть много способов этого не допустить. Поэтому вывод некорректен с политической точки зрения или с точки

зрения практики политических процессов. Определенность выбора власти в рамках любой иерархии — от самой простой организации до государства — это монополия, но еще не диктатура. Она становится диктатурой, если не существует институциональных ограничений на применение принуждения и насилия. Демократическая суть власти реализуется настолько, насколько демократия отражена в институциональных нормах, в рамках которых существует монополия власти как результат демократических выборов.

Выводы

Следует констатировать, что «Social Choice Theory» и «Public Choice Theory» — это не просто два разных английских слова об одном и том же. Это разные концепции о разных выборах. Если концепция «Social Choice Theory» (или коллективный выбор К. Эрроу) рассматривает процесс выбора верховной власти (для любой иерархической структуры или организации, включая государство), то «Public Choice Theory» (или теория общественного выбора) предлагает вариант объяснения неэффективной работы по обеспечению общественного благосостояния уже выбранной государственной власти.

Правомерно ли отнести концепцию «Social Choice Theory» (или коллективный выбор К. Эрроу) к корпусу теорий экономического империализма? Представляется, что нет, неправомерно, поскольку его выводы получены на основе законов логики, а не экономического поведения, согласно неоклассической теорией. Однако, как показало данное исследование, выводы по правилам логики и по правилам неоклассического поведения не противоречат друг другу. Теория общественного выбора К. Эрроу *de facto & ad rem* — теория совершенной конкуренции, примененная к гипотетически совершенному демократическому процессу выборов.

Выводы К. Эрроу о невозможности демократии подтверждаются экономической логикой неоклассической теории рыночных структур (совершенной конкуренции и монополии) при определенной коррекции понятий демократии

и диктатуры. В свое время Дж. Стиглер писал, что понятие конкуренции было долгое время интуитивно очевидным, но по мере его использования в теоретических концепциях оказалось, что есть разное понимание и недопонимание смыслов употребляемых терминов (Стиглер, 1995). В настоящее время примерно также можно сказать о понятии «демократический выбор». Его концептуальная неточность лежит в основе восприятия теоремы невозможности как «неприятного» результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллингем М. (2017). Теория выбора: очень краткое введение. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
2. Ахмадуллин И.Р. (2017). Проблемы репрезентативности легитимной демократии // Управление устойчивым развитием. № 2 (09). С. 51–54.
3. Бьюкенен Дж. (1994). Конституция экономической политики. [Нобелевская лекция 1986 г.] // Вопросы экономики. № 6. С. 104–113.
4. Гегель Г.В.Ф. (2023). Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. М.: ЭКСМО. <https://books.yandex.ru/books/cJxThN6z/quotes>
5. Гольшиков И.А., Фуфаев М.В. (2017). Теорема Эрроу, и как с ней бороться? // Современная математика и концепции инновационного математического образования. Т. 4. № 1. С. 315–318.
6. Довбенко М.В. (2011). Теорема невозможности К.-Дж. Эрроу / Современные экономические теории в трудах нобелиатов: учебное пособие / М.В. Довбенко, Ю.И. Осик. М.: Академия естествознания.
7. Кейнс Дж.М. (1978). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс.
8. Коуз Р. (1995). Теория фирмы / «Теория фирмы» / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа. С. 11–32.
9. Макарычев А. (2019). Принципы и параметры общественного выбора // Полис. №4. С. 184–186.
10. Некипелов А.Д. (2024). Возможности формирования обновленной парадигмы теорий индивидуального и группового выбора //

Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. №1 (76). С. 33–43.

11. Нуреев Р.М. (2005). Теория общественного выбора: курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 521600 «Экономика». М.: ИД ГУ ВШЭ.
12. Олсон М. (2018). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ.
13. Робинсон Дж. (1986). Экономическая теория несовершенной конкуренции: Пер. с англ. / Вступ. ст. и общ. ред. И.М. Осадчей. М.: Прогресс.
14. Стиглер Дж. (1995). Совершенная конкуренция: исторический ракурс / Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа. С. 299–328.
15. Харитонов А.А. (2021). Работа Нобелевского лауреата Кеннета Джозефа Эрроу «Социальный выбор и индивидуальные ценности» как критерий конституционного строительства / Правопорядок в России: проблемы совершенствования. XV Всероссийская конференция: сборник статей. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. С. 124–126.
16. Шапиро Н.А. (2001). Экономическая компаративистика: этапы и направления развития. М.: Высшая школа.
17. Швери Р. (1995). Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. № 2. С. 43–56.
18. Эрроу К.Дж. (2004). Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ.
19. Arrow K. (1951). Social Choice and Individual Values / Kenneth Arrow. New York: John Wiley and Sons.
20. Buchanan J.M., Tullock G.G. (1962). The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy / By James M. Buchanan and Gordon Tullock. https://www.econlib.org/library/Buchanan/buchCv3.html?chapter_num=2#anchor_n14
21. Walras L. (1954). Elements of pure economics or, The theory of social wealth/ Léon Walras. Published for the American Economic Association and The Royal Economic society, by R.D. Irwin.

Д.Г. Мудрик
независимый исследователь,
Москва

В.Н. Ковнир
РЭУ им. Г.В. Плеханова
МГТУ им. Н.Э. Баумана,
Москва

ПРИРОДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИЛ В ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДВИЖЕНИЯ БЛАГ КАРЛА МЕНГЕРА

В статье исследуется динамическая модель процесса создания и потребления благ, которую применял в своем анализе Менгер для объяснения сил, вызывающих хозяйственную деятельность, и возникновения субъективной ценности благ. Цель данного исследования — показать, что логика Менгера, объясняющая причины возникновения экономических сил через наблюдение динамики процессов движения (создания и потребления) благ, по своему построению такая же, как и логика творца классической физики И. Ньютона, объясняющая силы природы через наблюдение динамики движения тел. С помощью динамической модели Менгера был проведен историко-генетический анализ изменения динамики потоков благ и возникающих сил в процессе развития форм хозяйствования. Проведенные исследования показали, что динамическая модель Менгера позволяет объяснить: возникновение сил «невидимой руки» (классическая школа); равновесное состояние экономики (неоклассическая школа) как динамическое равновесие, к которому стремится хозяйственная деятельность; роль денежного фактора в установлении экономического равновесия (кейнсианская и монетаристская школы).

Введение

Построение модели хозяйственного поведения человека в первую очередь зависит от ответа на вопрос, что лежит в основе экономических механизмов, определяющих поступки и выбор человека — сознание и воля, составляющие основу его морального и рационального поведения (субъективный метод), или мотивы, вызванные действием объективных условий среды (естественно-научный метод).

Карл Менгер, традиционно рассматриваемый в истории экономической мысли только как основоположник австрийской школы маржинализма, в своей главной работе «Основания политической экономии» (Менгер, 2005. С. 59–286) поставил задачу объяснить происхождение хозяйственной деятельности и субъективную ценность благ через мотивы, вызванные *наблюдаемым отношением* «между надобностью и доступным распоряжением количеством соответствующих благ» и мыслимым только во времени (там же. С. 111). С одной стороны, это радикально отличает его от представителей ортодоксальной экономической науки, объясняющих причины хозяйственной деятельности через моральное и рациональное поведение человека. Менгер писал: «Теоретическая наука о народном хозяйстве занимается не преподаванием практических советов для хозяйственного *поведения*, а установлением *условий*, при которых люди проявляют предусмотрительную деятельность, направленную на удовлетворение своих потребностей» (там же. С. 63; Мудрик, Ковнир, 2025. С. 11). При этом Менгер указывает на потребность в научном основании хозяйственной деятельности и «в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постигнуть ее эмпирические основания» (Менгер, 2005. С. 61). Он утверждает, «что явления хозяйственной жизни подлежат строгим законам, подобно явлениям природы» и все явления подчинены закону причины и следствия (там же. С. 63, 65; Мудрик, Ковнир, 2025. С. 11).

С другой стороны, как отмечает В.С. Автономов, «включение в анализ фактора времени придало австрийской школе

динамический характер, *несвойственный* (курсив наш. — Д.М., В.К.) другим направлениям маржинализма» (Автономов, 2022. С. 63). Анализируя экономическую теорию Менгера, важный вывод делает современный исследователь австрийской школы маржинализма Е. Штрайсслер: «Его экономическая теория по своему основному содержанию была экономикой неравновесия» (Streissler, 1973. Рр. 172–173). Менгера интересовало не равновесие как таковое, а *определение сил, ведущих к равновесию*. В отличие от Джевонса и Вальраса, Менгер исследовал не статику, а динамику экономических процессов, не равновесие цен, а движение благ, происходящее в экономике, объясняя силы, вызывающие хозяйственную деятельность и ценность благ, через изменение движения благ в *процессе* их создания и потребления, рассматриваемого во времени.

Цель данного исследования — показать и доказать, что логика Менгера, объясняющая причины возникновения *экономических сил*, вызывающих хозяйственную деятельность, через наблюдение процессов *движения* (создания и потребления) благ, по своему построению такая же, как и логика творца классической физики И. Ньютона, который трактовал причины возникновения физических сил через наблюдение движения тел, отмечая при этом, что «вся трудность физики состоит в том, чтобы по явлениям *движения* (курсив наш. — Д.М., В.К.) распознать *силы природы* (курсив наш. — Д.М., В.К.), а затем по этим силам объяснить остальные явления» (Ньютон, 2008. С. 3; Мудрик, Ковнир, 2025. Рр. 9–10).

Используя естественно-научный метод, который, как соглашается Менгер, «является общим для всех наук, основанных на опыте» (Менгер, 2005. С. 62), в нашем исследовании мы хотим показать *единообразие причин* возникновения сил как в экономике, вызванных изменением движения благ, так и в физике, обусловленных изменением движения тел. Отмечается, что при единообразии форм явлений, связанных с наблюдением «изменения движения» (в экономике — благ, в механике — тел), они вызваны силами, которые имеют разный характер в зависимости от сущности той области знания,

в которой они наблюдаются. В физике это сопротивление среды (трение) и силы инерции, в экономике — редкость благ и экономические силы, вызывающие хозяйственную деятельность. Так же отмечено, что «изменение движения» вызывает у человека чувственные впечатления: в физике — субъективные ощущения веса (тяжести) тела и возникновения понятия его массы, а в экономике — чувственные восприятия субъективной ценности («значимости») блага и понятия его полезности.

Наше исследование основывается на динамической модели процесса движения благ, которую применяет в своем анализе Менгер.

Динамическая модель движения благ, основанная на теории Менгера

Теория народного хозяйства Менгера (Менгер, 2005) дает ключ к пониманию динамической модели движения благ, которая объясняет возникновение экономических сил, вызывающих хозяйственную деятельность и ценность благ.

Исследуя природу хозяйственной деятельности, Менгер исходил из того, что *в основе* ее лежит «процесс постепенного преобразования благ высшего порядка в блага низшего порядка и применения затем последних к удовлетворению человеческих потребностей» (там же. С. 80). Этот процесс «не беспорядочен» и «подчинен законам причинности» (там же).

Причины хозяйственной деятельности Менгер пытался постигнуть из «причинного соотношения отдельных явлений этого процесса», «мыслимых только во времени». Как писал Менгер, «идея причинности неразрывна с идеей времени. Каждый процесс превращения состоит из возникновения и развития, и мыслим только во времени». Таким образом, «время составляет существенный момент нашего наблюдения» (там же. С. 80–81).

В общем процессе движения благ, обусловленном хозяйственной деятельностью, Менгер выделял два основных «явления», связанных между собой. Первое — это процесс создания «доступного распоряжению количества благ», связан-

ный с постепенным *преобразованием* благ высшего порядка в блага низшего порядка¹ и рассматриваемый во времени. Математически этот процесс можно выразить скоростью потока создаваемых благ:

$$v_{\text{созд.}} = \frac{S_{\text{созд.}}}{t}, \quad (1)$$

где $v_{\text{созд.}}$ — средняя скорость потока создаваемых благ определенного вида за время t ; $S_{\text{созд.}}$ — количество благ первого порядка определенного вида, созданных за время t , «на которое простирается предусмотрительная деятельность людей» (там же. С. 124).

Процесс создания благ направлен от благ «высшего порядка» к благам «низшего порядка», поэтому математическое выражение скорости этого процесса (1) можно представить как вектор, направленный к благам «первого порядка».

Второе явление — это процесс потребления «нужного количества благ» (там же. С. 88), вызванный «надобностью в благах» и связанный с удовлетворением человеческих потребностей, в «пределах времени, на которое простирается его предусмотрительность» (там же. С. 90). Математически этот процесс можно выразить скоростью потока потребления *требуемого количества* благ, необходимых человеку для удовлетворения его потребностей за выбранный период времени:

$$v_{\text{треб.}} = \frac{S_{\text{треб.}}}{t}, \quad (2)$$

где $v_{\text{треб.}}$ — средняя требуемая скорость потребления благ определенного вида за время t ; $S_{\text{треб.}}$ — «нужное количество благ» определенного вида, необходимых «для поддержания своей жизни и своего благосостояния» за время t , в пределах которого обнаруживается надобность в благах.

-
1. Благами первого порядка» Менгер называет блага, «годные для *непосредственного* (курсив наш. — Д.М., В.К.) удовлетворения человеческих потребностей», а «высшего порядка» — блага, *посредственно* (курсив наш. — Д.М., В.К.) применяемые при преобразовании их в блага «первого порядка» (Менгер, 2005. С. 71, 72).

Потребности человека направлены к благам, пригодным для потребления, поэтому математическое выражение скорости процесса потребления требуемых благ (2) можно представить как вектор, направленный к благам «первого порядка».

Необходимо отметить, что «нужное количество благ» ($S_{\text{треб.}}$) обусловлено *объективными физиологическими процессами* поддержания в организме человека постоянного обмена *веществ и энергии* (метаболизма), направляемыми на сохранение жизни, здоровья и его благосостояния, и «ни в какой своей существенной части» не могущими быть уменьшенными или увеличенными «без того, чтобы не было нарушено осуществление общей цели», которой они служат (там же. С. 88). Как отмечает Менгер, «...неудовлетворение потребностей ведет нашу природу к гибели, недостаточное удовлетворение — к разрушению ее, а удовлетворять потребности, значит жить и преуспевать» (там же. С. 88).

Поэтому благосостояние человека является не статичным состоянием, а непрерывным *динамическим процессом*, который будет зависеть от соотношения требуемой скорости потока потребляемых благ («надобности») и скорости потока их создания. Относительное изменение скоростей указанных потоков обуславливает «количество благ, доступных распоряжению», и будет влиять на состояние жизни, здоровья и благополучия человека.

Из рассмотренных определений векторов движения потоков, создаваемых (1) и требуемых (2) благ следует, что эти векторы направлены к благам первого порядка (конечным продуктам потребления) и поток требуемых благ (2) *поддерживается* потоком создаваемых благ (1).

Связь благосостояния человека с потоками благ (1) и (2) можно математически выразить *функцией доступного количества благ*, образующихся за определенное время:

$$S(t) = S_0 + (S_{\text{созд.}} - S_{\text{треб.}}) = S_0 + (v_{\text{созд.}} - v_{\text{треб.}}) t, \quad (3)$$

где $S(t)$ — запас доступных благ определенного вида, образующихся за время t ; S_0 — запас доступных благ на начало периода; $v_{\text{созд.}}$ — средняя скорость создания благ определенного вида; $v_{\text{треб.}}$ — средняя требуемая скорость потребления благ определенного вида («надобность в благах»).

Если мы возьмем производную по времени от функции (3), то получим динамическую функцию, описывающую скорость изменения количества доступных благ, т. е. величину изменения запасов доступных благ в единицу времени, обусловленную скоростями потоков (1) и (2):

$$S'(t) = v_{\text{созд.}} - v_{\text{треб.}} = \Delta v, \quad (4)$$

где $S'(t)$ — функция изменения доступного количества благ в единицу времени; Δv — отношение средних скоростей потоков создания и потребления требуемых благ.

Как следует из уравнения (4), если изменения $\Delta v > 0$, то скорость создания благ превышает скорость их потребления, и в единицу времени образуется избыток благ, равный $+\Delta v$, вызывающий *рост* запасов доступных благ в течение времени t (3) и рост благосостояния человека. Если $\Delta v < 0$, то скорость создания благ ниже скорости их требуемого потребления, и за единицу времени образуется «редкость» благ, равная $-\Delta v$, вызывающая *уменьшение* запасов доступных благ в течение времени (3) и падение благосостояния. Если $\Delta v = 0$, то скорости создания и потребления благ равны, что приводит к *динамическому равновесию* потоков благ и неизменности их доступного запаса (3), при котором «надобность» человека полностью удовлетворяются «доступным распоряжению количеством благ».

Менгером был проведен анализ отношения явлений (1) и (2) в общем процессе движения благ для выявления причин, вызывающих хозяйственную деятельность человека и ценность благ. Сам Менгер отмечает, что «результат может быть трояким» (там же. С. 103). С учетом рассмотренного нами уравнения (4) в зависимости от соотношения скоростей потоков благ $v_{\text{треб.}}$ и $v_{\text{созд.}}$, получаем следующее:

а) «надобность меньше количества благ, доступного распоряжению» (там же. С. 104) ($v_{\text{треб.}} < v_{\text{созд.}}, \Delta v > 0$).

б) «надобность превышает доступное распоряжению количество благ» (там же. С. 103) ($v_{\text{треб.}} > v_{\text{созд.}}, \Delta v < 0$).

с) «надобность и доступное распоряжению количество благ покрывают друг друга» (там же. С. 104) ($v_{\text{треб.}} = v_{\text{созд.}}, \Delta v = 0$).

Это отношение (4), как отмечает Менгер, «допускает весьма точное исследование» (там же. С. 111) и может быть использовано для *количественного* познания причин, влияющих на хозяйственную деятельность человека и ценность благ.

Анализ модели

Анализ изменения динамики потоков благ (1) и (2) и их влияние на хозяйственную деятельность человека и ценность благ рассмотрим *исторически* — как они трансформировались по мере развития человечества и изменения форм хозяйства.

Возникновение человечества

Начнем с того, что еще до появления человека в природе существовал кругооборот вещества и энергии (химические, физические, биологические процессы), в результате которого создавались природные богатства земли. Еще задолго до возникновения человека «фабрика» природы подготовила ему большое количество запасов благ, имеющих различные полезные свойства, необходимые для поддержания жизни (воздух, вода, еда, кров и др.). Поэтому с появлением человека, все блага для него были «дарами природы», и *он потреблял их свободно в необходимых количествах, не затрачивая усилий на их создание*². Этот важный факт был отмечен Менгером: «Самая первобытная форма оккупаторного хозяйства ограничивается собиранием предоставленных в данный

2. Нужно отметить, что каждый человек в своей жизни переживает такой период при рождении. В детстве человек не является дееспособным участником экономических отношений, и всю заботу об удовлетворении его потребностей до его совершеннолетия берут на себя родители. В рассматриваемом нами случае «заботу родителя» выполняла природа.

момент природой благ низшего порядка. Хозяйствующие люди не оказывают никого влияния на их возникновение: оно независимо от желаний и потребностей людей (курсив наш. — Д.М., В.К.) и носит, по отношению к последним, случайный характер» (там же. С. 86).

В этих условиях движение потока *свободно* потребляемых человеком благ (1) *поддерживалось* движением потока благ, создаваемых природой (2), которые естественно возникли независимо от деятельности человека за счет ее сил (физических, химических, биологических). В физике таким примером является свободное движение тела по течению реки, поддерживаемое за счет потока воды. Здесь скорость свободного потребления блага человеком соответствует скорости движения тела по воде, а скорость создания блага соответствует скорости потока реки.

Таким образом, в период «детства» человечества *блага создавались силами природы*, а человек, пользуясь результатами ее работы, *свободно* потреблял ее плоды. Это было обусловлено тем, что количество людей и требование к разнообразию полезных благ в то время было невысокое, и «надобность в благах», определяемая скоростью их потребления, не превышала скорость их создания в общем кругообороте природы. В этих условиях, когда случайные изменения динамики потоков благ не нарушали их общего соотношения $v_{\text{треб.}} < v_{\text{созд.}}$ (см. выше), наблюдался избыток благ, и в соответствии с уравнением (4):

$$v_{\text{созд.}} - v_{\text{треб.}} = \Delta v > 0. \quad (5)$$

Как отмечает Менгер, блага доступные распоряжению, количество которых превышает надобность в них, «...не являются объектами человеческого хозяйства, и мы называем их *неэкономическими* благами» (там же. С. 110). Эти блага, обладая полезными свойствами, не имели ценности, и в отношении них человек не испытывал «надобности», так как они были *доступны в избытке*.

Возникновение экономических сил и ценности благ в изолированном хозяйстве

Однако по мере «взросления» общества условия жизни менялись, и человек был «изгнан из рая». С одной стороны, накопление человеком опыта и знаний о новых полезных вещах и силах природы вызвало новые потребности и *необходимость расширения ассортимента благ*, а рост народонаселения привел к *увеличению объема потребляемых благ*. С другой — действие неблагоприятных природных условий вызывало *уменьшение количества доступного распоряжению благ природы*. Менгер писал: «Причины, по которым блага неэкономические становятся экономическими, могут быть двоякие, а именно: или рост потребностей, или уменьшение количества, доступного распоряжению» (там же. С. 113).

Менгер отмечает, что «...если большей надобности общества соответствует меньшее доступное распоряжению количество благ, то... нет сомнения в том, что потребности части членов этого общества совсем не будут удовлетворены или же будут удовлетворены лишь неполно» (там же. С. 107).

В этих условиях скорость создания благ становится меньше *по отношению* к требуемой скорости их потребления ($v_{\text{треб.}} > v_{\text{созд.}}$, см. выше). Это *ограничивает* доступное распоряжению количество благ и препятствует удовлетворению «надобностей». Человек *начинает ощущать редкость благ*, которую можно выразить как уменьшение требуемой скорости потребления благ на величину $-\Delta v$:

$$v_{\text{созд.}} - v_{\text{треб.}} = -\Delta v < 0. \quad (6)$$

Причины, вызывающие снижение скорости создания благ по отношению к требуемой скорости их потребления (6), будем называть *силами сопротивления среды*, которые обусловлены *законом убывающей отдачи*³.

3. В условиях естественных ограничений факторов производства предельная скорость создания благ ограничена.

Силы сопротивления, ограничивающие потребление требуемых благ, можно представить как *вектор*, направленный противоположно вектору скорости создания благ, который ограничивает скорость их создания по отношению к требуемой скорости их потребления (6). Интенсивность сил сопротивления будет пропорциональна *величине замедления* требуемой скорости потребления благ по отношению к скорости их создания ($-\Delta v$) за рассматриваемый период времени Δt , в котором произошли эти изменения⁴.

Таким образом, рост сил сопротивления, обусловленный законом убывающей отдачи, вызывает снижение скорости потребления благ. Чем выше интенсивность действия сил сопротивления, тем больше темп снижения скорости потребления благ (6), тем больше редкость благ, образующаяся в рассматриваемом периоде времени, и тем больше человек испытывает *ухудшение своего состояния*.

Например, если в результате роста населения (увеличение потребностей) или неурожайного года (снижение доступного распоряжению количества благ) скорость создания хлеба ($v_{\text{созд.}}$) по отношению к требуемой скорости его потребления ($v_{\text{треб.}}$) за год (Δt) уменьшится на $\Delta v = -200$ *натуральных единиц* (н.е.), то мы можем говорить о действии *внешних* сил сопротивления, которые ограничивают требуемую скорость потребления благ человеком. Интенсивность действия сил сопротивления будет пропорциональна темпу снижения скорости потребления требуемого блага ($-\Delta v$) за рассматриваемый период времени (Δt), в котором наблюдалось это изменение, и составит $\Delta v / \Delta t = -200 \text{ н.е.} / 1 \text{ год} = -200 \text{ н.е. в год}$. Если бы темп снижения потребления блага (-200 н.е.) происходил постепенно за два года (например, за счет постепенного ухудшения климата), то средняя интенсивность действия сил сопротивления, ограничивающих потребление благ, в этом случае была бы в два раза ниже, чем в первом случае: $-200 / 2 = -100 \text{ н.е. в год}$.

4. Согласно второму закону Ньютона, действие сил пропорционально ускорению или замедлению скорости движения тела за рассматриваемый период времени.

Как отмечает Менгер, когда «надобность в благе превышает количество последнего..., люди в своем *стремлении* (здесь и далее курсив наш. — Д.М., В.К.) удовлетворить потребности... ощущают по отношению к данному благу *побуждение к деятельности*, сущность которой мы... назвали хозяйством. Познание указанного отношения (когда $v_{\text{треб.}} > v_{\text{созд.}}$ (6) — наше примечание. — Д.М., В.К.) *создает в то же время еще одно явление...* — мы имеем в виду *ценность благ*» (там же. С. 124).

Другими словами, в рассматриваемых условиях (6), когда возникает редкость благ и происходит «замедление» *требуемой скорости их потребления*, у человека возникают потребности в них, которые *вызывают внутренние силы* («мотивы»), «побуждающие» его к хозяйственной деятельности, направленной на *увеличение* доступного количества требуемых благ.

Зарождение внутренних сил, вызванных потребностями и побуждающих к действию по отношению к данному благу, вызывает одновременно у человека «ощущение» свойства ценности этого блага, чувственно переживаемое как его *значимость* в удовлетворении возникшей потребности. Поэтому *внутренние силы*, вызванные потребностями человека, также как и *ценность благ*, имеют *динамическую природу*, обусловленную *замедлением требуемой скорости потребления благ*⁵ (6).

Причины, которые *противодействуют* снижению *требуемой скорости потребления благ* (6), будем называть *экономическими силами*.

-
5. Возникающие в человеке силы познаются им двояко. С одной стороны, как внутренние силы побудительных мотивов человека (скрытые, *пассивные*), «ощущаемые» им как свойство ценности блага, в котором человек испытывает надобность (маржинализм). С другой — как внешние силы человека (действующие, *активные*), наблюдаемые в хозяйственной деятельности и вызванные его трудом (классическая школа). Внутренние (скрытые) силы человека, обусловленные его потребностями, вызывают внешние (действующие) силы, приводящие к хозяйственной деятельности, тогда, как отмечает Менгер, когда человек имеет в своем обладании средства для того, чтобы подчинить блага своей власти (знания, технику, энергию, ресурсы и др.) и распоряжаться ими для удовлетворения своих потребностей (Менгер, 2005. С. 67).

Экономические силы можно представить как вектор, направленный в сторону вектора скорости создания благ, который стремится увеличить скорость создания требуемых благ на $+\Delta v$, в условиях их редкости $-\Delta v$ (6), до полного удовлетворения потребностей в них. Интенсивность действия экономических сил пропорциональна *величине роста* скорости создаваемых благ ($+\Delta v$) за период времени Δt (ускорению), в котором происходят эти изменения.

В примере, рассмотренном выше, действие сил сопротивления, снижающих требуемую скорость потребления хлеба на -200 н.е. в год, вызывает потребности, обуславливающие возникновение экономических сил, действие которых в процессе хозяйственной деятельности стремится увеличить скорость (*интенсивность*) производства хлеба на 200 н.е. в год до полного удовлетворения потребности в нем.

Таким образом, возникновение сил сопротивления, «замедляющих» скорость потребления требуемых благ, вызывает экономические силы «ускоряющие» движение потока создаваемых благ⁶. В результате к общему потоку благ, создаваемых в единицу времени *природными силами*, добавляются *экономические силы*, обусловленные потребностями человека, которые, совершая *работу над природой* в процессе хозяйственной деятельности, вызывают рост скорости (*интенсивности*) создания *требуемого количества благ* в их общем кругообороте. Это позволяет снизить редкость (недостаток) требуемых благ и увеличить скорость их потребления.

Менгер писал: «Мы видим, что охотник, преследующий дичь с дубиной в руках, переходит к охоте с помощью лука и сети, к скотоводству и постепенно к более *интенсивным* (курсив наш. — Д.М., В.К.) его формам; мы видим, что люди, питающиеся дикорастущими плодами, переходят к все более *интенсивным* (курсив наш. — Д.М., В.К.) формам

6. Так, например, М. Туган-Барановский отмечает: «Производство направлено на преодоление того сопротивления, которое противопоставляется человеку природой» (Туган-Барановский, 2023. С. 340).

земледелия; мы видим, что возникают промыслы, что они совершенствуются введением орудий и машин...» (там же. С. 85). Экономические силы, совершая работу над природой и увеличивая интенсивность создания благ, стремятся поддерживать движение потока потребляемых человеком благ на нужном уровне, сохраняющим его жизнь, здоровье и благосостояние.

Здесь необходимо отметить, что проявление подобных сил присуще и физическим процессам. Это можно показать на примере движения лодки по течению реки, где скорость ее движения по воде соответствует скорости потребления человеком блага, а скорость потока реки — скорости потока создания этого блага.

Если требуемая скорость лодки (обозначим ее как $v_{\text{треб.}}$) становится выше относительно скорости потока реки (обозначим ее как $v_{\text{созд.}}$), когда $v_{\text{созд.}} - v_{\text{треб.}} = -\Delta v$ (6), то в этом случае со стороны реки возникает сопротивление, которое тормозит движение лодки и стремится уменьшить ее скорость до скорости течения реки $v_{\text{созд.}} = v_{\text{треб.}} - \Delta v$.

При торможении движения лодки со стороны реки, в соответствии с законом инерции (первый закон Ньютона), у первой возникает *сила «инерции»*, противодействующая изменению ее движения. Ньютон описывает эту силу следующим образом: «Врожденная сила материи есть присущая ей способность сопротивления, по которой всякое отдельно взятое тело, поскольку оно предоставлено самому себе, *удерживает свое состояние* (курсив наш. — Д.М., В.К.) покоя⁷ или равномерного прямолинейного движения». Далее он поясняет: «Эта сила проявляется телом единственно лишь когда другая сила, к нему приложенная, *производит изменение в его состоянии* (курсив наш. — Д.М., В.К.). Проявление этой силы может быть рассматриваемо двояко: и как сопротивление и как напор. Как сопротивление — поскольку тело про-

7. Состояние покоя — это относительное понятие, зависящее от выбранной системы координат. Поэтому абсолютного покоя не существует. Например, тело может покоиться относительно Земли, но относительно Солнца или звезд *всегда* находится в движении.

тивится (курсив наш. — Д.М., В.К.) действующей на него силе, стремясь сохранить свое состояние (пассивные силы⁸. — Д.М., В.К.); как напор — поскольку то же тело, с трудом уступая силе сопротивляющегося ему препятствия, *стремится изменить* (курсив наш. — Д.М., В.К.) состояние этого препятствия (активные силы. — Д.М., В.К.)» (Ньютон, 2008. С. 25, 26). Следуя Ньютону, под «инерцией» понимается некое присущее всякому телу «упорное стремление» к сохранению своего состояния движения.

Как было показано выше, «врожденные силы» материи, противодействующие изменению своего состояния движения, присущи не только физическим телам, действие которых принимает характер *сил инерции*, но и субъектам, действие которых принимает характер *экономических сил*, направленных на сохранение *движения* потребляемых благ и поддержания *состояния* жизни человека.

Также физики отмечают, что при воздействии на тело сторонних сил, вызывающих изменение его движения, одновременно с силами *инерции* у него возникает свойство, ощущаемое как его *вес/тяжесть*, чего не бывает при свободном его движении. Известно, например, что в состоянии свободного падения тело *невесомо*. Но чем больше интенсивность действия сторонних сил, «пытающихся» изменить скорость движения тела, тем больше силы инерции, противодействующие изменениям, и тем больше *вес/тяжесть* тела⁹. В механике *вес/тяжесть* тела выражает *силу*, с которой оно действует на причину, вызывающую изменение его движения.

В экономике, как было отмечено выше, при воздействии сторонних сил сопротивления, вызывающих уменьшение требуемой скорости потребления человеком благ (уравнение (6)), одновременно с возникновением экономических сил, вызванных потребностью в этих благах, у последних возни-

8. Пассивные силы в физике — это силы, не создающие движения, но препятствующие изменению его; активные силы — вызывающие (создающие) движение.

9. Например, вес космонавтов в ракете может увеличиться в семь раз!

кает свойство ценности, которое мы *не* чувствуем, когда они потребляются нами свободно (уравнение (5)). Поэтому чем выше интенсивность действия сил сопротивления, вызывающих редкость благ и снижающих скорость их потребления, тем выше экономические силы, противодействующие этим изменениям, и тем выше ценность этих благ. Ценность блага выражает силу (потребность), с которой человек действует на причину, ограничивающую его потребление¹⁰.

Интересно отметить, что Менгер, рассматривая причины возникновения цен и потребности в благах на физическом примере сообщающихся «водохранилищ», объяснял их соответственно «действием тех сил, которые мы называем тяжестью и инерцией» (!) (Менгер, 2005. С. 200).

Таким образом, действие экономических сил, противодействующих снижению требуемой скорости потока потребляемых благ в условиях их редкости, вызывает хозяйственную деятельность, увеличивая скорость их создания, которая приводит к росту «доступного распоряжению количества благ» и устранению их редкости, покрывая «надобность в благах» ($v_{\text{треб.}} = v_{\text{созд.}}$, см. выше). Согласно динамическому уравнению (4), мы получаем:

$$v_{\text{созд.}} - v_{\text{треб.}} = 0. \quad (7)$$

В этом случае устанавливается динамическое равновесие, когда действие *сил сопротивления*, приводящих к «замедлению» потока потребления требуемых благ на величину $-\Delta v$, уравнивается действием *экономических сил*, вызывающих «ускорение» потока создаваемых благ, увеличивая их на величину $+\Delta v$.

Когда силы уравниваются, скорости потребления необходимых благ и их создания *становятся равными* друг другу ($v_{\text{треб.}} = v_{\text{созд.}}$).

10. Чем выше ценность (значимость) блага для человека, тем больше его страдания и тем больше сил (труда) он затрачивает на получение этих благ от природы.

Несмотря на то что устанавливается динамическое равновесие ($v_{\text{треб.}} = v_{\text{созд.}}$), ценность благ в этих условиях не будет равна нулю, так как их потребление не «свободно» (см. п. Динамическая модель движения благ...), а происходит в условиях действия сил *сопротивления* (редкости благ), препятствующих потреблению необходимого количества благ (см. п. Динамическая модель движения благ...) и вызывает действие *экономических сил* поддерживающих необходимую «интенсивность» их создания. Как отмечает Менгер, благодаря «предусмотрительности» человека хозяйственная деятельность не останавливается (там же. С. 89).

В условиях редкости благ динамическое равновесие (7) будет постоянно нарушаться действием различных внешних и внутренних факторов. Будет ли динамическое равновесие устойчиво к различным воздействиям?

Согласно рассматриваемой модели, если требуемая скорость потребления благ $v_{\text{треб.}}$ (2) станет выше скорости их создания $v_{\text{созд.}}$ (1), то это вызовет рост редкости благ на величину $-\Delta v$ (6) и соответственно рост потребностей в благах, рост их ценности и рост экономических сил, стремящихся увеличить *интенсивность* производства этих благ на величину $+\Delta v$. Если $v_{\text{треб.}}$ станет ниже $v_{\text{созд.}}$, то это вызовет излишек благ на величину $+\Delta v$ (5) и соответственно снижение их ценности, уменьшение интенсивности экономических сил и сокращение создания благ на величину $-\Delta v$.

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемой динамической модели движения благ экономические силы выполняют функцию «*возвращающих*» сил, которые *стремятся вернуть процесс движения благ* (4) к *динамическому равновесию* (7). Эти силы представляют собой «невидимую руку», направляющую к равновесию «*надобность в благе*» и «*количество благ доступных распоряжению*».

Развитие народного хозяйства и возникновение социальных сил, влияющих на движение благ

До сих пор мы рассматривали хозяйственную деятельность как *отношение* человека и природы, когда производство и потребление благ осуществлялось в замкнутом домашнем хозяйстве. В этих условиях сущность хозяйственной деятельности сводилась к борьбе человека с природой для удовлетворения его разнообразных потребностей. Отношения человека и природы способствовало развитию естественных наук, которые открывали возможность фактически осуществлять его «власть» над природой.

Однако с развитием хозяйственной деятельности и с возникновением *разделения труда и обмена* в обществе люди начинают активно взаимодействовать не только с природой, но и между собой. Возникают *товарно-денежные отношения между людьми*, которые также, как и *отношения с природой*, начинают оказывать существенное влияние на процесс производства и потребления благ. Изучение этих отношений составляет задачу политической экономии, сферы экономической мысли, сложившейся в XVIII в. Как отмечает В.Я. Железнов, «для людей важно не только, какими орудиями и приемами они достигают своих хозяйственных целей, но и каковы их отношения друг к другу в их экономической деятельности» (Железнов, 1902. С. 4–5). Эти существенные изменения в хозяйственной деятельности возникают на этапе становления народного хозяйства.

Основным инструментом, с помощью которого люди *взаимодействуют* между собой в хозяйственной деятельности, становятся *деньги*. С возникновением института денег они начинают участвовать в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ. Деньги становятся *обязательным инструментом* хозяйственных отношений между людьми в *процессе* «преобразования благ высшего порядка в блага низшего порядка и удовлетворения потребностей».

Отличие денег от обычного традиционного товара заключается в том, что они не имеют конечного потребителя и потребительной ценности — они участвуют не непосредственно в производстве товара и удовлетворении потребностей, а *косвенно*, как *общая мера ценности и средство обмена* в процессе кругооборота благ. Природа денег отличается от природы товаров. Товар предназначен для потребления, и после определенного количества обменных операций он прекращает свое существование при удовлетворении им запросов конечного потребителя. Деньги в народном хозяйстве предназначены для обеспечения *свободного* движения товаров в процессе их обмена, и они могут бесконечно долго осуществлять свой кругооборот в процессе производства и потребления товаров. Д. Юм сравнивал деньги с «маслом», «благодаря которому движение колес [торговли] становится более плавным и свободным» (Юм, 2015. С. 20). Сами по себе деньги не имеют ценности, а отражают ценность создаваемых и потребляемых товаров, т. е. «они являются только средством вычисления и оценки последних» (там же. С. 24).

Использование денег в хозяйстве вносит *существенные изменения* в исследуемую нами динамическую модель движения благ Менгера (см. п. Динамическая модель движения благ...). В этом случае между *человеком* и *природой* возникает «посредник» — *деньги*, а «надобность в благах» будет зависеть не только от «доступного распоряжению количества благ», но и от доступного распоряжению количества денег. Если «надобность в благах» не обеспечена доступным распоряжением количеством денег, то это делает блага *недоступными* и создает их *искусственную редкость*. Например, редкость денег у предпринимателя проявляется в нехватке «собственного капитала»¹¹, что *ограничивает его инвестиции* в увеличение производства «доступного количества благ», даже когда *на рынке физически доступны все ресурсы*. У потребителя

11. Отражается в балансе предприятия по разделу III «Капитал и резервы».

редкость денег проявляется в низких денежных доходах и в низкой платежеспособности, что ограничивает удовлетворение его «*надобностей*», даже когда блага физически присутствуют в большом количестве на рынке.

Таким образом, возникновение «редкости» денег в экономическом кругообороте *ограничивает «доступное распоряжению количество благ»* и *вызывает сопротивление* удовлетворению «*надобности*» человека в требуемых благах. Это создает впечатление, что экономические механизмы конкурентного рыночного *саморегулирования* не работают¹² и в экономике не действуют законы как в естественных науках¹³. Это происходит потому, что «редкость» денег в экономическом обороте благ *препятствует* действию экономических сил, направленных на удовлетворение потребностей и установление динамического равновесия (см. формулу (7)).

В отличие от теории Менгера, которая объясняет оптимальное состояние хозяйства балансом сил, возникающим при взаимодействии человека и природы в процессе создания и потребления требуемого количества благ, неоклассическая теория общего экономического равновесия (ТОЭР) трактует его как баланс цен, устанавливаемый при обмене товаров между людьми в условиях дефицита денег «при прочих равных условиях».

Как пишет Менгер, цены — это «симптом действия сил»¹⁴, а «сила, заставляющая их проявляться, это — послед-

12. Ярким примером может служить Великая депрессия 1929 г. в США, наступившая вследствие *перепроизводства товаров и нехватки денежной массы* для их покупки. Первым, кто указал на неспособность объяснить это явление в рамках классической теории, был Дж.М. Кейнс (Кейнс, 1948). Убеждение классической и неоклассической школ о всеисилии «невидимой руки» рынка (принцип *laissez faire*) было поставлено под сомнение. Кейнс доказывал, что денежные (монетарные) факторы влияют на реальный уровень национального дохода и на степень деловой активности.

13. Например, Лукаш Хардт приходит к парадоксальному выводу, что «если мы хотим, чтобы экономика была реальной, то мы должны выбрать экономику без законов» (Hardt, 2017. P. 5).

14. «Менгер не пытался указать точки равновесия, решения системы дифференциальных уравнений; он попытался набросать общую схему взаимодействия сил в целом. Формально эти два описания системы дифференциальных уравнений, конечно, идентичны. Но их применение и интерпретации различны» (Streissler, 1973. P. 173).

няя и общая причина всякой хозяйственной деятельности, стремление людей к *возможно более полному* (курсив наш. — Д.М., В.К.) удовлетворению своих потребностей, к улучшению своего экономического положения. Но так как цены — единственные чувственно воспринимаемые элементы всего процесса, ... то не трудно было впасть в ошибку, будто их величина есть существенный момент обмена...» (Менгер, 2005. С. 200). Как отмечает У. Жаффе, «рыночная цена для Менгера была всего лишь поверхностным и случайным проявлением куда более глубоких сил (курсив наш. — Д.М., В.К.), приходящих в действие при обмене благ и услуг» (Жаффе, 2015. С. 79).

Другими словами, в условиях редкости денег, равновесие цен определяется *доступным распоряжению количеством денег у производителей и покупателей*, т. е. обеспеченным *эффективным* спросом и предложением, а не *доступным количеством благ*, необходимых для жизни, здоровья и благополучия человека. В *условиях редкости денег* происходит «выравнивание» цен, а не «нужного количества благ» и их «количества, доступного распоряжению»¹⁵ (см. п. Динамическая модель движения благ...).

По нашему мнению, сложность решения проблемы редкости благ в условиях редкости денег связана с существующим представлением о «нейтральности» денег и «классической дихотомии» реального (спрос и предложение товаров) и денежного (спрос и предложение денег) секторов экономики, которые, как считается, подчиняются своим собственным закономерностям и не оказывают прямого влияния друг на друга.

В *условиях редкости денег у общества* изменяются *экономические цели*. Если в условиях редкости благ целью замкнутого хозяйства был рост количества доступных распоряжению благ для наиболее полного удовлетворения потребностей, то главной целью участников народного хозяйства при

15. Например, в условиях, когда редкость денег препятствует инвестиционной активности предпринимателей, рост спроса вызывает *рост цен без увеличения объема производства товаров*. Деньги становятся фактором, ограничивающим спрос и предложение. В результате баланс цен устанавливается при существующей редкости благ.

существующей *редкости денег* становится *увеличение денежных доходов*. Для предприятий главной целью становится не рост производства «нужного количества благ», а *рост прибыли*¹⁶, увеличивающей собственный капитал предприятия и рост дивидендов собственников. Для домохозяйств главной целью в условиях редкости денег становится не наиболее полное удовлетворение своих потребностей, а необходимость *увеличения денежных накоплений*, вызванная экономической нестабильностью и неопределенностью, так же как и увеличения запасов этих благ в условиях неопределенности и нестабильности природных условий.

В условиях редкости денег низкая платежеспособность покупателя и нехватка собственного капитала производителя *ограничивают* количество доступных распоряжению благ и *препятствуют* достижению динамического равновесия (формула (7)).

Как было показано выше (пп. Возникновение экономических сил...) редкость благ вызывает присущие человеку *силы*, которые «борются» за *сохранение своей жизни, здоровья и благосостояния*. В случае, если редкость благ возникает в замкнутом хозяйстве, при *взаимодействии человека и природы*, это вызывает *экономические силы*, направленные на борьбу человека с природой, и приводит к росту производства благ. Но если редкость благ возникает в народном хозяйстве при *взаимодействии людей в условиях редкости денег*, то это вызывает *деструктивные социальные силы*, направленные на борьбу между социальными группами за *свои экономические интересы* (например, классовая борьба), в которой *нет победителей*. Редкость денег поляризует общество и приводит к *социальным конфликтам* (например, революции и гражданские войны), а также к другим негативным «побоч-

16. Рост прибыли связан с ростом цен, что обуславливает, например, ежегодно проводимое повышение цен на энергоносители, коммунальные услуги и другие товары, и сокращением затрат, что приводит к снижению заработной платы и использованию дешевых материалов низкого качества.

ным» явлениям, таким как коррупция, бедность, неэтичность и несправедливость экономических отношений.

«Торможение» процесса производства и потребления благ, связанное с редкостью денег, вызвано, с одной стороны, низким денежным доходом, ограничивающим потребление «нужного количества» благ, а с другой — низким собственным капиталом производителя, лимитирующим производство «доступного распоряжению количества благ». В этих условиях человек также испытывает редкость благ, но причиной ее возникновения является уже не «надобность, превышающая доступное распоряжению количество благ» (см. п. Динамическая модель движения благ...), а редкость денег, т. е. «надобность», превышающая доступное распоряжению количество денег. В этом случае возникающие *силы сопротивления*, препятствующие удовлетворению потребностей человека, вызваны *редкостью денег*, которые *ограничивают действие экономических сил* и блокируют механизмы «саморегуляции», вызванные этими силами (см. пп. Возникновение экономических сил...).

Таким образом, сопротивление потреблению благ может возникать не только в результате их *естественных природных ограничений* («редкость благ»), но и в случае ограничений, вызванных *социальными институтами*, которые сдерживают их производство и потребление¹⁷. Если проблемы «редкости благ» решаются естественными науками (использование новых технологий, материалов и энергий), то вопрос «редкости денег» должен быть урегулирован экономической наукой (критический анализ деятельности финансовых институтов).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что естественно-научный метод может быть положен в основание динамической модели объяснения хозяйственного поведения человека,

17. Как отмечает М. Туган-Барановский: «...в современном обществе ценность подпадает под влияние не только естественных, но и социальных препятствий производству (курсив наш. — Д.М., В.К.). Власть человека над человеком оказывает такое же влияние на образование ценности, как и власть над человеком природы» (Туган-Барановский, 2023. С. 345).

связанного с изменением объективных *условий* его жизни. В основе этого метода лежит рассмотренная Менгером *причинная связь между субъективными* чувственными переживаниями «надобности» человека в благах (удовольствия и страдания) и *объективно* измеряемым «количеством благ, доступных распоряжению», допускающая весьма точное исследование¹⁸.

Как показывают проведенные исследования, динамическая модель Менгера позволяет объяснить:

1) возникновение сил «невидимой руки» (классическая школа) и показать *единообразие причин*, которые вызывают силы в естественных и экономических процессах, связанных с «изменением движения» соответственно тел и благ;

2) равновесное состояние экономики (неоклассическая школа) как динамическое равновесие, к которому стремится хозяйственная деятельность;

3) роль денежного фактора в установлении экономического равновесия (кейнсианская и монетаристская школы).

Выполненный анализ показывает, что экономические цели исторически меняются и обусловлены теми силами, которые препятствуют удовлетворению потребностей человека (*естественными силами*, вызванными редкостью благ, и *социальными*, порожденными редкостью денег). В замкнутом хозяйстве в условиях редкости природных благ целью деятельности является «богатство» (изобилие благ), в народном хозяйстве в условиях редкости денег — «прибыль/выгода» (изобилие денег).

Предложенная динамическая модель экономических процессов может быть использована для анализа и решения сложных экономических проблем.

18. Этот метод широко используется в естественных науках для объективной оценки наших субъективных ощущений. Например, связь между ощущением тепла или холода тела и объективно измеряемым объемом этого тела (жидкостные градусники) или между ощущением тяжести или легкости тела и объективно измеряемым растяжением пружины, на которую подвешено это тело (динамометр) и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. (2022). Три источника и три героя маржиналистской революции // Экономическая теория до и после маржиналистской революции / Под ред. В.С. Автономова, А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя. С. 47–73.
2. Бём-Баверк О. (2009). Избранные труды о ценности, проценте и капитале / Пер. с англ. М.: ЭКСМО.
3. Жаффе У. (2015). Менгер, Джевонс и Вальрас: дегомогенизация / Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / Под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина и др. М.: ИД Высшей школы экономики. С. 65–84.
4. Железнов В.Я. (1902). Очерки политической экономии. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина.
5. Кейнс Д.М. (1948). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гос. изд-во иностр. лит.
6. Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки / Пер. с англ. Т. 1. М.: Прогресс.
7. Менгер К. (2005). Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего».
8. Мудрик Д.Г., Ковнир В.Н. (2025). Естественные аспекты маржиналистской революции // Russian Journal of Economics and Law. Vol. 19. No. 1. Pp. 5–20. DOI: 10/21202/2782-2923/2025/1/5–20.
9. Ньютон И. (2008). Математические начала натуральной философии. М.: Изд-во АКИ.
10. Туган-Барановский М. (2023). Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности / Истоки: 150 лет маржиналистской революции / Под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина и др. М.: ИД ВШУ. С. 296–346.
11. Юм Д. (2015). Опыты: О торговле, деньгах, проценте, налогах / Пер. с англ. М.: КД «Либриком».
12. Hardt L. (2017). Economics without laws: Towards a new philosophy of economics. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. DOI:10.1007/978-3-319-54861-6.
13. Streissler E. (1973). To What Extent Was the Austrian School Marginalist? / The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation. Ed. by R.D.C. Black, A.W. Coats, D.W.C. Goodwin. Durham, NC: Duke University Press. Pp. 160–175.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ РАБОТЫ

Ю.А. Плущевская
ИЭ РАН,
Москва

ИЗМЕРЕНИЕ «ДОЛГОГО ВЕКА» НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА: ОПЫТ СОПРЯЖЕНИЯ ТЕОРИИ И ЭМПИРИКИ¹

Согласно теории системных циклов Д. Арриги, текущий мировой экономический кризис сигнализирует о завершении очередного — американского — «долгого века» глобального доминирования и зарождении нового центра мир-экономики. Теория обладает высоким аналитическим и прогнозным потенциалом, но не находит должного признания, в том числе из-за недостаточных эмпирических доказательств. Предпринятый опыт статистического анализа и математического моделирования британского и американского системных циклов подтвердил положения о накоплении капитала как фундаменте «долгих веков», его внутренних пределах и качественно различных фазах. Одновременно уточнено, что системный цикл формируется динамикой финансового капитала, которая подпадает под наблюдение при помощи показателей номинальных доходностей и описывается дифференциальным логистическим уравнением. На основе данных о внешней торговле, политике и денежно-кредитных механизмах выделены периоды национальной и глобальной экспансии капитала страны-лидера. Вместе с тем не удалось верифицировать гипотезы о «системном хаосе», материально-финансовой дихотомии — они требуют дальнейших исследований.

-
1. Автор выражает благодарность участникам V Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики «Экономическая теория и эмпирические исследования: эволюция взаимоотношений» за конструктивное обсуждение.

Введение

Резкое усиление глобальной турбулентности, наблюдаемое с конца XX в., требует научного объяснения. Экономический мейнстрим трактует его как «поликризис», результат стечения совокупности непредвиденных обстоятельств различной природы (см., например (WEF, 2023)). Он носит характер временного отклонения от стационарной траектории; невозможность длительных неравновесных состояний — один из главных постулатов ортодоксии. Ожидается, что по мере затухания шоков, которому способствует контрциклическая политика в национальных экономиках, мировая экономическая динамика стабилизируется. Однако «черные лебеди» все прилетают, прогнозы не сбываются, принимаемые стабилизационные меры оказываются неэффективными.

Иной взгляд на глобальную динамику предлагают гетеродоксальные теории. Так, марксистская политическая экономия обосновывает фундаментальную цикличность развития капиталистической экономики, заданную ее внутренними антагонистическими противоречиями. В эпоху империализма циклы принимают всемирный масштаб, как и их составная часть — кризисы, включая последний. Неошумпетерианство фокусируется на больших волнах научно-технических инноваций и их массовом внедрении в производство, а также на связанных с ними социоинституциональных изменениях. Латиноамериканский структурализм делает акцент на неокOLONIALНЫХ взаимоотношениях между глобальным ядром, состоящим из развитых империалистических держав, и эксплуатируемыми им периферийными экономиками. Мир-системная теория рассматривает эволюцию капитализма как последовательность «жизненных циклов» мировых центров силы, определяющих глобальное развитие. В данной парадигме текущие кризисные процессы знаменуют завершение эпохи доминирования США и переход к формированию нового мирового гегемона и геоэкономической системы (Wallerstein, 2011).

Д. Арриги, яркий представитель мир-системной теории, предлагает концепцию «долгих веков» накопления капитала — череды длительных циклов взлета и упадка систем-гегемонов капиталистической мир-экономики. Выделяются «генуэзский цикл XV — начала XVII века, голландский цикл конца XVI — третьей четверти XVIII века, британский цикл второй половины XVIII — начала XX века и американский цикл, который начался в конце XIX века» (Арриги, 2006. С. 45). Они составляют эволюцию «исторического капитализма как миросистемы» (там же. С. 44).

Теория Д. Арриги, основанная на глубоком знании экономической теории и обобщении обширного исторического материала, несет в себе большой аналитический и прогнозный потенциал. Вместе с тем она носит отпечаток субъективизма в выборе ключевых событий и датировках. Это отчасти обусловлено тем обстоятельством, что системный цикл — многогранное социальное явление, обладающее, помимо экономического, также и политическим, военным, идеологическим, культурным аспектами². Четкие критерии выделения циклов не указаны, что делает периодизацию, как признает сам ученый, «приблизительной и предварительной» (там же. С. 45). Видимо, определенная размытость и вербальный характер являются одними из причин недостаточного признания рассматриваемой парадигмы, помимо общего неприятия ортодоксией гетеродоксальных концепций. Усиление ее позиций нуждается в дополнительной верификации в соответствии с современными требованиями к научной строгости, которые предполагают обращение к статистическим данным и математическому инструментарию.

В качестве первых шагов эмпирической проверке подвергнуты три основных постулата теории, явно сформулированных или неявно подразумеваемых. Это, во-первых, тезис об эволюции капитала как циклообразующем процессе, во-вторых, положение о внутренне обусловленных барьерах

2. Анализ пластов концепции Д. Арриги содержится в (Балацкий, 2018).

возрастания капитала, задающих его специфическую траекторию в цикле, и, в-третьих, гипотеза о качественно различных фазах накопления. В теории указанные пункты тесно переплетены; здесь они разделены для достижения большей точности формулировок, и верификация носит пошаговый характер. Эмпирическая проверка проводилась на доступной статистике по двум системным циклам — британскому и американскому. В качестве инструмента моделирования использовано логистическое уравнение. Дальнейшее изложение построено по схеме «формулировка теоретической гипотезы — эмпирическая проверка на основе данных и/или модели — заключение о возможности не отвергнуть гипотезу, ее уточнение».

Гипотеза 1. О накоплении капитала как экономической основе «долгого века»

Исходная формулировка

Д. Арриги полагает, что «долгий век» страны-гегемона формируется циклом эволюции ее национального капитала, который создает геоэкономическую систему, обслуживающую его интересы. Каждый системный цикл «характеризуется фундаментальным единством основной движущей силы и структуры мировых процессов накопления капитала...» (Арриги, 2006. С. 45).

Капитал понимается на абстрактном уровне, как самовозрастающая стоимость. Между тем для эмпирической проверки необходимо определить, каким статистическим показателем следует представлять данную категорию. И эта задача оказывается весьма нетривиальной.

Эмпирическая проверка

Исходным пунктом анализа Д. Арриги является «общая формула капитала у Маркса: $D-T-D'$ » (там же. С. 43). Как видно, речь идет о движении капитала в денежной, т. е. универсальной, форме. Ею начинаются и завершаются кругоо-

бороты как «промышленного капитала»³, так и капитала, оперирующего на финансовых рынках. В эту империализма денежный капитал предстает как «финансовый капитал, опирающийся на взаимопроникновение промышленных и банковских монополистических группировок, <который> использует формы фиктивного капитала и финансовый рынок как инструменты своего господства» (Колганов, 2019. С. 73). Таким образом, адекватными для анализа будут индикаторы, дающие представление о стоимостных объемах финансового капитала в стране-гегемоне.

Тем не менее данное уточнение все еще недостаточно для того, чтобы определить корректный показатель уровня капитала. Иначе обстоит дело со скоростью его роста. Как показано в работе (Плущевская, 2024) ее измерителями являются номинальные ставки процента или доходности. Информация о них имеется по двум системным циклам — британскому и американскому. В расчетах использовались данные о доходности британской консоли (Английского консолидированного аннуитета), основного инструмента финансирования государственного долга Британии в XVIII—XIX вв., и государственных облигаций США в XX — начале XXI в. Выбор именно этих показателей обусловлен длиной временного ряда. Он не повлияет на выводы на качественном уровне, поскольку доходности по различным финансовым инструментам, различаясь в уровнях, в долгосрочном плане движутся сонаправленно (рис. 1).

Вышеуказанные доходности представлены черными сплошными линиями на рис. 2 (в Великобритании) и рис. 3 (в США). Они движутся по колоколообразной траектории, характерной для полных «жизненных циклов» процессов (Плущевская, 2024). В случае Великобритании «колокол» занимает временной промежуток с 1740-х гг. по 1860-е гг., США — с 1940-х гг. по 2020-е гг. Сопоставление с датировками

3. В терминологии К. Маркса, в современном понимании — это капитал, занятый в производстве, распределении, перераспределении и использовании ВВП.

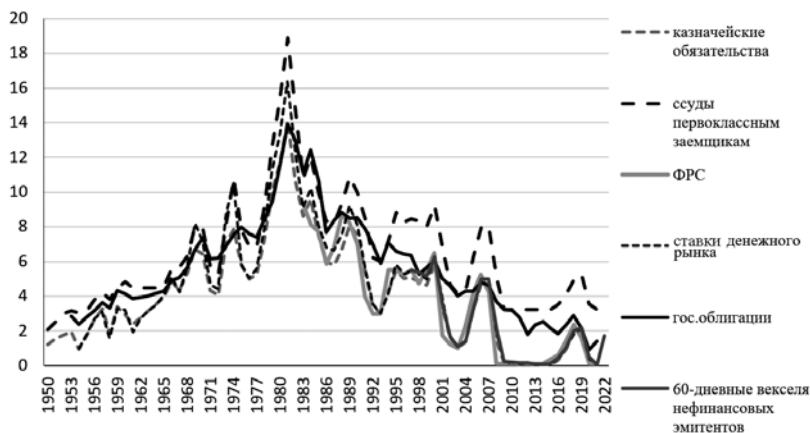
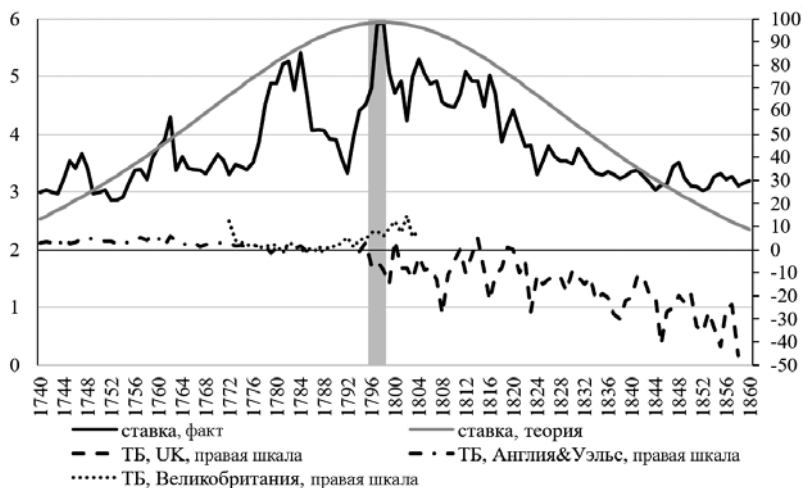

Рис. 1. Номинальные ставки процента по инструментам
долл. США (% годовых)

Источники: Federal Reserve Economic Data, International Financial Statistics.

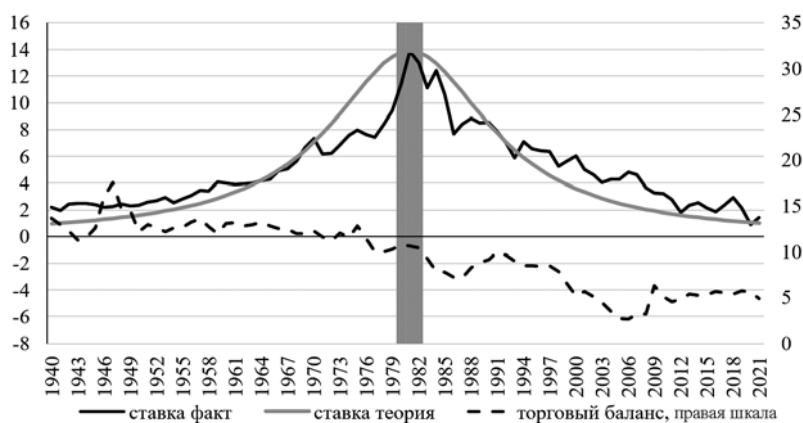

Примечание: ЦК — в исторических границах Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Вертикальный столбец — пик волны.

Рис. 2. Процентная ставка (% годовых) и сальдо торгового баланса,
ТБ (млн фунтов стерлингов) в британском цикле накопления
капитала

Источники: (Homer, Sylla, 2005; Mitchell, 1988, 1992); расчеты автора.

Д. Арриги, приведенными выше, показывает, что циклы доходностей полностью вписываются в соответствующие «долгие века», а максимумы приходятся примерно на середины последних. Таким образом, периодизации «колоколов» доходностей и системных циклов хорошо соотносятся друг с другом.

Примечание: вертикальный столбец — пик волны.

Рис. 3. Процентная ставка (% годовых) и сальдо торгового баланса (% к ВВП) в американском цикле накопления капитала

Источники: (Homer, Sylla, 2005; International Financial Statistics); расчеты автора.

Заключение о гипотезе, уточнение

Совпадение «жизненных циклов» доходностей по инструментам, номинированным в фунтах стерлингов и долларах США, с одной стороны, и датировок британского и американского циклов накопления капитала — с другой, вряд ли можно считать случайным. Оно позволяет не отвергнуть гипотезу о корректности анализа экономической стороны «долгих веков» на основе индикаторов скорости роста капитала и, следовательно, о роли эволюции последнего как циклообразующего процесса. Кроме того, релевантность номинальных показателей дает основание уточнить содержание абстрактной категории «капитал», определив его конкретную форму как финансовую.

Гипотеза 2. О фазах накопления капитала

Исходная формулировка

По Д. Арриги, каждый из системных циклов состоит из двух фаз с качественно различной динамикой капитала. В первой из них она описывается S-образной кривой Ферхюльста⁴: поначалу наблюдается ускоренное (близкое к экспоненциальному) возрастание стоимости, которое сменяется затуханием, поскольку «всякий рост торговли и производства содержит в себе тенденцию к снижению нормы прибыли и, следовательно, к подрыву своей главной основы...» (Арриги, 2006. С. 290).

Следующая фаза состоит из периодов «прерывистого развития, в течение которых ... капиталистическая мировая экономика вследствие радикальной реструктуризации и реорганизации «переходит» на другое направление» (там же. С. 48). Это «хаос» и «системный хаос», которые «... относятся к ситуации общего и явно невосполнимого отсутствия организации» (там же. С. 72). В эту турбулентную эпоху зарождается новый центр мир-экономики и формируются черты будущего мироустройства.

Последовательность «долгих веков» можно представить в виде цепочки «гегемония — экспансия — системный хаос — новая гегемония» (Arrighi, Silver, 1999. Р. 34). Для наглядности Д. Арриги приводит рисунки, на которых первую фазу системного цикла представляет логистическая кривая, а вторую — волатильная динамика (Арриги, 2006. С. 294–306).

Опыт моделирования такой траектории эволюции капитала в «долгом веке» содержится в работе (Galanis et al., 2022). Инструментом выбрано логистическое отображение, позволяющее задать переход от устойчивой логистической траектории к хаотической в зависимости от бифуркационного параметра, значение которого меняется по мере при-

4. Логистическая кривая задается уравнением, предложенным П. Ферхюльстом применительно к численности биологической популяции и затем нашедшим широкое применение в других науках (см., например (Трубецков, 2018)).

ближения объема капитала к предельному значению. Однако предложенная модель не была верифицирована; предположения о том, какую статистику можно было бы применить для решения этой задачи, отсутствуют.

Между тем, как видно на рис. 2, 3, номинальные доходности (а значит, и объемы капитала) не демонстрируют повышенной волатильности в начале и конце анализируемых системных циклов. Тем не менее колоколообразная форма траекторий доходностей (с вершиной, отчетливо выраженными восходящей и нисходящими ветвями) позволяет не исключать гипотезу о качественно различающихся между собой периодах в накоплении капитала. Такую форму кривой дает дифференциальное логистическое уравнение. Если оно будет хорошо аппроксимировать долгосрочную динамику номинальных доходностей, то из этого будет следовать, что интегральный показатель — финансовый капитал — возрастает по S-образной траектории.

Эмпирическая проверка

Для расчета обратимся к версии дифференциального логистического уравнения, изначально предложенной С.П. Капицей для анализа динамики численности населения Земли. В дальнейшем она нашла применение в решении широкого круга задач: при моделировании эволюции других природных макросистем, в технике (*Мирзаджанзаде и др.*, 2004). Ее отличие от «классической» формулировки заключается в добавлении «особого времени» τ , которое позволяет избежать проблемы взрывного роста в «особой точке» дифференциального логистического уравнения (когда знаменатель обращается в ноль). В указанной формулировке уравнение динамики номинальной доходности s_t имеет следующий вид (*Плущевская, 2024*):

$$s_t = s_{\max} \frac{\tau^2}{(T_{\max} - t)^2 + \tau^2}, \quad (1)$$

где s_{\max} — максимальное значение доходности в точке T_{\max} ; t — время; τ — «особое время», добавка С.П. Капицы.

Максимум номинальной доходности s_{\max} в точке T_{\max} дан наблюдениями. Значение параметра τ , определяющее крутизну восходящей и нисходящей дуг «колокола», определялось эмпирически, исходя из критерия наилучшей аппроксимации.

Теоретические кривые доходностей в британском и американском «вековых» циклах представлены на рис. 2, 3 сплошными серыми линиями. Они воспроизводят наблюдаемую динамику доходностей с высокой точностью: коэффициент выборочной парной корреляции между расчетной и фактическими траекториями доходности в случае Великобритании составляет 0,80, США — 0,94 (Плуцевская, 2024).

Заключение о гипотезе, уточнение

Итак, дифференциальное логистическое уравнение удовлетворительно аппроксимирует скорость роста финансового капитала в течение системного цикла накопления. Следовательно, не отвергается гипотеза, что интегральный показатель — уровень финансового капитала — возрастает в цикле по логистической кривой. Такой процесс «роста с насыщением» формируется фундаментальными законами эволюции капиталистической экономики, принятыми в мир-системной парадигме и восходящими к марксизму, согласно которым накопление капитала имеет внутренне обусловленные пределы.

Хотя хаотическая фаза в накоплении финансового капитала не обнаруживается, колоколообразная траектория скорости его роста свидетельствует о двух его качественно различных периодах, содержание которых предстоит уточнить⁵.

5. Строго говоря, Д. Арриги, указав, что в эпоху материальной экспансии капитал растет по логистической траектории, выделил три фазы в системном цикле. Две из них относятся к материальной эпохе и одна — к финансовой.

Гипотеза 3. О содержании фаз цикла накопления капитала

Исходная формулировка

Д. Арриги определял первую фазу системного цикла как эпоху материальной экспансии капитала страны-центра мир-экономики. В этот период «денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы» (Арриги, 2006. С. 44). Вначале экономический рост, опирающийся на промышленность и торговлю, ускоряется, но затем действие внутренних противоречий приводит к его торможению. Поиск новых способов повышения нормы и массы прибавочной стоимости приводит к фазе, когда экспансия капитала «осуществляется посредством финансовых сделок» (там же). Данная часть цикла — финальная, «на всем протяжении капиталистической эпохи финансовые экспансии свидетельствовали о переходе от одного режима накопления в мировом масштабе к другому» (там же. С. 34). Действующий гегемон утрачивает мощь, а созданная им мир-система — устойчивость. Так, с конца XX в. «происходит разрушение структур ставшего теперь «старым» американского режима и, возможно, создание структур «нового» режима» (там же).

Однако эмпирической проверкой установлено, что весь «долгий век» формируется динамикой финансового капитала как всеобщей формы капитальной стоимости. Это ставит вопрос о корректности «материально-финансовой» дихотомии. В ее основе лежит неявно принятый Д. Арриги «секторальный» критерий, в соответствии с которым цикл де-факто разделен на фазы по доминирующему вкладу видов деятельности в повышение нормы и массы прибыли: в фазе материальной экспансии главный импульс задают промышленность и торговля, на следующем этапе — финансовый сектор экономики. Необходимо дополнительно проверить адекватность указанного критерия.

Эмпирическая проверка

Пожалуй, все главные направления экономической мысли, ортодоксальные и гетеродоксальные, сходятся в том, что материальной основой развития производительных сил, в том числе в эпоху капитализма, является внедрение достижений научно-технического прогресса. Первая фаза британского цикла накопления капитала, начавшаяся во второй половине XVIII в., опиралась на достижения первой промышленной революции, важнейшими из которых были переход от мануфактур к фабрикам, изобретение и массовое распространение тепловых машин. С точки зрения институциональных механизмов условия для бурного роста национальной промышленности были созданы жестким протекционизмом. Как указывает В. Соколов, практически до середины XIX в. страна, «опережая по конкурентоспособности другие страны, оставалась одним из наиболее протекционистских государств Европы» в значительной мере благодаря чему экономика с «... высокоразвитой промышленностью, работавшей на собственной сырьевой базе, ... превратилась <также и> ... в глобальный центр переработки сырья, поступавшего из ... разных частей света» (Соколов, 2012. С. 53–54).

Во второй половине XVIII в., рост внутреннего предложения в Великобритании и объемы экспорта устойчиво превышали импорт. Сальдо торгового баланса показано прерывистыми линиями на рис. 2.

В 1830–1840-е гг. состоялся переход к фритредерству. «Важно подчеркнуть, что он произошел ... в условиях уже достигнутой высокой конкурентоспособности» (там же. С. 53). Роль Великобритании как мирового экономического лидера обеспечила фунту стерлингов статус мировых денег, а стране — положение крупнейшего глобального заемщика. Как указывает авторитетный специалист в области мировой экономики П.Х. Линдерт, «страна ключевой валюты действует как обыкновенный банк, который имеет всегда больше денежных обязательств, чем резервных активов» (цит. по: (Соколов, 2012. С. 113)).

Со второй четверти XIX в. сальдо торгового баланса Соединенного Королевства становится устойчиво отрицательным (рис. 2). Страна «... заняла в мировой экономике место, которому не только не угрожало превышение импорта над экспортом, но которое прямо предполагало такое превышение. Хронический торговый дефицит был закономерен в условиях, когда фунт стерлингов стал основной валютой международных расчетов ... В отличие от эпохи металлического обращения ... <он> свидетельствует уже не об оттоке богатства из страны, а наоборот — о наличии условий для его воспроизводства» (там же. С. 112).

В США цикл накопления также начался с рывка производительности труда и конкурентоспособности экономики, который обеспечивался притоком дешевой рабочей силы, переходом на передовые конвейерные технологии, масштабной электрификацией и созданием мощной энергетической базы, развитием транспорта и связи. Росту национальной экономики способствовала, как в аналогичную эпоху в Великобритании, «изоляционистская позиция» (Арриги, 2006. С. 352). И, как и в первой половине британского «долгого века», торговый баланс США находится в положительной области (прерывистая линия на рис. 3).

Объемы импорта превысили экспорт в 1970-х гг. К этому времени Бреттон-Вудскими соглашениями доллар США уже признан резервной валютой, а во второй половине 1970-х гг. Ямайская валютная система окончательно оформила отмену его привязки к золоту. Ключевым источником дальнейшего развития американской экономики (как британской — во второй фазе ее системного цикла) становится глобальная экспансия американского капитала на основе превращения доллара США в мировые кредитные деньги (Плущевская, 2024).

Заключение о гипотезе, уточнение

Итак, эмпирические данные свидетельствуют в пользу корректности выделения в «долгом веке» двух качественно различных фаз, но указывают на необходимость уточнения их содержания. Д. Арриги определяет их как эпохи материальной и финансовой экспансии, подразумевая доминирующую роль производства и торговли в первой из них и финансового сектора — во второй. Однако проведенный количественный анализ свидетельствует скорее в пользу «экономико-географического» критерия периодизации «долгих веков». В первой фазе капитал страны-лидера сосредоточен на внедрении достижений научно-технического прогресса в национальной экономике; периферийные экономики используются в качестве источника сырья и промежуточной продукции, а также рынка сбыта. Предложение растет быстрее внутреннего спроса, а объемы экспорта превышают импорт.

По достижении и закреплении мирового экономического лидерства США, как и Великобритания в середине XIX в., провозглашают политику фритредерства. И, как и во второй фазе британского цикла, главная роль в формировании платежного баланса переходит к финансовым операциям. Торговое сальдо становится результатом того, как складывается финансовый счет, а не наоборот; импорт, обеспечиваемый эмиссией резервной валюты, начинает значительно превышать объемы экспорта (там же).

В этой фазе операции на мировом финансовом рынке превращаются в основной инструмент наращивания капитала страны-гегемона, что и фиксирует Д. Арриги, говоря о финансовой экспансии. На деле же, «с точки зрения марксистского подхода прибыль по-прежнему создается только в производстве товаров и услуг, но присваивается теперь главным образом через манипулирование финансовыми инструментами» (Колганов, 2019. С. 73–74). Страна абсорбирует стоимость, создаваемую во всем мире, в обмен на долговые обязательства, номинированные в национальной валюте.

Следует подчеркнуть, что предложенное деление экспансии капитала в «долгом веке» на «национальную» и «глобальную» не противоречит взглядам Д. Арриги. Оно лишь делает акцент на пространственных аспектах движения капитала, значимость которых задана исходными постулатами мир-системной парадигмы. Более того, поскольку в первой фазе главным источником экономического роста являются прорывные производственные инновации, ее можно охарактеризовать и как материальную. Во второй фазе глобальная экспансия капитала страны-лидера, основанная на механизме мировых кредитных денег, предполагает взлет финансовых рынков, и в этом качестве она выступает как финансовая.

Заключение

Итак, сопряжение теории системных циклов накопления и эмпирики дало следующие результаты. Сопоставление траекторий номинальных доходностей государственных обязательств Великобритании и США и датировок британского и американского «вековых» системных циклов позволило не отвергнуть гипотезу Д. Арриги, что экономический фундамент «долгих веков» формируется эволюцией капитала в странах — центрах мир-экономики. Одновременно установлено, что абстрактная категория «капитал» принимает в цикле форму финансового капитала. Подтверждено, что накопление капитала по траектории «роста с насыщением» задано его внутренними противоречиями. При этом выявлено, что S-образная кривая «роста с насыщением» описывает динамику капитала в течение всего цикла, а не только в его первой фазе. Доказательством явилась адекватная аппроксимация дифференциальным логистическим уравнением наблюдаемой скорости роста финансового капитала, измеренной при помощи показателей номинальных доходностей.

Тем не менее колоколообразная форма траекторий фактических временных рядов номинальных доходностей в британском и американском системных циклах подтверждает предположение Д. Арриги о двух качественно различных

фазах накопления капитала в «долгом веке». При этом эмпирические данные указывают на необходимость уточнения исходного «секторального» критерия их выделения, согласно которому цикл состоит из эпох материальной (торгово-промышленной) и финансовой экспансии. Анализ основных параметров внешней экономической деятельности и функций национальных валют в Великобритании и США дает основание заключить, что главным содержанием первой фазы является накопление капитала в территориальных границах страны-лидера мир-системы, тогда как второй — его глобальная экспансия. В действительности данное «экономико-географическое» деление не противоречит, а дополняет исходную «материальную-финансовую» дихотомию: в первой фазе возрастание капитала происходит на материальном базисе внедрения в национальную промышленность революционных технологических инноваций, в во второй фазе оно опирается на механизм мировых кредитных денег.

Вместе с тем опыт сопряжения теории и эмпирики поставил вопросы о природе, способе измерения и описания как турбулентных процессов, так и финансовых и материальных аспектов накопления капитала. Их решение требует дальнейших исследований, предполагающих формулировку теоретических гипотез и их эмпирическую проверку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арриги Д. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
2. Балацкий Е.В. (2018). Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // *Terra Economicus*. Т. 16. №1. С. 37–55. DOI: 10.23683/2073–6606-2018-16-1-37-55.
3. Колганов А.И. (2019). Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // *Вопросы экономики*. №8. С. 67–84. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-67-84.
4. Мирзаджанзаде А.Х., Хасанов М.М., Бахтизин Р.Н. (2004). Моделирование процессов нефтегазодобычи: нелинейность, неравновесность, неопределенность. Москва; Ижевск: Институт компьютерных исследований.

5. Плущевская Ю.А. (2024). Модель «векового» цикла накопления финансового капитала // Экономика и математические методы. Т. 3. № 3. С. 30–42.
6. Соколов В. (2012). Британская империя как геоэкономическая система. М.: Экономика.
7. Трубецков Д.И. (2018). Введение в синергетику: Хаос и структуры. М.: Либроком.
8. Arrighi G., Silver B.J. (1999). Chaos and governance in the modern world system. Minneapolis, MN: U of Minnesota Press.
9. Galanis G., Koutny C., Weber I. (2022). Systemic Cycles of Accumulation and Chaos in the World Capitalist System: A Missing Link // University of Massachusetts Amherst, Economics Department Working Paper Series, 321. DOI: 10.7275/h4hg-e505.
10. Homer S., Sylla R. (2005). A History of Interest Rates. New Jersey: Wiley.
11. Mitchell B.R. (1988). British Historical Statistics. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Mitchell B.R. (1992). International Historical Statistics: Europe 1750–1988. New York: Stockton Press.
13. Wallerstein I. (2011). Structural crisis in the world-system. Where do we go from here? // Monthly Review. March 01. <https://monthlyreview.org/2011/03/01/structural-crisis-in-the-world-system>
14. World Economic Forum (WEF) (2023). The Global Risks Report. 18th Edition. <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023/digest>

М.А. Канева
ИЭОПП СО РАН,
Новосибирск

М.Р. Зафаржонова
ИЭОПП СО РАН, НГУ,
Новосибирск

ВЛИЯНИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА НА САМООЦЕНКУ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ (2015–2022 гг.)¹

В данной работе исследуется влияние трудоустройства на самооценку здоровья в России в период 2015–2022 гг. Взаимосвязь между занятостью и здоровьем изучается в рамках метода разности разностей (Difference-in-Differences, DID), что позволяет исключить эффект самоотбора и выявить причинно-следственные связи. Анализ основан на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ).

Результаты исследования показывают, что трудоустройство оказывает положительное влияние на самооценку здоровья. Статистически значимые эффекты выявлены в трех временных периодах, в двух из них подтвердилась гипотеза о параллельности трендов. Однако анализ не позволяет однозначно подтвердить или опровергнуть предполагаемое негативное влияние безработицы на состояние здоровья населения, что указывает на необходимость дальнейших исследований.

В расширенной модели были выявлены значимые связи между самооценкой здоровья и социально-демографическими характеристиками: индивиды с более высоким уровнем образования оценивают свое здоровье выше, а развод, напротив, связан с его снижением. Полученные выводы могут использоваться при разработке политики, направленной на стимулирование занятости, особенно среди уязвимых групп населения.

1. Работы выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00119).

Введение

В литературе широко изучается связь между статусом на рынке труда и состоянием здоровья индивида. Выделяются два типа причинно-следственной связи — прямая и обратная. Прямая связь, также называемая в литературе «социальной причинностью», рассматривает влияние статуса занятости на физическое и психическое здоровье. Предполагается, что занятость улучшает состояние здоровья за счет финансовых и нефинансовых вознаграждений (например, социальной поддержки, признания и т. д.). Обратная взаимосвязь подразумевает влияние здоровья на занятость. Эта взаимосвязь объясняется гипотезой (само)отбора, согласно которой состояние здоровья может быть значимым фактором потери работы и затруднений при восстановлении занятости (Bartley, 1988; Фурманов, Чернышева, 2012). В качестве третьей формы этой связи выделяется еще косвенный отбор: существуют общие факторы, обуславливающие плохое здоровье и безработицу (например, образование) (Bartley et al., 2006; Krug, Eberl, 2018).

Важно учитывать, что прямая и обратная взаимосвязь не являются взаимоисключающими (Krug, Eberl, 2018). Каждый из этих отдельных типов влияет друг на друга, способствуя их усилению (Bartley, 1988).

Таким образом, становится важной задачей оценить влияние каждого направления причинно-следственной взаимосвязи изолированно. Большинство эмпирических работ в этой области было проведено с использованием анализа кросс-секционных данных, который не позволяет разграничить эти воздействия. Коэффициент, оцениваемый в таких работах, отражает эффекты прямой и обратной взаимосвязи в совокупности.

Эффект (само)отбора можно устранить, используя анализ на основе лонгитюдных моделей. В качестве методов, широко используемых зарубежными авторами, можно выделить модели с применением лагов показателя здоровья (Johansson et al., 2020) и модели самоотбора Хекмана

(Меркурьева, 2004), метод инструментальных переменных (Gathergood, 2013) или обобщенный метод моментов (GMM) (Arellano and Bond, 1991; Krug and Eberl, 2018).

Существуют также различные квазиэкспериментальные методы, при которых оценки проводятся с формированием экспериментальной и контрольной групп (групп сравнения). Например, такие методы, как мэтчинг на основе меры склонности (propensity score matching) (Böckerman and Ilmakunnas, 2009; Ronchetti and Terriau, 2019; Канева и Моисеенко, 2024) и разность разностей (difference-in-difference, DID) (Gebel and Voßemer, 2014), широко используются для оценки причинно-следственной связи между здоровьем и занятостью.

В рамках данной работы оценивается влияние занятости на состояние здоровья индивидов с использованием метода DID. Были сформулированы и проверены две гипотезы:

- H1. Изменение статуса на безработного приведет к ухудшению здоровья;
- H2. Трудоустройство положительно повлияет на здоровье индивидов.

Методология

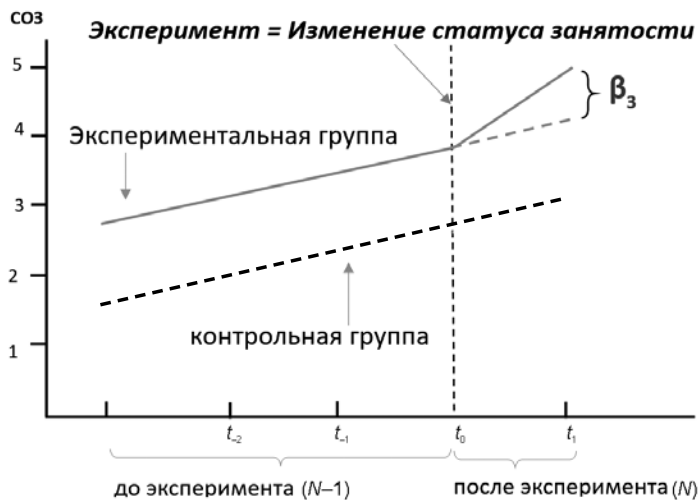
Метод DID предполагает сравнение двух периодов времени (до и после эксперимента) и двух групп (экспериментальной и контрольной). В нашем случае эксперимент (на английском используется термин «treatment», на русском также — «воздействие») — это изменение статуса занятости (с занятости на безработицу или наоборот). Экспериментальная группа состоит из тех, кто действительно испытал изменение статуса занятости в исследуемый период.

При проверке первой гипотезы в экспериментальную группу были включены лица, которые относились к занятым или экономически неактивным в течение $N-1$ лет, а затем перешли в статус безработных в году N . В контрольную группу включены индивиды, которые за анализируемый период N лет ни разу не получали статус безработного. А при проверке второй гипотезы в экспериментальную группу вошли

люди, которые не работали в течение $N-1$ лет (находящиеся в статусе безработного или экономически неактивного населения) и были трудоустроены в году N . Контрольную группу составляли люди, которые никогда не работали в течение анализируемого периода N лет.

Первым шагом в DID является расчет изменения показателя самооценки здоровья (по шкале от 1 — очень плохое до 5 — очень хорошее здоровье) во времени — до и после эксперимента (на рис. 1 между годами $N-1$ и N) — для каждой группы — экспериментальной и контрольной (сплошная линия показывает средний показатель самооценки здоровья для экспериментальной группы, а пунктирная — контрольной группы). Затем вычисляется разница между этими изменениями в каждой из групп. Таким образом мы вычисляем разность разностей (см. рис. 1).

Метод DID основан на простом по формулировке, но существенном по смыслу предположении о параллельности трендов (*Valentelyte et al.*, 2021), которое означает, что показа-

Примечание: ось Y — самооценка здоровья (от 1 — очень плохое до 5 — очень хорошее здоровье).

Рис. 1. Метод разности разностей для расчета изменения самооценки здоровья в результате перемены статуса занятости

тели результатов в контрольной и экспериментальной группах развивались бы одинаково в отсутствие воздействия (*Angrist, Pischke, 2015. Р. 202; Zeldow and Hatfield, 2021*). Это позволяет вычислить вторую разницу в методе DID. Предположение о параллельности тренда проверяется графически.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в нашем случае результатом является показатель здоровья индивида, а именно — самооценка здоровья. Таким образом, данный показатель учитывает не только физическое здоровье, но в определенной степени и психическое.

Разность разностей для двух периодов можно рассчитать с помощью МНК-регрессии, представленной ниже:

$$SHR_{it} = \beta_0 + \beta_1 Treated_i + \beta_2 Post_t + \beta_3 Treated_i * Post_t + \beta_4 Controls_{it} + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

где i — индекс индивида, t — период, SRH — самооценка здоровья человека. $Treated$ — фиктивная переменная, которая принимает значение 1 для экспериментальной группы (люди, у которых произошло изменение статуса занятости) и 0 для контрольной группы (те, у кого не произошло этого изменения), $Post$ — фиктивная переменная времени, равная 1 для периода после изменения статуса занятости и 0 для периода до изменения статуса занятости, $Treated*Post$ — взаимодействие между периодом и группой. Эта переменная взаимодействия является ключевой, так как отражает эффект воздействия на экспериментальную группу: она принимает значение 1 только для данной группы в период «после воздействия» (т. е. смены статуса на рынке труда). Базовая регрессия модели включает три основные переменные — $Treated$, $Post$ и их взаимодействие $Treated*Post$, а в расширенной версии добавляется вектор контрольных переменных $Controls$, которые могут влиять на здоровье. В частности, в нашей расширенной модели учитываются пол, возраст, семейное положение, уровень образования и место проживания (город или региональный центр).

Данные и построение выборки

В исследовании использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ (РМЭЗ), негосударственного лонгитюдного обследования домохозяйств за период 2015–2022 гг. Выборка была ограничена взрослым работающим населением — лицами старше 18 и моложе 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Подробнее о данных РМЭЗ можно прочитать в работе (Kozyreva *et al.*, 2016).

Как уже было сказано выше, переменная самооценки здоровья основана на ответах индивидов на вопрос «Как бы Вы оценили свое здоровье сегодня?» и является категориальной, в диапазоне от 1 до 5, где 1 соответствует «очень плохому здоровью», а 5 — «очень хорошему здоровью». Несмотря на то, что самооценка здоровья является субъективной, с 1996 г. она признана официальным индикатором ВОЗ (Канева и др., 2016).

Дамми переменная «безработный» была построена на основе вопроса J90 «основное занятие». Она равнялась 1, если человек отвечал «да» на утверждение «временно не работаю по другим причинам и ищу работу». Мы также создали переменные «работаю», «на пенсии» и «вне рабочей силы (экономически неактивен)». Последняя категория включает лиц, осуществляющих уход, студентов и безработных по состоянию здоровья. Если человек соглашался с утверждением «временно не работаю по другим причинам и не ищу работу», он также считался экономически неактивным.

Изначально из выборки были исключены экономически неактивные и пенсионеры, однако это привело к слишком малому количеству респондентов в экспериментальной группе (от 0 до 10 респондентов в различных сочетаниях лет). Для обеспечения достаточного количества респондентов в выборку были включены работающие лица, безработные, неработающие и не ищущие работу, пенсионеры, студенты и домохозяйки.

Результаты

Проверка обеих гипотез с использованием метода DID проводилась в течение шести различных временных периодов: 2015–2022, 2018–2022, 2019–2022, 2015–2021, 2016–2021 и 2017–2021 гг.

При проверке гипотезы 1 полученные результаты оказались статистически незначимыми. Это может быть связано с расширением выборки за счет добавления таких категорий, как пенсионеры и студенты, которые, как правило, исключаются. Однако количество респондентов не позволило нам их исключить. Также по количеству респондентов контрольная и экспериментальная группы существенно различались в пользу первой. Следовательно, наш анализ, проведенный для России, не подтверждает и не опровергает отрицательное влияние безработицы на здравоохранение.

При проверке гипотезы 2 получены статистически значимые результаты за три периода времени, в которые не входит 2022 г. (2015–2021, 2016–2021, 2017–2021). Результаты расчетов представлены в табл. 1. Также для иллюстрации расчетов в табл. 2 приводится расширенная модель для 2016–2021 гг.

Таблица 1. Оценка влияния занятости на здоровье

Период	Количество респондентов		Оценки эффекта воздействия	
	экспериментальная группа	контрольная группа	базовая регрессия	расширенная регрессия
2015–2021	91	406	0,188* (0,101)	0,183** (0,093)
2016–2021	122	538	0,163* (0,084)	0,159** (0,079)
2017–2021	162	708	0,151** (0,071)	0,145** (0,068)

* – $p < 0,10$, ** $p < 0,05$.

Источник: расчеты авторов.

Таблица 2. Расширенная эконометрическая модель для расчета влияния занятости на самооценку здоровья методом DID в 2016–2021 гг.

Переменная	Коэффициент	SD
<i>Treated</i>	0,236***	(0,029)
<i>Post</i>	0,083**	(0,030)
<i>Post*Treated</i>	0,159**	(0,068)
Пол	–0,120***	(0,025)
Возраст	–0,045***	(0,007)
Квадрат возраста	0,025**	(0,010)
Разведен	–0,502***	(0,052)
Холост	–0,163***	(0,033)
Вдовец	–0,163**	(0,080)
Неполное среднее образование	0,393***	(0,115)
Среднее образование	0,576***	(0,114)
Профессиональное образование	0,564***	(0,115)
Высшее образование	0,661***	(0,116)
Город с населением свыше 300 тыс. чел.	–0,314***	(0,023)
Константа	4,204***	(0,178)
<i>N</i>	4 306	
<i>R</i> -квадрат	0,235	

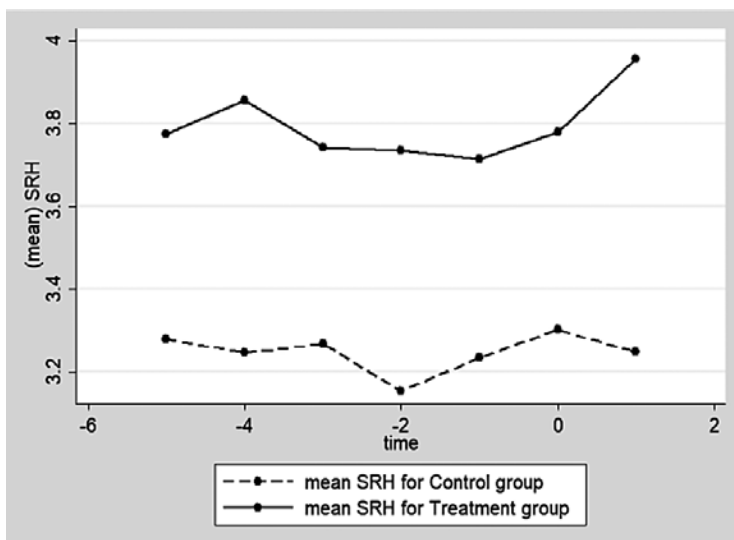
* – $p < 0,10$, ** $p < 0,05$, $p < 0,01$.

Источник: расчеты авторов.

Графики для каждого из трех периодов для проверки гипотезы о параллельности трендов представлены на рис. 2–4.

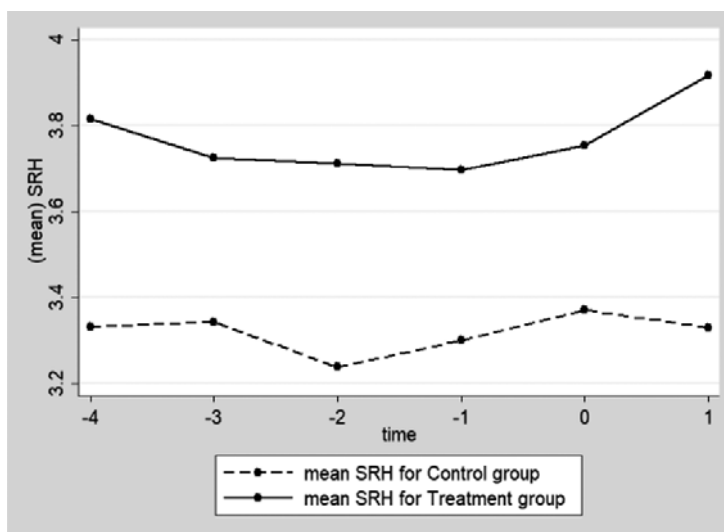
Расчеты для трех периодов, которые включали годы до 2021 г., оказались статистически значимыми, подтверждая гипотезу 2 – трудоустройство положительно влияет на здоровье. Коэффициенты варьировались от 0,145 до 0,188.

Рассмотрим результаты детально по отдельным периодам. Первый период охватывает 2015–2021 гг. Согласно результатам базовой регрессии, влияние трудоустройства на здоровье составило 0,188, и данный коэффициент был статистически значим. В расширенной модели были добавлены контрольные переменные, такие как пол, возраст, квадрат возраста, семейное положение, уровень образования и место

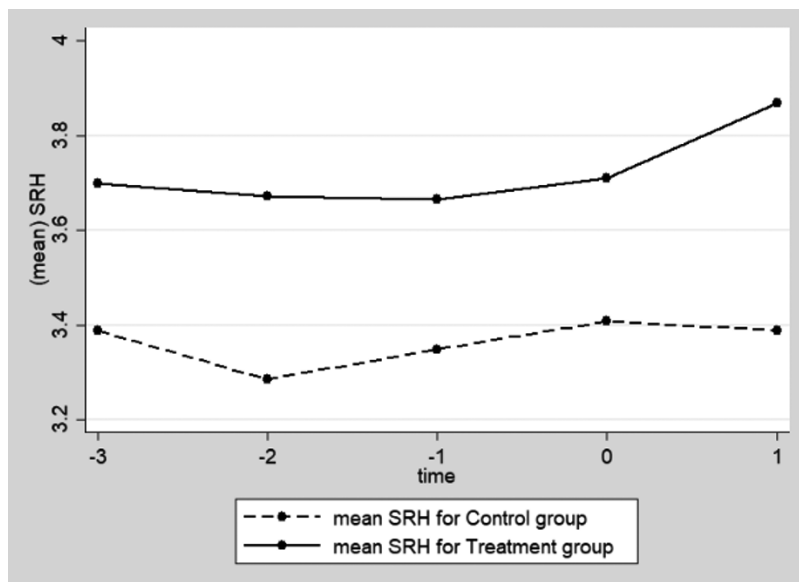
Примечание: средняя самооценка здоровья — по шкале Y ; период времени t — по шкале X .

Рис. 2. Проверка гипотезы о параллельности трендов для периода 2015–2021 гг.

Примечание: средняя самооценка здоровья — по шкале Y ; период времени t — по шкале X .

Рис. 3. Проверка гипотезы о параллельности трендов для периода 2016–2021 гг.

Примечание: средняя самооценка здоровья — по шкале Y; период времени t — по шкале X.

Рис. 4. Проверка гипотезы о параллельности трендов для периода 2017–2021 гг.

жительства. Наибольшее положительное влияние на здоровье среди всех факторов оказал уровень высшего образования. Однако график, представленный на рис. 2, продемонстрировал, что предположение о параллельности трендов выполнено не было.

Следующий период охватывает 2016–2021 гг. В этом случае предположение о параллельности трендов выполняется. Влияние перехода в статус занятого на здоровье составляет 0,163 в базовой регрессии и 0,159 в расширенной модели, где были добавлены контрольные переменные; оба коэффициента были статически значимыми. В расширенной модели (табл. 2) возраст связан с более низким уровнем здоровья для этой экспериментальной группы. Женатые люди обладают лучшим здоровьем, чем те, кто не состоит в браке, разведены или овдовели. Мы также наблюдаем градиент образования в здоровье: достижение более высокого уровня

образования соответствует более высокому уровню здоровья. Наконец, проживание в большом городе ухудшает самооценку здоровья.

И последний период охватывает 2017–2021 гг. Предположение о параллельности трендов также выполняется. Влияние трудоустройства на здоровье в базовой и расширенной регрессиях составляет примерно 0,15. При этом влияние других факторов остается стабильным и близким к результатам расчетов других периодов.

Улучшение самооценки среди работающих связано с лучшим настроением, оптимизмом и психическим здоровьем, что приводит к более высоким оценкам физического здоровья. В качестве направления дальнейших исследований авторы планируют оценить влияние статуса на рынке труда на переменную «психическое здоровье», прокси которой в РМЭЗ является дамми переменная депрессии или нервного срыва за последние 12 месяцев.

Обсуждение и выводы

Результаты исследования показывают, что трудоустройство положительно влияет на здоровье людей. Данные оценки получены методом разности разностей и исключают обратное влияние здоровья на занятость. Занятость приносит стабильный поток дохода, часть которого можно потратить на поддержание здорового образа жизни посредством улучшения питания и регулярных упражнений. Кроме того, занятость является источником скрытых функций (*Jahoda*, 1982), которые обеспечивают структуру времени и социальный статус, положительно влияя на самооценку здоровья.

Полученные результаты могут служить основой для разработки политики, направленной на повышение занятости и улучшение условий труда, что, в свою очередь, способствует укреплению здоровья населения.

Основные инициативы в области занятости связаны с созданием и модернизацией центров занятости населения, повышением мобильности трудовых ресурсов, дополнитель-

ным профессиональным обучением и развитием навыков, созданием условий для формирования культуры безопасного труда. Создание и модернизация центров занятости населения предусматривают развитие инфраструктуры для эффективного содействия занятости, что должно повысить доступность и качество услуг, оказываемых гражданам. Повышение мобильности трудовых ресурсов способствует оптимизации распределения рабочей силы по регионам страны, что особенно актуально для территорий с дефицитом или избытком данных ресурсов. Дополнительное профессиональное обучение и развитие навыков позволяет повысить квалификации работников для адаптации к требованиям современного рынка труда, что особенно важно в условиях технологических изменений. Наконец, создание условий для формирования культуры безопасного труда означает разработку и реализацию мер, направленных на ее повышение, снижение травматизма и укрепление здоровья работников.

Активное содействие трудоустройству всех групп населения позволяет косвенно укреплять здоровье работников. В мировой практике особое внимание уделяется уязвимым группам, которым особенно сложно найти работу. К ним относится молодежь, и в мировой практике большое внимание уделяется обеспечению успешного перехода от учебного процесса к трудовой деятельности. В таких странах, как Германия и Швейцария, существуют программы дуального обучения, где учащиеся могут совмещать теоретическое образование с практической работой на предприятиях (O'Higgins, 2017). В некоторых странах также популярны программы стажировок и профессиональные тренинги, направленные на формирование необходимых навыков для успешного трудоустройства.

Кроме того, мировая практика включает меры поддержки пожилых работников, что также заслуживает внимания. Например, в некоторых странах предоставляются надбавки к заработной плате для пожилых безработных при их устройстве на работу, что стимулирует работодателей нанимать людей старшего возраста. Важную роль играют и зако-

нодательные изменения: запрет дискриминации по возрасту, меры по защите пожилых работников (Understanding, 2024). Во многих странах также действуют квоты на наем пожилых сотрудников, устанавливающие минимальный процент работников старшего возраста в компании. Такие меры помогают поддерживать экономическую активность этой возрастной группы и способствуют улучшению благосостояния и здоровья данных работников.

Программы профессиональной реабилитации среди безработных, особенно тех, кто был в этом статусе более года, могут повысить вероятность трудоустройства и снизить риски для здоровья. Такие программы должны включать постановку целей и планирование поиска работы, консультирование по вопросам карьеры, анализ работы и услуги по трудоустройству. В настоящее время российское правительство реализует уникальную программу содействия занятости, обучая людей тому, как получить доступ к цифровой платформе «Работа в России» (trudvsem.ru) для поиска работы с определенными характеристиками. Правительству следует лучше рекламировать цифровую платформу, чтобы увеличить количество соискателей. В целом правительство должно осознать, что активное содействие занятости в конечном итоге снизит бремя болезней и сэкономит государственные деньги на лечение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канева М.А., Герри К.Дж., Байдин В.М. (2016). Возрастные различия в самооценке здоровья // Вестник Санкт-Петербургского университета: Менеджмент. № 18(4). С. 563–587.
2. Канева М.А., Моисеенко В.Д. (2024). Оценка влияния показателей здоровья на занятость в России (2015–2022) // ЭКО. № 5. С. 120–140.
3. Меркурьева И. (2004). Поведение российских пенсионеров на рынке труда: результаты эконометрического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 8. №1. С. 41–64.
4. Фурманов К., Чернышова И. (2012). Здоровье и поиск работы в России // Прикладная эконометрика. Т. 26. № 2. С. 62–91.

5. Angrist J.D., Pischke J.S. (2015). Mastering metrics: the path from cause to effect. New Jersey: Princeton University Press.
6. Arellano M., Bond S. (1991). Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations // Review of Economic Studies. Vol. 58. Pp. 277–297.
7. Bartley M. (1988). Unemployment and health: selection or causation – a false antithesis? // Sociology of Health & Illness. Vol. 10. No. 1. Pp. 41–67.
8. Bartley M., Ferrie J., Montgomery S.M. (2006). Health and labour market disadvantage: unemployment, non-employment, and job insecurity. In: Marmot M., Wilkinson R.G. (eds.). Social determinants of health. Oxford: Oxford University Press. Pp. 78–96.
9. Böckerman P., Ilmakunnas P. (2009). Unemployment and self-assessed health: evidence from panel data // Health Economics. Vol. 18. No. 2. Pp. 161–179.
10. Gathergood J. (2013). An instrumental variable approach to unemployment, psychological health and social norm effects // Health Economics. Vol. 22. Pp. 643–654.
11. Gebel M., Voßemer J. (2014). The impact of employment transitions on health in Germany. A difference-in-differences propensity score matching approach // Social Science & Medicine. Vol. 108. Pp. 128–136.
12. Jahoda M. (1982). Employment and unemployment: A Social-psychological analysis. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Johansson E., Böckerman P., Lundqvist A. (2020). Self-reported health versus biomarkers: does unemployment lead to worse health? // Public Health. No. 179. Pp. 127–134.
14. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B.M. (2016). Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey–Higher School of Economics (RLMS-HSE). Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013 // International Journal of Epidemiology. Vol. 45. No. 2. Pp. 395–401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.
15. Krug G., Eberl A. (2018). What Explains the Negative Effect of Unemployment on Health? An Analysis Accounting for Reverse Causality // Research in Social Stratification and Mobility. Vol. 55. Pp. 25–39.
16. O'Higgins N. (2017). Rising to the youth employment challenge. New evidence on key policy issues. Geneva: International Labour Office.

17. *Ronchetti J., Terriau A.* (2019). Impact of unemployment on self-perceived health // *European Journal of Health Economics*. Vol. 20. No. 6. Pp. 879–889.
18. *Ross C.E., Mirowsky J.* (1995). Does employment affect health? // *Journal of Health and Social behavior*. Vol. 36. No. 3. Pp. 230–243.
19. Understanding the impact of public policies and programs on the labour market decisions of older workers. (2024). <https://www.canada.ca/en/employment-social-development/corporate/seniors-forum-federal-provincial-territorial/labour-market-decisions-older-workers.html#a2f> (дата обращения: 25.12.2024).
20. *Valentelyte G., Keegan C., Sorensen J.* (2021). Analytical methods to assess the impacts of activity-based funding (ABF): a scoping review // *Health Economics Review*. Vol. 11. No. 17. DOI: 10.1186/s13561-021-00315-1.
21. *Zeldow B., Hatfield L.A.* (2021). Confounding and regression adjustment in difference-in-differences studies // *Health Services Research*. Vol. 56. No. 5. Pp. 932–941.

А.Н. Перепечко

ИТ им. С.С. Кутателадзе СО РАН,
Новосибирск

Н.И. Суслов

ИЭОПП СО РАН,
Новосибирск

М.А. Ягольницер

ИЭОПП СО РАН,
Новосибирск

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО РЫНКА РОССИИ: УЧАСТНИКИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

Сложность инновационных систем, их размещение по территории РФ, несовершенная конкуренция на инновационных рынках, показатели внешних и внутренних характеристик функционирования инновационных систем свидетельствуют, что процесс интенсивного развития инноваций в них сопровождается турбулентными явлениями. Этот феномен характеризуется преобладанием положительной обратной связи в контурах взаимосвязанных факторов внешней и внутренней среды участников рынка. С использованием методов статистического анализа данных и показателей инновационного развития субъектов Российской Федерации выделены типологии регионов, отличающиеся характером инновационного развития. Установлены основные факторы и их взаимосвязи. Показывается, что в инновационных системах, подверженных явлениям турбулентности, наблюдается значимый рост показателей эффективности. Отмечается роль инфраструктурных и институциональных факторов как акселераторов инновационного развития. Уделено внимание венчурному финансированию инноваций как механизму регулирования характера турбулентности инновационных систем.

1. Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.1.5. (0260-2021-0002), регистрационный номер НИОКТР – 121040100284-9.

Турбулентность (от *lat. turbulentus* — беспорядочный) — сложное, неупорядоченное во времени и пространстве поведение диссипативной среды (или поля), детали которого не могут быть воспроизведены на больших интервалах времени при сколь угодно точном задании начальных и граничных условий. Такая невоспроизводимость есть следствие собственной сложной динамики среды, определяемой неустойчивостью индивидуальных движений, и не связана с неполнотой описания, флуктуациями или действием внешних шумов (Энциклопедия физики..., 1998). Все реальные среды являются диссипативными; важную роль играют неравновесные диссипативные среды, в которых потери энергии компенсируются ее притоком извне через внешние поля и потоки.

Система переходит от упорядоченного пространственно-временного поведения к турбулентному при увеличении степени ее неравновесности, которую можно характеризовать управляющим параметром (или параметрами — числом Рейнольдса или его аналогами).

В настоящее время понятие «турбулентность» проникло в сферу экономических исследований, но его применение основывается не на разработанной теоретической и методологической базе, а лишь на интуитивном понимании. Во многих работах турбулентность и неопределенность трактуются похожими составами простых характеристик, что нередко приводит к их отождествлению. Однако при этом есть определенные нюансы: 1) турбулентность является высшим проявлением неопределенности, 2) турбулентность приводит к неопределенности.

В экономике явление турбулентности наиболее ярко проявляется на инновационных рынках в результате взаимодействия инновационных систем и внешней среды.

Турбулентность инновационного рынка

Рынок инноваций возникает на стыке двух рынков — товаров и услуг и знаний. Под ним понимается «совокупность экономических отношений, формирующих спрос и пред-

ложение инновационных технологий, их передачу, использование и распределение, поддерживаемых соответствующими институтами и механизмами с целью технологического развития экономики» (Емельянова, 2015. С. 183).

Особенностью рынка инноваций является его несовершенство по ценовой конкуренции, так как на нем преобладают развитые связи между разработчиками технологий (продавцами) и предприятиями (покупателями), его регулирование осуществляется со стороны как государства, так и крупных промышленных компаний. В большинстве случаев бизнес заинтересован в таких инновациях, которые быстро позволяют ему повысить конкурентоспособность («инновациях по необходимости» (Зарембо, Степаненко, 2020), а в процессе финансирования более поздних («отвлеченных инноваций»² (там же) он принимает участие тогда, когда почувствует определенную готовность к ней рынка. Государство же гораздо чаще проявляет больший интерес к исследованиям и разработкам «отвлеченных инноваций», способных гарантировать прорывы в разных областях деятельности, в том числе сферах государственной деятельности (оборона, здравоохранение, образование и др.). Следующей особенностью рынка инноваций является отсутствие прямых конкурентов, поскольку разработчик технологии имеет монопольное положение на рынке и патентование позволяет ему извлекать технологическую ренту.

Спрос на инновации зависит от степени локализации производства и инновационной активности предприятий. Помимо этого он поддерживается существующим законодательством, Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (Стратегия пространственного развития..., 2019), Концепцией технологического развития России до 2030 года (Концепция технологического развития России..., 2023), Стратегией научно-тех-

2. Речь идет о «сквозных» инновациях, без которых конкретный бизнес в данный момент еще может обойтись.

нологического развития Российской Федерации (Стратегия научно-технологического развития..., 2024), а также рядом региональных законов.

Рынок инноваций погружен во множество институтов, образующее внешнюю институциональную среду. Эта среда представляет собой совокупность финансовых и нефинансовых институтов (Brodner, 2011), содействующих развитию инновационной системы, а также правил их взаимодействия.

Неотъемлемой частью внешней институциональной среды является государственная политика в области науки и инноваций, представленная институтами законодательной и исполнительной власти на муниципальном, региональном и государственном уровнях. Также важным элементом интегрированного научно-инновационного пространства являются нефинансовые институты, к которым в том числе относится стратегическая инфраструктура на мезо- и макроуровнях.

Кроме прямого финансирования инноваций по запросам от отраслей существует и так называемое косвенное финансирование, например, через Российский научный фонд, распределяющий гранты по приоритетным, важным и интересным направлениям исследований. Основными потребителями этой поддержки являются государственные исследовательские и образовательные учреждения, лица, занятые в сфере НИОКР. Однако и предприятия, в том числе малые и средние, в сотрудничестве с этими учреждениями могут претендовать на получение финансирования. Таким образом, возникает интересное сочетание спроса на создание инноваций от государства и потребности в их разработке от бизнеса.

Один из первых в России обоснование турбулентности экономических процессов привел В. Бурлачков (Бурлачков, 2009). Если в России проблема турбулентности на инновационных рынках сравнительно нова, то в зарубежных исследованиях ей уделяется внимание достаточно давно. При этом основные сферы изучения — рыночная и технологическая турбулентность. Анализ рыночной турбулентности связан преимущественно с разнообразием предпочтений

участников рынка, а также составом (структурой) участников. Технологическая турбулентность отождествляется с кардинальными изменениями технологий, а также с усовершенствованием существующих (технологических новшеств).

Так, в работах (Gyedu, Tang, Ntarmah & Manu, 2021; Senbeto, Hon, 2020) рыночная турбулентность определяется через постоянные изменения в структуре цен и издержек, спроса и ожиданий покупателей, а также распределение конкурентов. Рыночная турбулентность приводит к росту неопределенности и рисков в бизнес-процессах, а также возрастанию значимости причинно-следственной связи между стратегией и результатами деятельности компании (Turulja, Bajgoric, 2019). В исследовании (Wang, Dou, Zhu, Zhou, 2015) утверждается, что данная турбулентность является важным фактором внешней среды, который стимулирует адаптивные возможности организации. В работе (Hooley et al., 2003) авторы отмечали, что нестабильность рынка включает в себя такие элементы, например, как скорость изменения спроса покупателей, степень конкуренции, различные этапы жизненного цикла продукта и скорость изменения используемых технологий. Турбулентность рынка, увеличивая скорость изменений в области технологических инноваций, стимулирует выпуск новой для рынка продукции, способствует достижению компаниями конкурентного преимущества (Santos, dos Borini, Pereira, 2020). Подобные моменты указываются и в исследовании (Qiu, Hu, Wang, 2020). Авторами отмечается еще одно существенное условие для возникновения турбулентности — постоянная миграция покупателей на рынке. По этой причине инновации очень важны для удовлетворения меняющихся потребностей и ожидания новых потребителей (Ding, Ding, 2022).

Исследователи (Rhee, Park, Lee, 2010) утверждают, что компании используют инновации как стратегический инструмент адаптации к изменениям на своих рынках. Этого же мнения придерживаются авторы статьи (Hult, Hurley, Knight, 2004). Чтобы повысить эффективность функционирования

в условиях турбулентности компании также модернизируют и перестраивают свои активы (Peng, Zhou, Sadowski, Sun, 2021; Abinful et al., 2023; Gemici, Zehir, 2023; Gyedu, Tang, Ntarmah, Manu, 2021; Le, Do, 2023).

Существующие исследования позволяют глубже понять влияние турбулентности окружающей среды на инновации, а также сформировать стратегии поведения на подобных рынках. Между тем следует отметить, что инновационные рынки представляют сложные системы, на которых действует множество участников, обобщенно относящихся к трем категориям: бизнес-сообществу, научно-образовательным организациям и учреждениям, государственным структурам. Они носят название «сложные адаптивные системы» (CAS, Complex Adaptive System) и изучаются теорией сложности (Arthur, 2013; Майнцер, 2010). Несмотря на большое разнообразие подобных систем, всем им присущи общие характерные признаки (Zimmerman, Lindberg, Plsek, 2001): вложенность структур; разнообразие компонентов как важный источник информации о структуре и ее адаптации к окружающей среде; поведение CAS отражает взаимодействие и синергию между отдельными компонентами системы и не может быть предсказано на основании изучения свойств только отдельного компонента; управление рассредоточено по всей системе, что позволяет ей быстрее реагировать и адаптироваться; в CAS отражаются особенности взаимосвязей между частями системы, а не свойства самих частей; результат реакции системы на внешнее воздействие не может быть пропорциональным силе или направлению воздействия (нелинейность поведения); характеристики CAS зависят от контекста, истории и начальных условий; характерно одновременное наличие контуров положительной и отрицательной обратной связи — смешение обоих видов обратной связи дает «сложное» поведение.

Опираясь на сложный характер региональных инновационных систем, географию их размещения по территории РФ, несовершенство конкуренции на инновационных

рынках, измерители внешних и внутренних характеристик функционирования данных систем, покажем, что явление турбулентности сопутствует процессу интенсивного развития инноваций в региональных системах.

Количественные измерители инновационных рынков, региональные особенности, связи

Начиная с 2012 г. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) на регулярной основе выпускает «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации». В основе рейтинговых оценок лежит оригинальная система количественных и качественных показателей инновационного развития регионов, которая опирается на результаты многолетних исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. В настоящем исследовании используется информация справочника «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7» (Рейтинг инновационного развития..., 2021).

Поскольку основной целью исследования являлось изучение рынков инноваций, включающее анализ основных показателей и их взаимосвязей в региональном разрезе, выбраны следующие показатели: ВРП на 1 занятого (тыс. руб.); доля занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности (%); доля затрат на исследования и разработки в ВРП (%); патентная активность (число патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент национальными заявителями, в расчете на 1 млн человек рабочей силы в возрасте 15–72 лет, ед.); доля новой для рынка инновационной продукции (удельный вес вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %); доля экспорта в объеме инновационной продукции (удельный вес экспорта в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг, %); экспорт технологий (объем поступлений от экс-

порта технологий в расчете на 1 тыс. руб. ВРП, руб.); программа поддержки инноваций (наличие специализированной программы или комплекса мер государственной поддержки развития инноваций, инновационной деятельности либо субъектов инновационной деятельности); координационный орган по инновационной политике (наличие специализированных координационных (совещательных) органов по инновационной политике (поддержке инновационной деятельности) при высшем должностном лице или высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации); региональные институты инновационного развития (наличие специализированных региональных институтов развития, базы региональных правовых актов) с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности и/или реализации инновационных проектов); доля федерального бюджета в затратах на технологические инновации (удельный вес средств федерального бюджета в общих затратах на технологические инновации, %); доля регионального бюджета в затратах на технологические инновации (удельный вес средств бюджета субъекта Российской Федерации и местных бюджетов в общем объеме затрат на технологические инновации, %); число федеральных институтов развития, поддерживающих инновационные проекты (число федеральных институтов развития, оказывающих поддержку научным, научно-техническим и инновационным проектам, реализуемым в субъекте Российской Федерации); федеральное финансирование инновационных проектов (объем привлеченного финансирования федеральных органов власти и институтов развития на реализацию научных, научно-технических и инновационных проектов в субъекте Российской Федерации в расчете на 1 млн руб. ВРП, руб.); число территорий инновационного развития с федеральными статусами (число территорий инновационного развития, которым присвоены особые статусы в соответствии с мерами государственной поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, предоставляемыми феде-

ральными органами власти); число объектов инновационной инфраструктуры поддержки МСП (число объектов инновационной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, получавших поддержку из федерального бюджета).

Однородность и сопоставимость индикаторов достигаются за счет перехода от абсолютных величин к нормированным значениям. Нормированные значения показателей по каждому региону определяются как отношение разницы между значением показателя в регионе и минимальным значением показателя по всем регионам к разнице между максимальным и минимальным значениями данного показателя по всем регионам.

Исследование простых статистических характеристик выборки (табл. 1) выявило следующие ее особенности.

Коэффициент вариации всех исследуемых показателей значительно превышает 30%. Помимо этого, асимметрия и эксцесс не позволяют принять гипотезу о нормальности и одновершинности их распределений. Вследствие этого для получения корректных содержательных результатов необходимо провести классификацию выборочных значений с целью достижения более однородных подвыборок регионов.

Поскольку общая совокупность описывается 16 показателями, а ее общий объем составляет 85 наблюдений, необходимо выделить меньшее число информативных переменных для проведения процедуры классификации. Это осуществляется с помощью использования статистического факторного анализа, основанного на методе главных компонент (*Hotelling*, 1933).

Результат применения факторного анализа представлен в табл. 2.

Полученные факторы имеют ясный содержательный смысл. Так фактор Ф1 отражает пропорцию между инвестициями в сектор НИОКР (затратами на науку) и макроэкономическими индикаторами региона. Показатель определяется как отношение общего объема внутренних затрат на НИОКР

Таблица 1. Статистические характеристики исследуемой выборки

Статистика	Объем выборки	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс
ВРП на 1 занятого	85	0,24	0,22	0,16	2,34	8,19
Доля занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности	85	0,36	0,31	0,27	0,48	−0,66
Доля затрат на исследования и разработки в ВРП	85	0,12	0,07	0,16	3,14	12,83
Патентная активность	85	0,38	0,36	0,19	0,73	2,12
Доля новой инновационной продукции для рынка	85	0,11	0,04	0,17	3,16	11,73
Доля экспорта в объеме инновационной продукции	85	0,13	0,02	0,2	2,24	5,44
Экспорт технологий	85	0,35	0,38	0,27	0,24	−0,63
Доля федерального бюджета в затратах на технологические инновации	85	0,02	0	0,11	8,45	74,71
Число федеральных институтов развития, поддерживающих инновационные проекты в регионе	85	0,62	0,67	0,26	−0,259	−0,28

Источник: расчеты авторов.

Таблица 2. Факторы и факторные нагрузки

Переменная	Фактор				
	$\Phi 1 /_{36}^*$	$\Phi 2 /_{12}$	$\Phi 3 /_{11}$	$\Phi 4 /_{10}$	$\Phi 5 /_9$
Доля занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности	0,540	0,556	0,153	0,048	−0,015
Доля затрат на исследования и разработки в ВРП	0,831	0,090	−0,044	−0,149	−0,101
Доля новой инновационной продукции для рынка	0,014	0,928	−0,060	0,042	−0,030
Доля экспорта в объеме инновационной продукции	0,241	0,040	0,805	0,133	−0,083
Доля федерального бюджета в затратах на технологические инновации	0,021	−0,027	−0,023	0,002	0,982
Число федеральных институтов развития, поддерживающих инновационные проекты в регионе	0,080	0,056	0,080	0,971	0,001

* в знаменателе указан % объясненной фактором выборочной дисперсии.

Источник: расчеты авторов методом главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

к ВРП (в %). Фактор объясняет 36% выборочной вариации показателей, что достаточно существенно для элемента знаний инновационного рынка.

Фактор Ф2 отражает долю занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслях промышленного производства в среднесписочной численности работников в экономике региона, т. е. трудовой потенциал инновационной экономики, а также ее результативность, характеризующую удельным весом вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка сбыта организации, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. Фактор объясняет 12% выборочной вариации.

Фактор Ф3 свидетельствует о спросе на отечественные новшества, их конкурентоспособности и соответствии требованиям качества на экспортных рынках. Объясняет 11% выборочной вариации показателей.

Фактор Ф4 отражает разнообразие федеральных инструментов поддержки, к которым за последние три года обращались заявители из субъектов Российской Федерации для привлечения финансирования в инновационные проекты, и свидетельствует об участии региона в федеральной научно-технической и инновационной политике. Фактор объясняет 10% выборочной вариации.

И наконец, фактор Ф5 характеризует удельный вес подержанных на федеральном уровне инновационных проектов в масштабе экономики региона. Он, помимо прочего, отражает качество институтов инновационного развития. Объясняет 9% выборочной вариации показателей. В целом сформированный набор факторов содержательно отражает состояние инновационного рынка РФ, его трудовой потенциал, финансовые, институциональные и инфраструктурные особенности, а также суммарно объясняет 78% выборочной вариации.

Классификация выборочных наблюдений с использованием информативных переменных, полученных с помощью факторного анализа, осуществлялась с помощью метода мно-

гомерного кластерного анализа (метод К-средних) (MacQueen, 1967). В результате было выделено 4 типа регионов, статистические характеристики которых представлены в табл. 3.

Таблица 3. Статистические характеристики кластеров регионов

Кластерный номер наблюдения	Характеристика	Доля занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности	Доля затрат на исследования и разработки в ВРП	Патентная активность	Доля новой инновационной продукции для рынка	Доля экспорта в объеме инновационной продукции	Экспорт технологий	Доля федерального бюджета в затратах на технологические инновации	Число федеральных институтов развития, поддерживающих инновационные проекты в регионе
1	Среднее	0,56	0,08	0,37	0,68	0,01	0,31	0,01	0,34
	Объем выборки	5	5	5	5	5	5	5	5
2	Среднее	0,23	0,05	0,30	0,04	0,03	0,28	0,05	0,26
	Объем выборки	43	43	43	43	43	43	43	43
3	Среднее	0,48	0,13	0,43	0,09	0,45	0,52	0,07	0,62
	Объем выборки	15	15	15	15	15	15	15	15
4	Среднее	0,47	0,27	0,48	0,12	0,12	0,40	0,52	0,62
	Объем выборки	22	22	22	22	22	22	22	22
Общая выборка	Среднее	0,36	0,12	0,38	0,11	0,13	0,35	0,02	0,26
	Объем выборки	85	85	85	85	85	85	85	85

Источник: расчеты авторов с использованием многомерной классификации. Метод К-средних.

Для содержательной интерпретации полученных региональных кластеров необходимо убедиться в том, что они статистически значимо различаются, а также выявить, по каким переменным это различие существенно. С этой целью был использован тест проверки значимости различий средних значений показателей по критерию Стьюдента. Учитывая малочисленность кластера 1 (5 регионов), проверку гипотезы различия средних значений показателей проведем для кластеров 2, 3 и 4. Результаты приведены в табл. 4.

Таблица 4. Значимость различий характеристик рынков инноваций в кластерах российских регионов

Показатель	t-критерий Стьюдента значимости различий средних значений в кластерах		
	(2,3)*	(2,4)	(3,4)
Доля занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслях промышленности	+	+	—
Доля затрат на исследования и разработки в ВРП	+	+	+
Доля новой для рынка инновационной продукции	+	+	+
Доля экспорта в объеме инновационной продукции	+	+	+
Доля федерального бюджета в затратах на технологические инновации	—	+	+
Число федеральных институтов развития, поддерживающих инновационные проекты в регионах	+	+	—
Федеральное финансирование инновационных проектов	+	+	—
Число территорий инновационного развития федерального статуса	+	+	—

* пары кластеров, в которых проверяется гипотеза. Знак + свидетельствует о значимости различий, — об отсутствии значимых различий на 95%-ном уровне.

Источник: расчеты авторов.

Данные табл. 3–4 позволяют сформулировать следующие выводы. Более 50% субъектов федерации России, попавших в кластер 2, существенно отличаются от других регионов как по большинству показателей инновационного развития (трудовой потенциал, производство продукции, экспортные возможности), так и по возможностям инвестиций в инновационную сферу, институциональной и инфраструктурной поддержке сферы инноваций. Причем в целом эту часть инновационного российского рынка можно охарактеризовать как развитую достаточно слабо. И, следовательно, при усилении рыночной и технологической турбулентности внешней среды регионы неизбежно столкнутся с потерей конкурентоспособности и эффективности.

Два других кластера регионов (3 и 4) с позиций развития инновационного рынка выглядят более оптимистично. Сравнимые показатели развития их рынков существенно

превышают значения показателей региональных рынков из кластера 2.

При этом в рассматриваемых кластерах некоторые показатели также различаются. Например, регионы, попавшие в кластер 4, существенно отличаются от других в среднем самой высокой долей затрат на исследования и разработки в ВРП, долей затрат федерального бюджета на технологические инновации, долей новой для рынка инновационной продукции. В соответствии с этим можно сделать вывод, что развитие инновационной экономики в этих регионах связано с существенно большей государственной финансовой поддержкой, чем в остальных. Тем не менее регионы кластера 3 демонстрируют более высокие показатели экспорта инновационной продукции и технологий.

Что касается инфраструктурных и институциональных показателей, то регионы кластеров 3 и 4 в среднем по ним не отличаются, зато демонстрируют существенные различия в лучшую сторону по сравнению с регионами кластера 2.

На рис. 1 отражено распределение субъектов Федерации в разрезе федеральных округов РФ в выделенных кластерах.

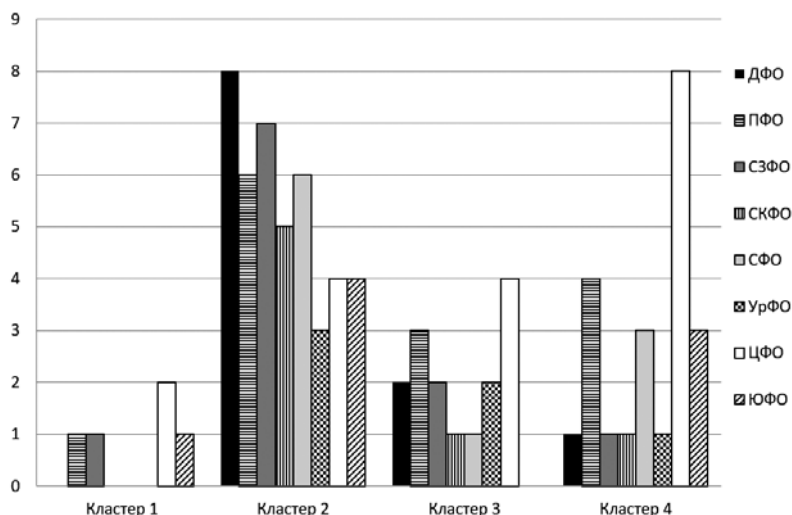

Рис. 1. Распределение регионов федеральных округов РФ в кластерах

Источник: расчеты авторов.

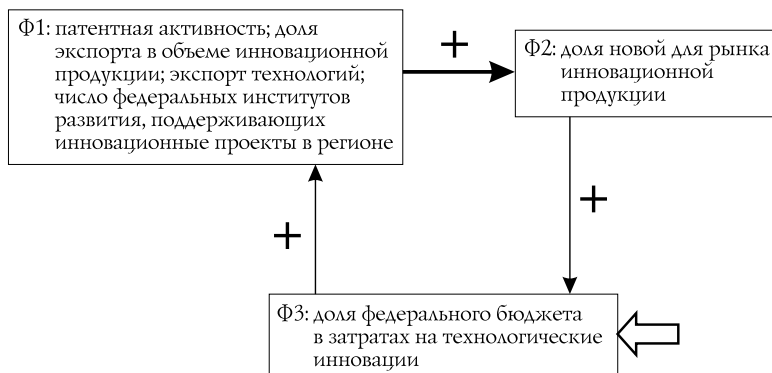
Оно явно свидетельствует о существующем дисбалансе в развитии инновационных рынков европейской и азиатской частей страны. Так, в европейской части России явным лидером инновационного развития является Центральный федеральный округ, 12 регионов которого вошли в кластеры с инновационными рынками, имеющими лучшие по сравнению аналогичными рынками других российских регионов показатели.

Далее по лидерству в европейской части России следует отметить Приволжский федеральный округ. Что касается азиатской части России, то абсолютным аутсайдером к 2019 г. здесь выступает Дальневосточный федеральный округ, восемь субъектов Федерации которого (19%) формируют состав кластера 2 и только три входят в состав кластеров 3 и 4. В Уральском и Сибирском федеральных округах соотношение отстающих и опережающих в инновационном развитии регионов составляет соответственно 50:50 и 60:40%.

Чтобы глубже понять причины различий инновационного развития регионов и инновационных рынков, рассмотрим структуру взаимосвязей основных факторов в выделенных типах регионов.

Общая схема взаимодействия основных факторов, воздействующих на рост доли новой для инновационного рынка продукции, в регионах кластера 4 с лучшими значениями показателей развития инновационного рынка, куда входят: Брянская, Владимирская, Воронежская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Пензенская, Ростовская, Самарская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская области, Забайкальский, Красноярский края, города Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Республики Крым, Дагестан, представлена на рис. 2.

Нетрудно заметить, что в рассматриваемых регионах рост рынка инновационной продукции происходит при удачно складывающейся к моменту исследования совокупности институциональных норм, рутин и правил поведения между субъектами, обеспечивающей эффективное их взаимодействие.

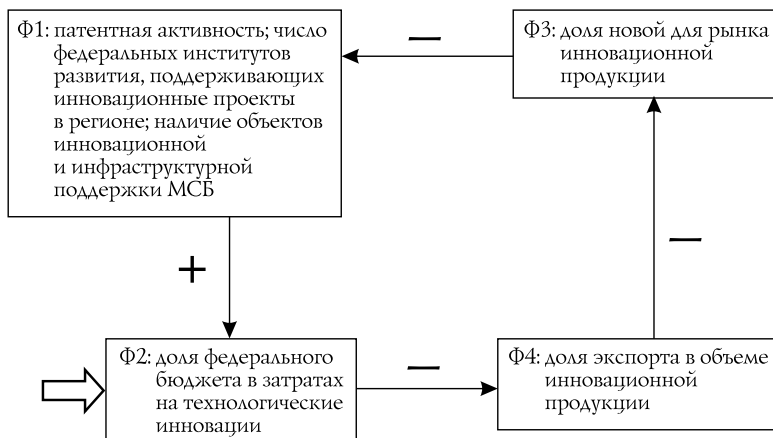
Примечание: знаком + обозначено влияние изменения фактора Φ3 на изменения факторов Φ1, Φ2.

Рис. 2. Взаимодействие факторов в региональных системах кластера 4

За счет материальной поддержки федерального бюджета получает развитие сфера НИОКР, растет экспорт технологий и инновационной продукции, что способствует появлению на рынках новой инновационной продукции. Все компоненты рынка оказывают положительное воздействие на его расширение. В контуре $\Phi3 \rightarrow \Phi1 \rightarrow \Phi2 \rightarrow \Phi3$ действует положительная обратная связь, усиливающая инновационный импульс. В системе проявляются турбулентные явления, способствующие расширению инновационного рынка за счет образования новых инновационных фирм и новых потребителей их продукции. Происходит переход рынка в новое стационарное состояние до наступления следующего нарастания рыночных и технологических турбулентностей.

Иная ситуация наблюдается для регионов кластера 3, куда входят Белгородская, Калининградская, Калужская, Омская, Рязанская, Свердловская, Тюменская, Ярославская области, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края, а также Республики Башкортостан, Коми и Татарстан (рис. 3).

Более слабой инновационной и инфраструктурной поддержкой в исследуемом кластере пользуются предприятия МСБ. Федеральный бюджет стимулирует не экспорт новой высокотехнологичной продукции, а масштабное импортоза-

Примечание: знаком $+/-$ обозначено влияние изменения фактора Ф2 на факторы Ф1, Ф3, Ф4.

Рис. 3. Взаимодействие факторов в региональных системах кластера 3

мещение (отрицательная связь между факторами Ф2 и Ф4). Это связано с наличием в регионах крупных инновационных предприятий, обеспечивающих вывод на региональные рынки усовершенствованной инновационной продукции и технологий. За счет этого рынки инновационной продукции расширяются. Кроме того, в данном кластере российских регионов рост доли новой для рынка инновационной продукции может являться следствием стратегии крупного бизнеса по приобретению малых технологических компаний и интеграции их в свою структуру.

Ответом на инновационную турбулентность внешней среды в инновационных системах регионов рассматриваемого типа является совершенствование действующих технологий и их диффузия, обусловленные политикой импортозамещения на крупных предприятиях этого кластера. За счет контура взаимодействующих факторов $\text{Ф2} \rightarrow \text{Ф4} \rightarrow \text{Ф3} \rightarrow \text{Ф1} \rightarrow \text{Ф2}$ отрицательной обратной связи инновационные системы переводятся в ламинарное состояние, тем самым подстраиваясь под внешнюю турбулентность рынка. Более кардинальными мерами борьбы с турбулентностью инновационных

рынков в данной типологии регионов могли бы служить поддержка кооперационных проектов компаний и научных организаций в сфере исследований и разработок, апробация экспериментальных форм взаимодействия бизнеса и науки с их последующим масштабированием на национальном уровне.

Для большинства регионов России, попавших в кластер 2, схема взаимодействия основных факторов инновационного рынка приведена на рис. 4.

Примечание: знаком $+/ -$ обозначено влияние изменения фактора Ф4 на факторы Ф1–Ф3.

Рис. 4. Взаимодействие факторов в региональных системах кластера 2

На рынках инновационной продукции предприятий кластера 2 наблюдается самая низкая среди всех регионов доля расходов федерального бюджета на технологические инновации. Отличительной особенностью взаимодействия факторов, обеспечивающих развитие инноваций в регионах рассматриваемого кластера, является недостаточное инвестирование федеральным бюджетом затрат на НИОКР и обеспечение инновационной и инфраструктурной поддержки МСБ, отсутствие значимого участия в этих процессах частного капитала.

Контур взаимодействующих факторов отличается отрицательной обратной связью, которая противодействует воз-

никновению механизмов адаптации к рыночной и технологической турбулентности внешней среды. Инновационные системы рассматриваемых регионов оказываются не готовыми к новым технологическим вызовам.

Выводы

Экономике, как и любой области знаний, изучающей взаимодействия в сложных динамических системах, присуще явление турбулентности. В рамках динамического подхода к ее изучению турбулентность понимается как изменение относительных скоростей, протекающих в сложной системе взаимосвязанных процессов. В работе на примере неравновесных инновационных региональных рынков исследуются взаимодействия основных факторов внешней и внутренней среды их участников.

На основе оригинальной базы данных количественных и качественных показателей инновационного развития регионов России (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) с использованием методов статистического анализа получены следующие результаты:

- установлена типология регионов РФ, значимо различающихся по основным показателям внешней и внутренней среды субъектов инновационных рынков;
- выявлены взаимосвязи показателей в различных типологиях субъектов региональных инновационных рынков;
- рассмотрены контуры обратных связей в региональных инновационных системах и установлено, что наличие положительных обратных связей в инновационном контуре способствует адаптации систем к возникающим внешним рыночным и технологическим флуктуациям рынка;
- отрицательные обратные связи в инновационных системах или ненадолго противодействуют турбулентным явлениям (ориентация инновационных систем на импортозамещение и незначительное усовершенствование инноваций), или приводят к технологическому отставанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлачков В. (2009). Турбулентность экономических процессов: теоретические аспекты // Вопросы экономики. №11. С. 90–97. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-11-90-97.
2. Венчурный индекс 2023. <https://baza.vc/venture2023> (дата обращения: 24.11.2023).
3. Григорьев Л., Тамбовцев В. (2008). Модернизация через коалиции // Вопросы экономики. № 1. С. 59–70.
4. Емельянова О.В. (2015). Условия развития инновационной деятельности в регионе / Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика – 2015. Материалы V Международной научно-практической конференции. Курск: ЗАО «Университетская книга». С. 180–184.
5. Зарембо В.Е., Степаненко Д.А. (2020). Проблемы модернизации перехода к инновационной экономике // Проблемы современной экономики. №3 (75). С. 32–34.
6. Концепция технологического развития России до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. №1315-р). <http://government.ru/news/48570/> (дата обращения: 14.06.2024).
7. Кузнецов Е. Инновационные столицы и провинции <https://stimul.online/viewpoint/innovatsionnye-stolitsy-provintsii/> (дата обращения: 01.12.2023 г.).
8. Майнцер К. (2010). Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. №10. С. 84–98.
9. Мартынов А. (2018). К вопросу об универсальной теории экономической системной трансформации // Общество и экономика. №4. С. 5–30.
10. Мировой опыт развития импакт-инвестиций. (2020). М.: Фонд региональных социальных программ «Наше будущее».
11. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (2021) / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Вып. 7. М.: НИУ ВШЭ.

12. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. №207-р). <http://government.ru/docs/35733> (дата обращения: 20.11.2023).
13. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. №145). <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 14.06.2024).
14. Шкодинский С.В., Степанов Д.А. (2023). Российский венчурный рынок сегодня: проблемы трансформации // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 6. С. 1–14. <https://esj.today/PDF/29ECVN623.pdf>.
15. Энциклопедия физики. Турбулентность / под ред. А.М. Прохорова (1998). Т. 5. <http://es.niv.ru/doc/encyclopedia/physics/articles/1497/turbulentnost.htm> (дата обращения: 14.06.2024).
16. Abinful A.A., Opopu Mensah A., Koomson S., Nyarko F.K., Nkrumah E. (2023). A conceptual framework of total quality management on innovation performance in the banking sector // The TQM Journal. Vol. 36. No. 4. Pp. 1193–1211. DOI: 10.1108/TQM-11-2022-0334.
17. Arthur W.B. (2013). Complexity economics: a different framework for economic thought // Santa Fe Institute Working paper: 2013-04-012.
18. Brodner P. (2011). Innovations Require Conductive Institutions // Enabling Innovation. Innovative Capability – German and International Views / Eds. I. Isenhardt, F. Hees, S. Trantow. RWTH Aachen University P.S.J., Springer. Pp. 179–183.
19. Ding W., Ding J. (2022). New venture's product innovativeness strategy, institutional environment and new product performance // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 174. No. 121211. Pp. 1–11. DOI: 10.1016/techfore.2021.121211.
20. Gemici E., Zehir C. (2023). High-performance work systems, learning orientation and innovativeness: The antecedent role of environmental turbulence // European Journal of Innovation Management. Vol. 26. No. 2. Pp. 475–503. DOI: 10.1108/EJIM-05-2021-0243.
21. Gyedu S., Tang H., Ntarmah A.H., Manu E.K. (2021). The moderating effect of environmental turbulence on the relationship between innovation capability and business performance // International

- Journal of Innovation Science. Vol. 13. No. 4. Pp. 456–476. DOI: 10.1108/IJIS-10-2020-0189.
22. Hooley G., Fahy J., Greenley G., Beracs J., Fonfara K., Snoj B. (2003). Market orientation in the service sector of the transition economies of Central Europe // *European Journal of Marketing*. Vol. 37. No. 1/2. Pp. 86–106. DOI: 10.1108/03090560310453975.
 23. Hotelling H. (1933). Analysis of a complex of statistical variables into principal components // *Journal of educational psychology*. 1933. Vol. 24. No. 6. Pp. 417–441.
 24. Hult G.T., Hurley R.F., Knight G. (2004). A Innovativeness: Its antecedents and impact on business performance // *Industrial Marketing Management*. Vol. 33. No. 5. Pp. 429–438.
 25. Le P.B., Do Y.H. (2023). Stimulating innovation performance through knowledge-oriented leadership and knowledge sharing: The moderating role of market turbulence // *International Journal of Innovation Science*. Vol. 16. No. 3. Pp. 527–549. DOI: 10.1108/IJIS-08-2022-0166.
 26. MacQueen J. (1967). Some methods for classification and analysis of multivariate observations. In: *Proc. 5th Berkeley Symp. on Math. Statistics and Probability* University of California Press. Vol. 1. Pp. 281–297.
 27. Peng H., Zhou C., Sadowski B.M., Sun T. (2021). Does an imitation strategy promote long-term firm growth in a dynamic environment? A meta-analysis. // *Frontiers Psychology*. Vol. 12. No. 774071. Pp. 1–17. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.774071.
 28. Qiu L. Hu D., Wang Y. (2020). How do firms achieve sustainability through green innovation under external pressures of environmental regulation and market turbulence? // *Business Strategy and the Environment*. Vol. 29. No. 6. Pp. 1–20. DOI: 10.1002/bse.2530.
 29. Rhee J., Park T., Lee D.H. (2010). Drivers of innovativeness and performance for innovative SMEs in South Korea: Mediation of learning orientation. // *Technovation*. Vol. 30. No. 1. Pp. 65–75.
 30. Santos L.L., dos Borini F.M., Pereira R.M. (2020). Bricolage as a pat towards organizational innovativeness in times of market and technological turbulence // *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. Vol. 13. No. 2. Pp. 282–299. DOI: 10.1108/jeec-02-2020-0039.

31. *Senbeto D.L., Hon A.H.Y.* (2020). Market turbulence and service innovation in hospitality: Examining the underlying mechanisms of employee and organizational resilience // *The Service Industries Journal*. Vol. 40. No. 15–16. Pp. 1119–1139. DOI: 10.1080/02642069.2020.1734573.
32. *Turulja L., Bajgoric N.* (2019). Innovation, firms' performance and environmental turbulence: Is there a moderator or mediator? // *European Journal of Innovation Management*. Vol. 22. No. 1. Pp. 213–232. DOI: 10.1108/EJIM-03-2018-0064.
33. *Wang G., Dou W., Zhu W., Zhou N.* (2015). The effects of firm capabilities on external collaboration and performance: The moderating role of market turbulence // *Journal of Business Research*. Vol. 68. No. 9. Pp. 1928–1936. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.01.002.
34. *Zimmerman B., Lindberg C., Plsek P.* (2001). A Complexity Science Primer. In *Edgware: Insights from Complexity Science for Health Care Leaders*. Irving, Tex.: VHA Inc. Pp. 3–20.

СУКУК КАК ИНСТРУМЕНТ ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ

В статье исследуются проблемы, которые возникают при внедрении инструментов партнерского финансирования, в частности сукук, в России. После принятия Федерального закона о партнерском финансировании от 4 августа 2023 г. №417-ФЗ российские организации (по состоянию на июнь 2024 г. в Реестре организаций партнерского финансирования Центрального Банка России зарегистрировано уже 23) получили потенциальную возможность выхода на восточные рынки капитала, например, на фондовые рынки стран Персидского залива. Однако для этого им необходимо как можно быстрее внедрить инструменты партнерского финансирования, с помощью которых можно привлекать инвестиции восточных стран. Примером такого финансового инструмента является сукук. В статье с помощью методов анализа и синтеза, сравнительной аналогии, сопоставления и сравнения исследуются проблемы, которые возникают перед организациями партнерского финансирования при внедрении его инструментов на примере сукук. По результатам исследования выделяются главные проблемы, возникающие перед организациями партнерского финансирования при внедрении сукук, и предлагаются возможные варианты их решения. Основными задачами, решить которые необходимо в приоритетном порядке, на наш взгляд, являются: подготовка квалифицированных кадров; совершенствование банковских программных продуктов, которые были бы учитывать специфические особенности инструментов партнерского финансирования; работа с населением в части «демификации» исламского банкинга; совершенствование федерального и банковского законодательства в области партнерского финансирования; разработка законодательства в области исламского страхования и деятельности некредитных организаций по принципам партнерского финансирования.

Введение

Условия глобальной нестабильности и напряженные отношения с западными странами приводят Россию к необходимости сосредоточивать все большее внимание на выстраивании международных отношений и международного сотрудничества со странами Востока, среди которых особый интерес представляют страны Персидского залива, характеризующиеся все более нарастающими темпами развития экономики, несмотря на мировые кризисы. Интерес к экономике стран Персидского залива интенсивно растет со стороны как российских ученых и экономистов, так и бизнеса. Подтверждением стремления российской экономики выстроить международные отношения и сотрудничество с партнерами из стран Персидского залива является принятие на заседании Совета Федерации Федерального закона от 4 августа 2023 г. №417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Дерзаева, Алеткин, 2025).

Банковский сектор экономики и реальный сектор экономики России также активно продвигаются в этом направлении. По состоянию на май 2024 г. в Реестре организаций партнерского (исламского) финансирования уже зарегистрировано 23 организации. Отдельные элементы партнерского (исламского) финансирования уже несколько лет внедряются такими банками, как Сбербанк, АкБарс-банк и др. По данным сайта <https://frankmedia.ru/164335>, в России уже состоялся выпуск первого цифрового финансового сукука. «На платформе “Мастерчейн” был осуществлен первый в России выпуск цифрового финансового актива (ЦФА) в форме сукука (т. е. соответствующего нормам шариата)», — рассказал «Ведомостям» полномочный представитель эмитента

татарстанской IT-компании «Универсальный блокчейн» Марат Хафизов. Решение об эмиссии ЦФА, размещенное на сайте эмитента, датировано 15 мая. Днем ранее заключение о соответствии выпуска международным шариатским стандартам ААОIFI представила компания «Золотой сундук»¹. Исторически, это второй выпуск. Первый выпуск сукук состоялся еще в 2017 г., задолго до принятия Федерального закона о партнерском финансировании. «Компания “Сукук-инвест” (Казань, Татарстан) впервые в России выпустила облигации-сукук в соответствии с правилами исламских финансов. Модель предполагает получение доли в прибыли, которая генерируется привлеченными при размещении бумаг финансами»². Ученые России также не оставляют без внимания финансовые инструменты партнерского (исламского) финансирования. Однако главный вклад, который необходимо внести ученым, — это создание теоретико-методологической базы, которая поможет внедрить в России инструменты партнерского (исламского) финансирования. В настоящее время такой базы на русском языке нет, поскольку в отсутствие соответствующего законодательства тема партнерского финансирования не была актуальна именно для России. Даже разработанные международной организацией ААОIFI (Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions) стандарты управления, учета, анализа и аудита по принципам партнерского (исламского) финансирования не переведены на русский язык.

Теоретическая база исследования

Теоретико-методологические вопросы учетно-информационного обеспечения операций с корпоративными сукук являются предметом ряда научных исследований и дискуссий начиная с 1990 г., когда впервые в мире дочерняя организация транснациональной компании Shell в Малайзии — Shell

1. <https://frankmedia.ru/164335>

2. <https://tass.ru/ekonomika/4522289>

MDS — выпустила сукук объемом 30 млн долл. В целом количество русскоязычных публикаций, отражающих проблематику исследования, незначительно, поскольку тема партнерского финансирования достаточно новая для российской действительности — Федеральный закон о партнерском финансировании принят и введен в действие только в 2023 г. В России нет достаточной теоретико-методологической базы, которая помогла бы внедрить в России инструменты партнерского (исламского) финансирования. Как уже отмечалось, даже стандарты AAOIFI не переведены на русский язык (Дерзаева, Алеткин, 2025).

Отдельные аспекты учетно-информационного обеспечения операций с корпоративными сукук рассматриваются в трудах ряда российских ученых.

Первые русскоязычные публикации, освещающие такой финансовый инструмент как сукук, принадлежат Роберту Беккину (Беккин, 2001, 2009, 2015; Беккин, Калимуллина, 2010). В своих работах он доказывает необходимость их внедрения в России как альтернативного источника привлечения инвестиций. В целом в России с научной точки зрения инструменты партнерского финансирования стали рассматриваться как объект исследований именно с его подачи (Дерзаева, Алеткин, 2025).

Необходимо отметить и труды М.Э. Калимуллиной (Калимуллина, 2011, 2017, 2018), в которых впервые делается попытка дать экономическую и правовую характеристику инструментам партнерского финансирования, в частности, сукук, и описать механизмы их функционирования. В основу ее трудов легли шариатские стандарты AAOIFI³. Таким образом, эти исследования можно считать первой успешной попыткой русскоязычного обзора шариатских стандартов (Дерзаева, Алеткин, 2025).

В настоящее время активно анализируются инструменты партнерского финансирования, в частности сукук,

3. <https://aaoifi.com/?lang=en>

в исследованиях А.З. Нагимовой (Нагимова, 2021а, б, 2023), которая рассматривает успешный международный опыт их применения не только в странах, где в основе экономики лежат принципы и правила шариата, но и в странах с привычной традиционной экономической системой, а также СНГ. Такие исследования являются принципиально важными для России, поскольку доказывают эффективность инструментов партнерского финансирования в странах с традиционной экономической системой, коей и является Россия, а также возможность гармоничного сосуществования традиционных и «исламских» финансовых инструментов (Дерзаева, Алеткин, 2025).

Также особого внимания заслуживают труды Х.С. Умарова (Умаров, 2013, 2015, 2020), который в своих исследованиях отходит от общего и переходит к частному, разбирая каждый элемент/инструмент партнерского финансирования по отдельности (Дерзаева, Алеткин, 2025). Таким образом, благодаря его трудам, отдельные инструменты партнерского финансирования становятся самостоятельными объектами исследований ученых.

Завершив обзор литературы, посвященной сукук, выделив труды Ф.И. Харисовой (Харисова, Курбанова, 2017; Харисова, Дерзаева, 2023), которую можно назвать основоположником методологии учетно-информационного обеспечения операций с корпоративными сукук, а также их аудита, что, на наш взгляд, является приоритетной задачей для развития партнерского финансирования (Дерзаева, Алеткин, 2025). Традиционно языком бизнеса является отчетность, поэтому для выхода на восточные рынки капитала (в частности, стран Персидского залива) соответствующим российским организациям необходимо подготовить таковую по принципам и правилам партнерского финансирования. Именно это и является объектом исследований Ф.И. Харисовой и ее соавторов.

Таким образом, по результатам вышеизложенного можно сделать ряд выводов:

1) сукук как инструмент партнерского финансирования в условиях действия Федерального закона от 4 августа 2023 г. №417-ФЗ является весьма привлекательным объектом исследования для ученых и потенциальным способом привлечения инвестиций стран Персидского залива для банковского сектора;

2) многие вопросы теории и практики выпуска сукук остаются нераскрытыми, поскольку тема партнерского финансирования достаточно новая для российской действительности — Федеральный закон о партнерском финансировании принят и введен в действие только в 2023 г. (там же);

3) уже год как действует закон о партнерском финансировании в России, но выпуск сукук единичен, а значит, у российских организаций возникают проблемы. Для эффективного использования сукук в целях привлечения инвестиций необходимо изучить эти проблемы и предложить их решение.

Методология

В связи с вышеполученными выводами возникает необходимость изучить проблемы, с которыми сталкиваются организации партнерского финансирования при внедрении сукук, и предложить их решение. Для достижения данной цели поставим следующие задачи:

1) проанализировать современное состояние деятельности по партнерскому финансированию на основе исторических попыток выпуска сукук;

2) выявить проблемы, которые потенциально могут возникнуть у организаций партнерского финансирования при выпуске сукук;

3) исследовать международный опыт решения выявленных проблем;

4) проанализировать возможность использования международного опыта решения выявленных проблем в российской экономической действительности.

Для решения данных задач используем следующие методы:

- 1) научный анализ современной и исторической литературы для исследования исторических попыток выпуска сукук;
- 2) анализ нормативно-правовых документов, отчетности организаций партнерского финансирования, материалов публичных выступлений их представителей для выявления проблем, которые потенциально могут возникнуть у них при выпуске сукук;
- 3) теоретического исследования для определения международного опыта решения выявленных проблем;
- 4) сопоставление и сравнение для определения возможности использования международного опыта решения выявленных проблем в российской экономической действительности.

Результаты

Как уже отмечалось выше, в России попытки выпуска сукук начались с 2009 г., когда «ВТБ “Капитал”» объявил о планируемом выпуске в 200 млн долл. совместно с партнером с исламской стороны Liquidity Management House for Investment Company — инвестдочкой банка Kuwait Finance House⁴. Однако этот выпуск не состоялся, как было объявлено «по техническим причинам» (Дерзаева, 2024).

Далее, в 2011 г. гендиректор ИФК «Линова» Ренат Лотфуллин публично заявил, что: «24 марта на конференции в Казани планируется подписать мандат на выпуск первых в России исламских облигаций — сукук — на сумму около 200 млн долл. Организаторами займа являются Kuwait Finance House, Malaysia и малайзийская же трастовая компания Amanah Raya Berhad, а “Линова” выступает как соорганизатор»⁵. Однако этот выпуск не состоялся со ссылкой на отсутствие соответствующего законодательства.

В 2012 г. эмитировать сукук на сумму 100–200 млн долл. США запланировала Республика Татарстан, разместив их на биржах Люксембурга и Малайзии, однако и этот выпуск не

4. <https://www.interfax.ru/business/69078>

5. <https://www.kommersant.ru/doc/1602674>

состоялся, как отмечал его инициатор Л. Якупов, «по техническим причинам» (там же).

В 2012 г. «ВТБ Капитал» предпринял еще одну попытку выпуска сукук, которая тоже не удалась.

В 2017 г. осуществила выпуск сукук казанская компания «Сукук-инвест»⁶ на сумму в 1 млн руб. с плавающей процентной ставкой, рассчитываемой от доходности капитала. Пробный выпуск сукук инициировал Р. Едиханов, руководитель подразделения по исламским финансам в общественной организации «Деловая Россия». Тем самым была достигнута цель опровергнуть представления о невозможности выпуска сукук в России в связи с законодательными ограничениями (там же).

В 2023 г. сразу после принятия закона о партнерском финансировании на платформе «Мастерчейн» состоялся первый в России выпуск цифрового финансового актива (ЦФА) в форме сукука⁷.

В настоящее время сразу же после принятия Федерального закона о партнерском финансировании в августе 2023 г. о планируемом выпуске сукук объявила Мосбиржа: «Московская биржа рассматривает возможность использования инструмента сукук (исламского аналога облигаций) для привлечения финансирования в сфере транспортной инфраструктуры»⁸. Однако этот выпуск до сих пор находится в стадии ожидания.

Таким образом, несмотря на наличие Федерального закона о партнерском финансировании, закрепляющего юридическую сторону сукук, и желание организаций выпускать сукук, полноценные выпуски единичны, а значит, есть много нерешенных проблем, которые затрудняют этот процесс.

До 2023 г. главной проблемой развития партнерского финансирования в России было отсутствие законода-

6. <https://tass.ru/ekonomika/4522289>

7. <https://frankmedia.ru/164335>

8. <https://denuo.legal/ru/insights/news/F6/>

тельного закрепления правового статуса операций по нему. Соответственно, с 2023 г. такой статус получен через принятие Федерального закона о партнерском финансировании от 4 августа 2023 г. №417-ФЗ. Но даже здесь возникает ряд особенностей. Например, замена термина «исламское финансирование» на термин «партнерское финансирование», хотя традиционно в мировой практике, в том числе и в западных странах, используется именно слово «исламское». У такого решения законодателя есть и плюсы, и минусы. С одной стороны, такая замена убирает религиозный окрас с экономических явлений, с другой — может ввести пользователей информации в заблуждение, так как русскоязычное слово «партнерское» многозначно. Также термин «партнерское финансирование» очень точно передает смысл операций по нему, которые строятся на морально-этических нормах, хотя и берущих начало в религиях, но признаваемых светским обществом повсеместно, поскольку они строятся по принципу «win-win», где каждая из сторон справедливо распределяет прибыли и убытки.

После принятия Федерального закона о партнерском финансировании проблема законодательного регулирования не решилась в полной мере, а скорее перешла на уровень Центрального Банка России, которому предстоит большой нормотворческий процесс регулирования операций по данному финансированию, прежде всего тех из них, которые касаются сукук. Традиционно в России регламенты выпуска и обращения ценных бумаг — это сфера деятельности Центрального Банка России, которому и предстоит решить эти вопросы. Прежде всего, на наш взгляд, Центральному Банку России следует закрепить место и роль сукук в системе традиционных ценных бумаг и уже после этого регламентировать их выпуск и обращение.

Также на законодательном уровне необходимо решить вопросы, сопутствующие банковской деятельности в области партнерского финансирования, — некредитных организаций и страхования. Без этого законодательное регулирование

деятельности по партнерскому финансированию не будет осуществлено в полной мере.

Важной частью законодательного регулирования операций по партнерскому финансированию являются и изменения, касающиеся налогообложения. По своему механизму сукук схожи с операциями РЕПО, предполагающими обратную покупку/аренду актива. Однако сделки РЕПО, согласно ст. 282 Налогового кодекса, освобождены от налога на прибыль. Важно понимать, что при выпуске сукук осуществляются операции с недвижимым имуществом либо правами требования, следовательно, это влечет возникновение обязанности по уплате налога на прибыль в случае приобретения и обратной продажи активов. Здесь следует учитывать и срок, через который будет выкупаться недвижимость (Мокина, 2017). Кроме того, эмитентам сукук в рамках налогового законодательства России предоставляется возможность структурировать выпуск таким образом, чтобы в рамках эмиссии отсутствовали операции, подлежащие налогообложению НДС. В таком случае и не будет влияния данного налога на стоимость привлечения средств. Налоговым кодексом РФ предусмотрен ряд ситуаций, договоров и видов сделок, при условии которых НДС не возникает. Например, к таковым можно отнести использование имущества, находящегося в муниципальной или государственной собственности, при передаче которого первоначального НДС не возникнет, несмотря на то что участники сделок являются плательщиками данного налога. В целом целесообразно внести изменения в Налоговый кодекс и расширить перечень операций, освобождаемых от НДС: это устранил двойное налогообложение и позволит уравнивать условия выпуска исламских облигаций и традиционных (там же).

Как показывает вышеприведенный анализ попыток выпуска сукук, важнейшими, кроме законодательных ограничений, являются так называемые технические проблемы. Прежде всего, они связаны с необходимостью модернизации современных банковских программных продуктов с добавлением релизов, которые бы учитывали специфику операций

по партнерскому финансированию. Применительно к сукук такую специфику можно описать следующим образом:

- 1) запрет «ṭiba» – ссудного процента;
- 2) разделение прибыли и убытков;
- 3) запрет на «gharaḥ» (спекулятивные сделки, чрезмерная неопределенность);
- 4) запрет на получение денег от денег;
- 5) запрет на юридически неразрешенную деятельность (ḥaram) (осуществление бизнеса только на основе «halal» – юридически разрешенной деятельности).

Таким образом, перед банковскими программистами стоит важнейшая задача разработки программных релизов к банковским продуктам, которые бы учитывали эту специфику.

Главнейшими же проблемами, на наш взгляд, являются две: работа с населением в части «демификации» исламского банкинга и подготовка квалифицированных кадров в области партнерского финансирования. Традиционно в России «Восток – дело тонкое», а ислам ассоциируется с глубоким консерватизмом и пугает немусульманское население. Поэтому повышение грамотности населения в части разоблачения мифов в отношении исламских банковских продуктов остается в приоритете. Министерство образования и науки России также поддерживает необходимость подготовки квалифицированных специалистов в области партнерского финансирования с помощью проекта об обязательном включении соответствующих дисциплин в ряд образовательных программ высших учебных заведений. Многие вузы в Татарстане, Башкирии, Чечне и Дагестане самостоятельно вводят не только дисциплины, но и магистерские программы, освящающие исламские финансы. Например, популярна дисциплина Казанского федерального университета «Формирование информации об операциях партнерского финансирования и ее аудит»⁹. Перечень проблем внедрения партнерского финансирования приведен в табл. 1.

9. <https://do.kpfu.ru/course/view.php?id=8676>

Таблица 1. Проблемы внедрения партнерского финансирования в России

Проблема	Российский опыт	Международный опыт
Подготовка квалифицированных кадров	Единичные дисциплины и магистерские программы, осяцающие исламские финансы в Татарстане, Башкирии, Чечне, Дагестане	Полноценное религиозное образование в странах, где Ислам является единственной государственной религией. Тогда нет необходимости дополнительного образования в области исламского банкинга. Для светских стран отдельное высшее, как правило, магистерское образование в области именно исламских финансов
Совершенствование банковских программных продуктов, которые бы учитывали специфические особенности инструментов партнерского финансирования	Дополнение современных существующих банковских продуктов дополнительными релизами, которые бы могли учитывать специфику инструментов партнерского финансирования	Достаточно богатый выбор программных продуктов, как полностью созданных для отражения операций по партнерскому финансированию, так и в форме приложений к традиционным банковским продуктам
Работа с населением в части «демификации» исламского банкинга	Банки самостоятельно решают проблему через рекламу и популяризацию банковских продуктов, выпущенных по принципам партнерского финансирования	Высокая грамотность населения позволяет избегать традиционных мифов в области исламского банкинга
Совершенствование федерального и банковского законодательства в области партнерского финансирования	Представлено только Федеральным законом о партнерском финансировании от 4 августа 2023 г. №417 фз	Как правило, принимается единый федеральный закон, а далее Центральный Банк страны разрабатывает постановления и указания по отдельным инструментам партнерского финансирования
Разработка законодательства в области исламского страхования	Отсутствует полностью, но предусмотрена такая возможность в Федеральном законе о партнерском финансировании от 4 августа 2023 г. №417 фз	Очень развитая система исламского страхования в частности, да и в целом область страхования более расширена
Разработка законодательства в области некредитных организаций по принципам партнерского финансирования	Отсутствует полностью, но предусмотрена такая возможность в Федеральном законе о партнерском финансировании от 4 августа 2023 г. №417 фз	Как правило, принимается единый федеральный закон, а далее Центральный Банк страны разрабатывает постановления и указания по отдельным инструментам партнерского финансирования

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Изучение современного состояния проблемы с помощью научного анализа современной и исторической литературы позволило сделать вывод, что сукук совсем недавно стал актуальным объектом исследования ученых и перспективным способом привлечения инвестиций стран Персидского залива для банковского сектора (*Дерзаева, Алеткин, 2025*). Хотя многие вопросы теории и практики выпуска сукук остаются нераскрытыми, он существует, хотя и единичен, что говорит о проблемах, возникающих у российских организаций партнерского финансирования.

2. Анализ нормативно-правовых документов, отчетности организаций партнерского финансирования, материалов публичных выступлений их представителей позволил выявить перечень необходимых шагов со стороны ученых, практиков, специалистов и правительства для того, чтобы российские организации партнерского финансирования могли наилучшим и эффективным способом применять сукук для привлечения инвестиций стран Персидского залива. Главнейшими задачами, на наш взгляд, являются: подготовка квалифицированных кадров; совершенствование банковских программных продуктов, которые бы учитывали специфические особенности инструментов партнерского финансирования; работа с населением в части «демификации» исламского банкинга; совершенствование федерального и банковского законодательства в области партнерского финансирования; разработка законодательства в области исламского страхования и деятельности некредитных организаций по принципам партнерского финансирования.

3. Решение выявленных проблем видится, прежде всего, в повышении грамотности населения в области исламских финансов, применении зарубежных программных продуктов — как полностью созданных для отражения операций

по партнерскому финансированию, так и в форме приложений к традиционным банковским продуктам, разработке Центральным банком страны постановлений и указаний по отдельным инструментам партнерского финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккин Р.И. (2001). Страхование в мусульманском праве: теория и практика. М.: Анкил.
2. Беккин Р.И. (2009). ВАКФ как современный финансовый исламский институт // *Raх Islamica*. № 1 (2). С. 146–161.
3. Беккин Р.И. (2015). Шариат для тебя: Диалоги о мусульманском праве. М.: Смена.
4. Беккин Р.И., Калимуллина М.Э. (2010). Закаят. Практическое руководство: пособие по расчету, выплате и распределению. М.: Исламская книга.
5. Дерзаяева Г.Г. (2024). Сукук как инструмент выхода на исламские фондовые рынки согласно закону о партнерском финансировании // XVIII Российский венчурный форум «Технологическое предпринимательство: пространство высших компетенций»: сборник материалов / Сост. Р.Ш. Ахмадиева, Р.Н. Минниханов; Под общ. ред. президента Академии наук Республики Татарстан, д-ра техн. наук, проф., Р.Н. Минниханова. Казань: ГБУ «НЦБЖД». С. 239–249.
6. Дерзаяева Г.Г., Алеткин П.А. (2025). Исламский банкинг как феномен: религия в экономике или экономика в религии? // *Теория и практика общественного развития*. № 2. С. 102–108.
7. Калимуллина М.Э. (2011). Великобритания: исламские финансы без привилегий // *Международный бухгалтерский учет*. № 12 (162). С. 62–68.
8. Калимуллина М.Э. (2017). Стандартизация исламских финансовых сделок // *Актуальные проблемы российского права*. № 3 (76). С. 122–126.
9. Калимуллина М.Э. (2018). О направлениях развития партнерского банкинга и финансов // *Банковское дело*. № 3. С. 23–27.
10. Мокина Л.С. (2017). Исламские ценные бумаги как источник финансирования инвестиционных проектов и перспективы их размещения на финансовом рынке России // *Российское предпринимательство*. Т. 18. № 22. С. 3429–3446.

11. *Нагимова А.З.* (2021а). Исламский капитал в экономике Казахстана // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 100–108.
12. *Нагимова А.З.* (2021б). Исламские финансы в России: взгляд участников рынка // *Вопросы экономики*. № 5. С. 74–90.
13. *Нагимова А.З.* (2023). Исламские рынки капитала: пример сукук // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 4. С. 81–91.
14. *Умаров Х.С.* (2013). Инвестиции в исламские ценные бумаги сукук и их отражение в финансовой (бухгалтерской) отчетности // *Финансовый бизнес*. № 4 (165). С. 32–35.
15. *Умаров Х.С.* (2015). Формирование методики адаптации исламского бухгалтерского учета к РСБУ // *Аудитор*. № 4. С. 58–63.
16. *Умаров Х.С.* (2020). Особенности учета аренды (иджара) и облигаций (сукук) исламских финансовых институтов // *Международный бухгалтерский учет*. Т. 23. № 1 (463). С. 4–16.
17. *Харисова Ф.И., Дерзаева Г.Г.* (2023). Формирование информации об операциях с сукук в России / *Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития*. Материалы XVII международной научной конференции. СПб., 21 октября. 2022 г. СПб.: Санкт-Петербургский Государственный экономический университет. С. 71–78. EDN: BZVUJN.
18. *Харисова Ф.И., Курбанова Г.К.* (2017). Исторические аспекты развития исламской модели бухгалтерского учета // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. № 5. С. 154–158.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы

V–VI Октябрьской международной научной конференции
по проблемам теоретической экономики

Редактор — *Ерзнкян М.Д.*

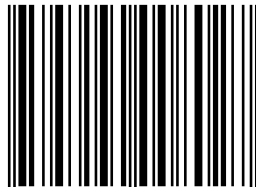
Компьютерная верстка — *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 30.12.2025 г.

Заказ № 26. Тираж 300 экз. Объем 9,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0802-7

9 785994 008027 >